This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

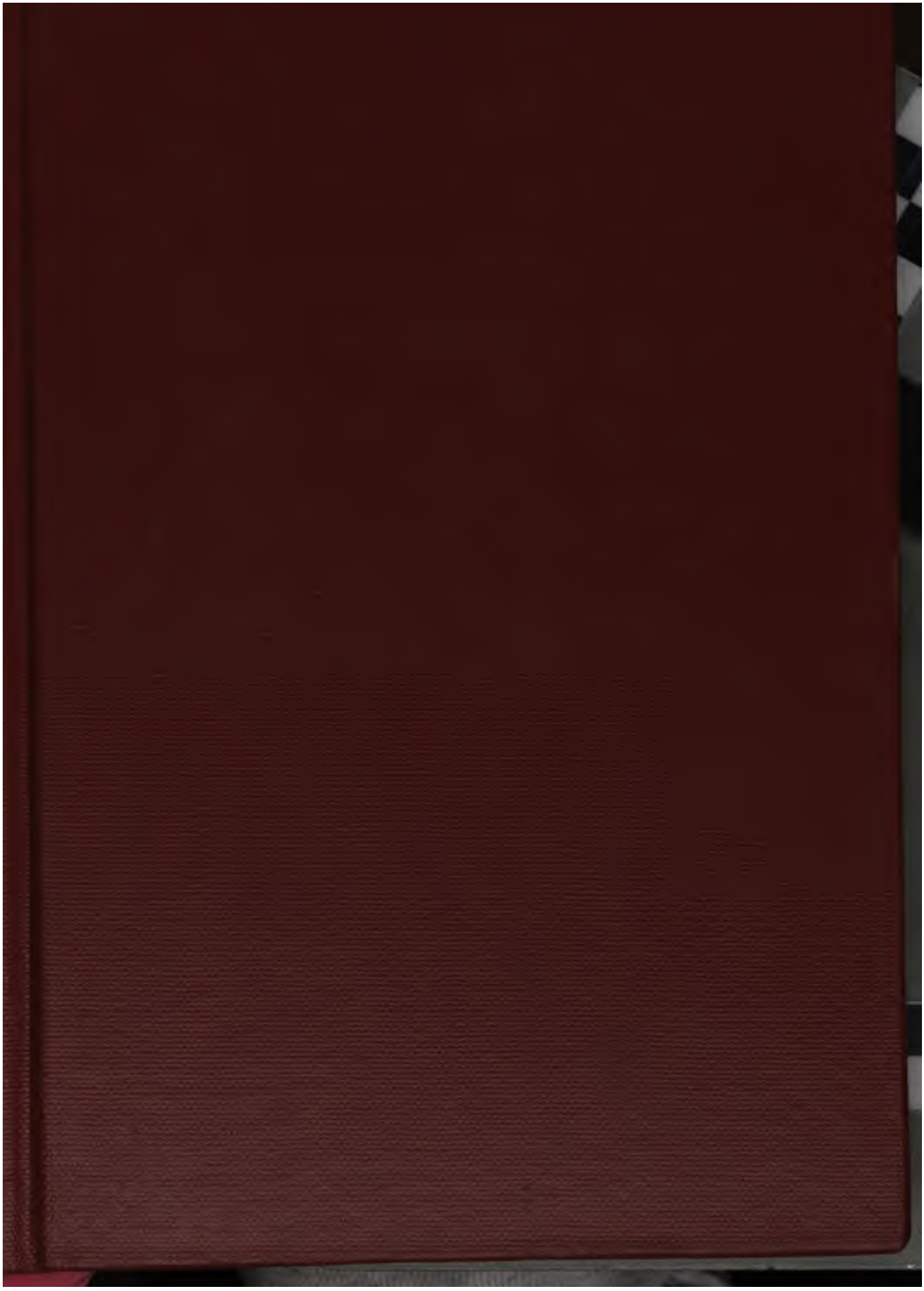
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Leningrad.
Nikolaevskaia voennaia akademiia.

1800 г.—6 мая—1900 г.

УВОРОВЪ

ВЪ СООБЩЕНІЯХЪ ПРОФЕССОРОВЪ

лаевской академіи генеральнаго штаба.

77569

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ю-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго театра, 2.
1900.

Leningrad.
Nikolaevskaia voennaia akademiia.
355 (047)
С-39

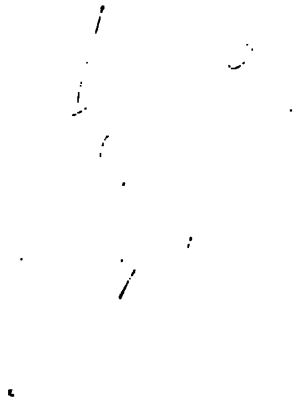
1800 г.—6 мая—1900 г.

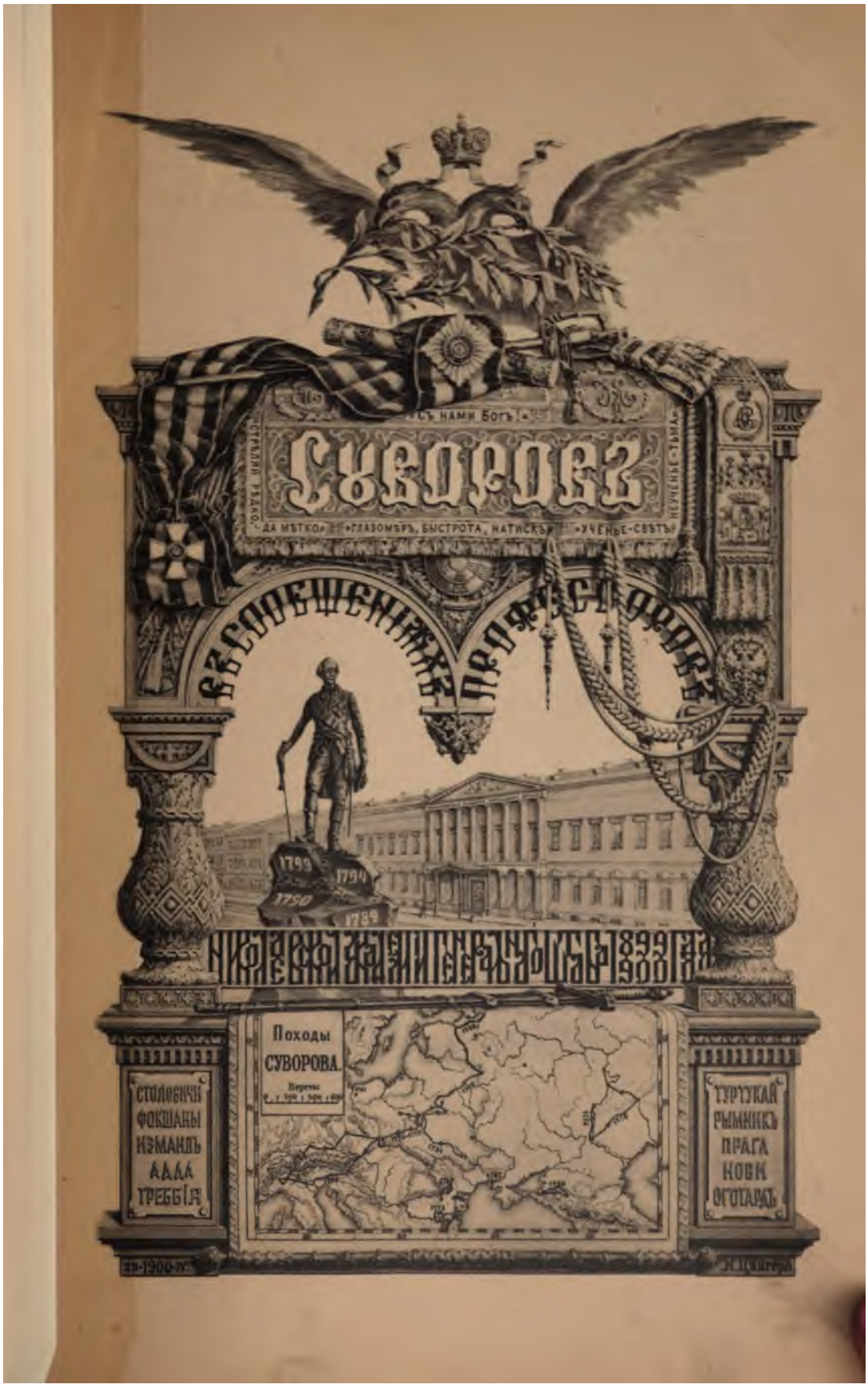
СУВОРОВЪ

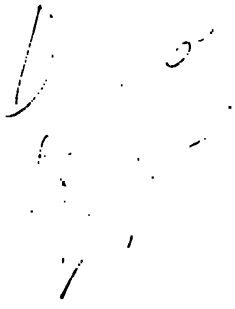
ВЪ СООБЩЕНІЯХЪ ПРОФЕССОРОВЪ

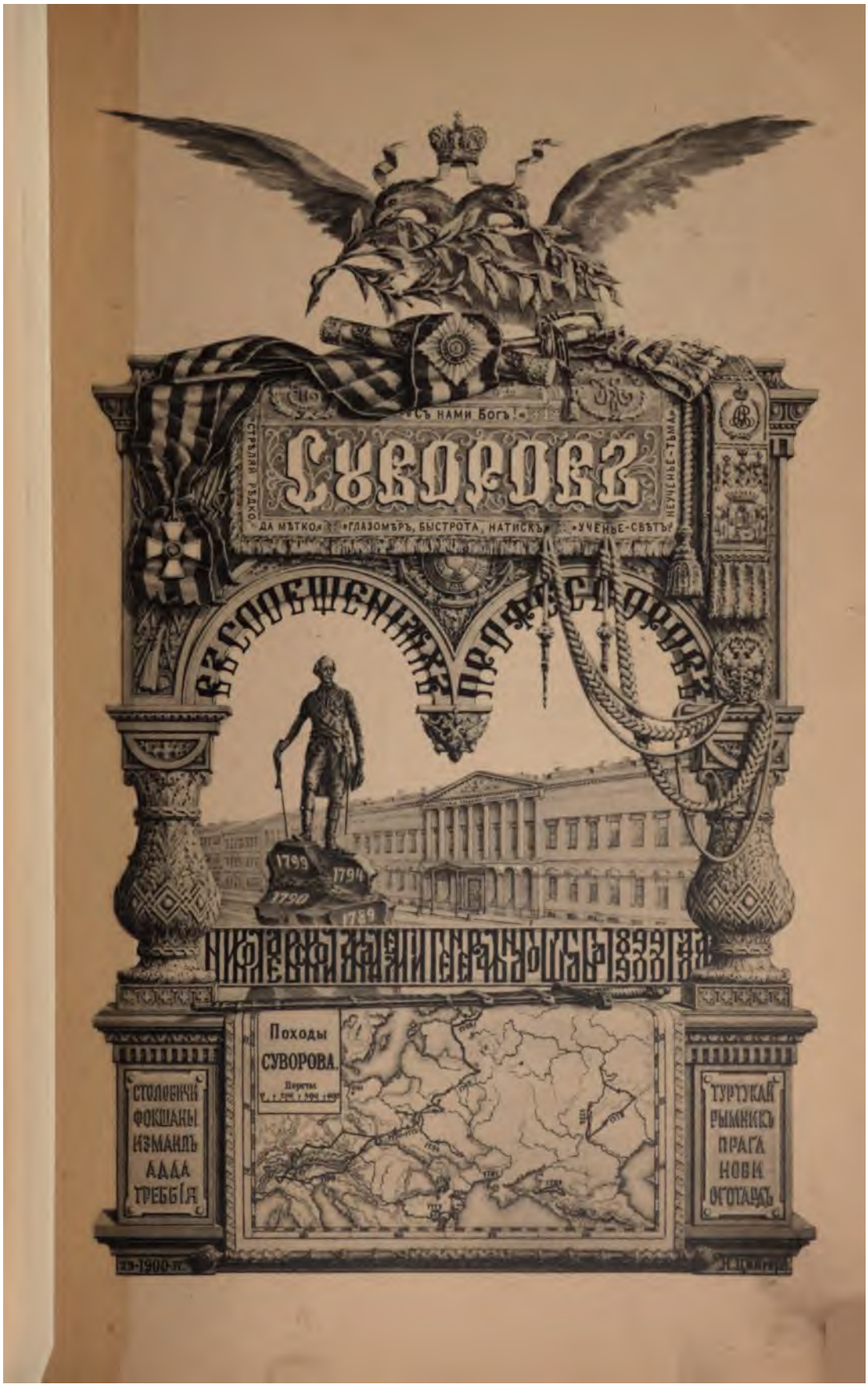
Николаевской академіи генеральнаго штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго театра, 2.
1900.




Съ нами Богъ!
Суворовъ
Походы Суворова.
1799
1790
1750
1789




«Съ нами Богъ!»
СУВОРОВЪ
СТРѢЛЯЙ РѢДКО
ДА МѢТКО
«ГЛАЗОМѢРЪ, БЫСТРОТА, НАТИСКЪ»
НЕУЧЕНЬЕ-ТЬМА
«УЧЕНЬЕ-СВѢТЪ»
ВЪ СОВЕРШЕНІЯХЪ ПРОФЕССІЯ ОРУЖІЯ
1799
1794
1790
1789
Походы СУВОРОВА.
СТОЛОВИЧИ
ФОКШАНЫ
ИЗМАИЛЪ
АДДА
ТРЕББІЯ
ТУРТУКАЙ
РЫМНИКЪ
ПРАГА
НОВИ
ОТТАДЪ

ВЫСОЧАЙШЕЕ

СОИЗВОЛЕНІЕ НА ПЕРЕДАЧУ ВЪ ВѢДѢНІЕ

НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

ДѢЛА СООРУЖЕНІЯ

Суворовскаго памятихранилища.

---

13 октября 1899 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на сооруженіе музея въ увѣковѣченіе памяти генералиссимуса Суворова при Николаевской академіи генеральнаго штаба на Всемилостивѣйше пожалованномъ ей участкѣ земли на Преображенскомъ плацу съ тѣмъ, чтобы все дѣло по сему вопросу, возложенное на особую комиссію при Главномъ Штабѣ, было передано попеченію названной академіи.

29 ОКТЯБРЯ 1799—1899 Г.

(Напечатано въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1899 г. № 23)

Панихида по Суворовѣ и торжественное засѣданіе конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба.

29 октября 1899 г., въ память исполнившейся столѣтней годовщины признанія заслугъ великаго полководца съ высоты Престола-возведеніемъ *фельдмаршала* графа Суворова въ званіе *генералиссимуса*, Николаевская академія генеральнаго штаба, въ 2 часа дня, отслужила панихиду на могилѣ Суворова, а въ 9 часовъ вечера состоялось торжественное засѣданіе конференціи академіи. Панихиду совершало духовенство Александро-Невской лавры съ архимандритомъ Арсеніемъ во главѣ. На панихидѣ присутствовали начальствующія лица, чины академіи, обучающіеся въ ней офицеры и много прочихъ чиновъ военнаго вѣдомства.

Приглашенія присутствовать на торжественномъ засѣданіи были посланы заблаговременно почетнымъ членамъ академіи, почетнымъ членамъ конференціи академіи, членамъ военнаго совѣта, старшимъ чинамъ генеральнаго штаба, начальникамъ военныхъ академій, членамъ бывшей суворовской комиссіи, редакторамъ военныхъ журналовъ и приказомъ по академіи назначено присутствовать на засѣданіи всѣмъ служащимъ въ академіи и обучающимся офицерамъ.

Для торжества въ залѣ Михаила Ивановича Драгомирова (аудиторія младшаго класса) была устроена особая эстрада; надъ серединою эстрады была помѣщена прекрасная копія, работы художника Шильдера, съ того портрета генералиссимуса, который послужилъ нѣкогда оригиналомъ для извѣстной гравюры Уткина. Портретъ былъ красиво убранъ драпировками изъ суконъ двухъ цвѣтовъ, а подъ нимъ выставлена маска покойнаго Суворова, хранившаяся у генерала Зуева. На эстрадѣ, влѣво, была выставлена карта походовъ Суворова, а справа стояла парадная каѳедра. Залъ и портретъ были освѣщены электричествомъ.

Къ 9 часамъ вечера залъ наполнился многочисленными приглашенными лицами.

По прибытіи начальника Главнаго Штаба, на эстраду взошелъ начальникъ академіи, генералъ-лейтенантъ Сухотинъ и въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовалъ то тревожное настроеніе, въ которомъ находился Петербургъ 100 лѣтъ тому назадъ, когда, послѣ полученія донесенія о несчастномъ исходѣ Цюрихскаго сраженія, стоустая молва стала доносить вѣсти о той опасности, въ которой находились войска Суворова и при нихъ сынъ Государя—Великій Князь Константинъ Павловичъ; только въ двадцатыхъ числахъ октября Императоръ Павелъ получилъ подробное донесеніе Суворова о происшедшемъ, и тогда во всей своей правдѣ предсталъ великій подвигъ, совершенный Суворовымъ и его дружиной чудо-богатырей—подвигъ спасенія русскихъ воиновъ и чести Русскаго Государя; вслѣдъ за симъ 29-го октября послѣдовалъ рескриптъ, возводившій Суворова въ званіе генералиссимуса и даровавшій ему высокія почести.

Послѣ ген. Сухотина были произнесены рѣчи ординарными профессорами военнаго искусства, полковникомъ Мышлаевскимъ и полковникомъ Орловымъ.

Напомнивъ, что въ историческихъ судьбахъ русской арміи считается два великихъ полководца—Царь Петръ и Суворовъ, и сопоставивъ послѣдняго съ такими крупными именами, какъ Минихъ, Румянцевъ и Потемкинъ, полковникъ Мышлаевскій поставилъ вопросъ—гдѣ же причина успѣховъ Суворова, въ чемъ скрывается тотъ неизмѣнный спутникъ, который дарилъ его побѣдами и въ болотахъ Польши, и на побережьи Чернаго моря, и въ сожженныхъ солнцемъ равнинахъ Молдавіи, и на берегахъ синяго Дуная, и подъ чуднымъ небомъ Италіи, и среди суровыхъ скалъ Швейцаріи? Отвѣтомъ на это является особенность Суворова—*гармоническое сочетаніе генія съ широкимъ всестороннимъ военнымъ образованіемъ*. До какой степени Суворовъ высоко ставилъ возможно широкую научную подготовку, лучшимъ примѣромъ можетъ служить составленная имъ въ 1786 году автобіографія. Великій полководецъ оставилъ намъ завѣты на важное значеніе высшаго военнаго образованія, а потому нельзя отрицать исторической связи Суворова съ нашей военной академіей, связи, которая нынѣ, державной волей нашего Верховнаго Вождя, облечена въ видимую форму—учрежденіемъ при академіи Суворовскаго музея.

Полковникъ Орловъ, обратившись къ картѣ съ начертанными на ней линіями суворовскихъ походовъ, ярко охарактеризовалъ проявленіе въ каждомъ изъ этихъ походовъ суворовскаго генія и затѣмъ остановился на оцѣнкѣ этой великой личности, какъ стратега, тактика и военнаго педагога, сохранявшаго всегда

свой національный оттѣнокъ и достойнаго занять мѣсто въ средѣ десяти великихъ полководцевъ Европы.

Торжественное засѣданіе было закончено слѣдующей рѣчью начальника академіи, генералъ-лейтенанта Сухотина.

„Сто лѣтъ назадъ Суворову удивлялись, Суворова величали героемъ, Суворова Русскій Царь сопричислилъ къ своимъ сыновьямъ и повелѣлъ вѣрноподданнымъ въ молитвахъ присоединять имя Суворова къ Своему Имени...

„...Суворовъ сталъ кумиромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Суворова не понимали, а Суворовское міровоззрѣніе въ области воинскаго, ратнаго дѣла не только не признавалось, но рѣшительно отвергалось: создававшееся въ тиши кабинетовъ чиновниковъ и ложно-военныхъ людей до корня исключало все Суворовское...

„Недолго продолжалось восторженное поклоненіе герою, скоро настала пора инымъ чувствамъ; пошли скорбные дни—сверженія кумира съ пьедестала.

„Ударилъ часъ—не стало Александра Васильевича Суворова. Прошло сто лѣтъ: безсмертное имя—Суворовъ—стало нарицательнымъ міровоззрѣнію русскаго воинства: отъ мала до велика всѣ русскіе воины въ Суворовѣ видятъ свой идеалъ,—къ нему стремятся подойти, ему уподобиться; его дѣла, его совѣты и поученія составляютъ основу нашего воинскаго самопознанія. Наименованіемъ — „по - Суворовски“ — окрещиваются всѣ подвиги русскаго воинства; вездѣ, повсюду, гдѣ было торжество русскаго оружія, гдѣ былъ побѣдный праздникъ русскаго воинскаго духа, тамъ признавалось присутствіе духа Суворова, тамъ чувствовалось присутствіе благословляющей тѣни его, тамъ слышалось его—„Помилуй Богъ, какъ хорошо!“.

„Не разъ въ это столѣтіе вѣянія модныхъ минутъ и людей, при случаѣ, шатали и колебали суворовское—суворовщину; но истина суворовскаго идеала въ концѣ-концовъ торжествовала: и подъ Фридландомъ и Прейсишъ-Эйлау, и подъ Бородинымъ, и въ Севастополѣ, и въ Балканахъ — на Шипкѣ, въ высяхъ Кавказа и въ безводныхъ пустыняхъ Азіи русское воинство дѣлало то же, что дѣлали чудо-богатыри Измаила, Праги, швейцарскаго похода, ревниво тая въ себѣ частички духа своего великаго старца-вождя.

„Сто лѣтъ назадъ передъ Суворовымъ идолопоклонничали,—но его, его духъ отвергнули; теперь передъ Суворовымъ благоговѣютъ, признавъ его, его духъ источникомъ свѣта въ нашемъ сложномъ дѣлѣ подготовки и использованія силы—русскаго воинства. Русская военная наука, съ высшимъ представителемъ ея—съ нашею академіею во главѣ—уже 60—70 лѣтъ изучаетъ дѣянія и завѣты безсмертнаго вождя русской силы. Въ лицѣ своихъ лучшихъ умовъ—Милютина, историка подвиговъ Суворова, Драгомирова, истолкователя суворовскаго ученія, въ лицѣ плеяды своихъ учениковъ (Соковича, Масловскаго, Голицина, Богдановича и многихъ другихъ), наша академія свято хранитъ суворовскую истину, сберегаетъ суворовскій свѣточъ, всегда преслѣдуя суворовскій завѣтъ о единеніи науки съ жизнью, теоріи съ практикой.

„Гдѣ тайна живучести суворовскихъ завѣтовъ въ нашемъ воинствѣ?

„Тайна въ томъ магическомъ словѣ, которымъ Суворовъ въ тягчайшія минуты испытаній неоднократно поднималъ своихъ соратниковъ на невѣроятные подвиги. Эти слова „*Вы Русскіе*“!..

„Въ этомъ словѣ—тайна Суворовскаго обаянія, тайна

его мощнаго воздѣйствія на русскую ратную массу. Этимъ словомъ Суворовъ—русскій человѣкъ отъ мозга до костей—охватывалъ все—всю силу, которою жилъ, дышалъ и дѣйствовалъ русскій воинъ въ теченіе тысячелѣтней военной исторіи;—всю силу, которую отдавало русское воинство—чудо-богатыри на служеніе русской землѣ и Русскому Царю.

„И русскій народъ, и его дѣтище—русское воинство въ отвѣтъ на родной призывъ Суворова, на призывъ ему родной русской души единодушно отвѣчаетъ: „Ты нашъ народный герой! Ты великій человѣкъ русской земли! Ты нашъ великій вождь и учитель".

„И да послужитъ намъ всегда великій вождь чудо-богатырей, сильный разумомъ, богатый просвѣщеніемъ и знаніемъ, непоколебимый и непреклонный волею, стойкій и крѣпкій вѣрою въ Бога и въ силу русскаго человѣка, озаренный любовью къ Россіи,—великій Суворовъ, мощный духомъ, да послужитъ намъ образцомъ служенія на пользу Государя и Россіи,—да будетъ онъ намъ идеаломъ, къ которому каждый изъ насъ будетъ стремиться всегда и повсюду,—да послужитъ нашъ великій полководецъ свѣточемъ, освѣщающимъ намъ пути въ познаніи воинскаго дѣла во славу Царя и Россіи".

Суворовъ и военная наука.

(Рѣчь, сказанная на торжественномъ засѣданіи конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба 29-го сентября 1899 года ординарнымъ професоромъ, полковникомъ Мышлаевскимъ).

Въ историческомъ прошломъ нашей арміи считается два великихъ полководца. Впрочемъ, оговорюсь: ихъ признаемъ только мы, русскіе, а не наши сосѣди по ту сто-

рону границы; но мы уже привыкли, что намъ во многомъ отказываютъ, продолжая и до-днесь считать насъ, такъ сказать, „всесторонними варварами", пригодными, однако, для небольшихъ услугъ, въ родѣ... участія въ семилѣтней войнѣ, наполеоновскихъ войнахъ или венгерской кампаніи. Поэтому, не обращая вниманія на сужденія запада, а также и на взгляды тѣхъ спеціальныхъ умовъ, которые исключительною своею задачею поставляютъ подмѣчать человѣческія слабости, смѣло назовемъ великія для насъ имена; это—Царь Петръ и Суворовъ.

Много у нихъ родственныхъ чертъ, но есть и существенныя отличія. Одинъ—Царь, къ 17-му году жизни поборовшій главныя внутреннія сопротивленія, которыя стояли на пути; къ услугамъ его генія было все: армія, народъ, финансы, плеяда сподвижниковъ, услуги дипломатіи и скипетръ самодержавія. Другой—сынъ скромнаго подпоручика, въ теченіе девяти лѣтъ изучающій „съ фундамента" солдатское дѣло; homo novus и въ обществѣ, и въ арміи, подготовлявшей ему едва-ли не карьеру интендантскаго чиновника. Какъ видимъ, условія жизненной ихъ обстановки, въ минуту появленія на исторической сценѣ, были слишкомъ различны, чтобы, не опасаясь рискованныхъ выводовъ, возможно было продолжать дальнѣйшее сравненіе.

Точно также невыгодно для Суворова сопоставленіе его и съ другими большими именами русской арміи, съ Минихомъ, Румянцовымъ и Потемкинымъ.

Минихъ, но..., по сравненію съ Суворовымъ, это даже не величина. Если онъ оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи нашей арміи, то, главнымъ образомъ, благодаря особому искусству держаться за извѣстный тріумвиратъ

изъ Эрнста Іогана Бирона, Генриха Іогана Фридриха Остермана и Карла Густава Левенвольда. Все это были коэфиціенты, высоко облегчавшіе служебные успѣхи, которые, однако, не возвысили Миниха настолько, чтобы дать ему право развязать ремень на ногѣ великаго полководца.

Болѣе близокъ къ Суворову Румянцовъ. Военный талантъ послѣдняго не многимъ уступаетъ суворовскому, а его вліяніе на развитіе у насъ военнаго дѣла, послѣ смерти Петра, было наиболѣе производительнымъ. Но зато и жизненный путь Румянцова въ первые, наиболѣе трудные, годы не былъ усѣянъ терніями. „Родословный“ человѣкъ по происхожденію, сынъ недюжиннаго дипломата, Румянцовъ 15 лѣтъ отъ роду былъ уже офицеромъ, а 18-ти произведенъ изъ капитановъ прямо въ полковники за... доставку извѣстія о заключеніи абоскаго мира. Не такъ легки были первые шаги Суворова!

Не буду сравнивать Суворова съ „великолѣпнымъ княземъ Тавриды“ — Потемкинымъ, этимъ баловнемъ счастья. Тѣ средства, при помощи которыхъ они поднимались на верхнія ступени, были слишкомъ различны, чтобы допускать возможность сравненія.

И тѣмъ не менѣе, не смотря на крайне трудныя условія, при которыхъ Суворову пришлось выступить въ жизни, онъ сталъ неизмѣримо выше этихъ трехъ фаворитовъ судьбы и достигъ того званія, которое по петровскому уставу только „коронованнымъ главамъ и великимъ владѣющимъ принцамъ надлежитъ, наипаче тому, чье есть войско“. Гдѣ же источникъ этихъ чрезвычайныхъ успѣховъ? Въ чемъ состоялъ этотъ неизмѣнный спутникъ, который дарилъ Суворова побѣдами и въ болотахъ Польши, и на побережьи Чернаго моря,

и въ сожженныхъ солнцемъ равнинахъ Молдавіи, и на берегахъ синяго Дуная, и подъ чуднымъ небомъ Италіи, и среди суровыхъ скалъ Швейцаріи?! Въ чемъ заключались тѣ преимущества Суворова, которыя, въ концѣ концовъ, поставили его въ исключительное положеніе полководца, не знающаго, что такое крупная неудача? Могутъ сказать,—разумѣется, въ его военномъ геніи, въ поразительномъ сочетаніи обширнаго ума и могучей воли, въ его умѣньи воспитать массу, въ его магическомъ вліяніи на эту массу, въ его умѣньи вести ее за собою...

Все это несомнѣнно. Но въ стѣнахъ нашей академіи умѣстно особенно подчеркнуть, выдвинуть на первый планъ, одну спеціальную принадлежность полководца, недавно отмѣченную и французскимъ ученымъ Рамбо, это—замѣчательно гармоническое сочетаніе природныхъ талантовъ съ широкимъ всестороннимъ военнымъ образованіемъ. И сочетаніе это не было случайнымъ! Еще Фридрихъ Великій говорилъ, что военное искусство, въ высшихъ его проявленіяхъ, не можетъ быть даромъ одной лишь природы, что оно является результатомъ большого труда и всесторонняго изученія соотвѣтствующихъ отраслей знаній. Военный талантъ—это драгоцѣнный самородокъ, надъ которымъ должна поработать искусная рука особаго мастера, называющагося наукою. Великій умъ Суворова постигъ эту истину съ юношескихъ лѣтъ. Всѣмъ намъ извѣстна его жажда военныхъ знаній въ дѣтскіе годы, про которую ходятъ легендарные разсказы. Быть можетъ въ дѣтствѣ это было дѣйствительно только непроизвольнымъ влеченіемъ, но съ годами, по мѣрѣ того, какъ крѣпло въ Суворовѣ сознаніе его предназначенія и развивался военный та-

лантъ, стремленіе это не только вылилось въ опредѣленное ученіе, но и уложилось въ извѣстную программу, которая заняла вполнѣ опредѣленное мѣсто, по отношенію къ его „наукѣ побѣждать“.

Едва-ли я погрѣшу, если позволю себѣ высказать взглядъ, что „наука побѣждать“, легшая въ основу современнаго войскового воспитанія, въ сужденіяхъ Суворова не заключала полной программы военной подготовки. Въ глазахъ Суворова это былъ курсъ общей учебно-воспитательной школы, которая предназначалась для массъ. Но для отдѣльныхъ лицъ, которыя, въ силу личнаго честолюбія или талантовъ, претендовали на руководящую въ арміи роль, эта школа должна была служить только прочнымъ фундаментомъ; на немъ слѣдовало еще построить самое зданіе по болѣе обширному плану.

Уже въ одномъ изъ приказовъ 1770 года, когда Суворовъ только мечталъ о будущихъ успѣхахъ, онъ говоритъ: „хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всѣхъ случаяхъ потребны, токмо тщетны они, ежели не будутъ истекать изъ искусства“. Искусство же это достигается наукою: „генералу“, говоритъ онъ, „необходимо непрерывное образованіе себя науками...“; нужна „непрестанная наука изъ чтеніевъ“; только „безпрерывное изощреніе взгляда сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ...“.

До какой степени высоко ставилъ Суворовъ законченную научную подготовку, лучшимъ примѣромъ можетъ служить составленная имъ въ 1786 году автобіографія, являющаяся какъ бы завѣщаніемъ потомкамъ („потомство мое прошу брать мой примѣръ...“). Даже тамъ, перечисляя свои славныя дѣянія, Суворовъ не забы-

ваетъ поставить себѣ въ особую заслугу также и то, что онъ былъ образованнымъ человѣкомъ.

Придавая громадное значеніе образованію и военнымъ наукамъ, видя въ нихъ дѣйствительное средство „бить умѣньемъ, а не числомъ“, Суворовъ, какъ я сказалъ, отчасти намѣтилъ и общій циклъ этихъ наукъ. Въ этомъ отношеніи особую цѣнность, по полнотѣ высказываемыхъ взглядовъ, имѣетъ письмо его къ Александру Карачаю 1793 года, напечатанное А. Петрушевскимъ въ составленной имъ біографіи генералиссимуса. Документъ этотъ настолько драгоцѣненъ, что позволяю себѣ цитировать выдержки изъ него, заранѣе извиняясь за могущія встрѣтиться неточности моего перевода:

„Какъ военный, хорошо изучайте Вобана, Кегорна, Гибнера, немного богословія, естественныхъ наукъ (de physique) и психологіи (въ подлинникѣ „de morale“). Хорошо перечитайте Евгенія, Тюренна, коментаріи Цезаря, Фридриха II, первые томы Ролана съ продолженіями и гер. Саксонскаго... Обучайте хорошо вашихъ солдатъ, но подавайте имъ въ этомъ примѣръ на самомъ себѣ. Только непрестанное изощреніе глазомѣра (du coup d'oeil) сдѣлаетъ васъ великимъ генераломъ.... Изучайте, какъ пользоваться мѣстными условіями... Сохраняйте въ вашей памяти имена великихъ людей и слѣдуйте имъ въ вашихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, но съ благоразуміемъ... Никогда не пренебрегайте вашимъ противникомъ, но изучайте его войска, его способы дѣйствій; изучайте его сильныя и слабыя стороны“...

На приведенныхъ строкахъ не буду останавливаться; онѣ сами за себя говорятъ. Въ дополненіе къ нимъ не безполезно напомнить и такое изреченіе: „возьми себѣ

въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ вслѣдъ, поравняйся, обгони... слава тебѣ!“ Иначе говоря, изучая великіе образцы прошлаго, не останавливайся на нихъ, но иди впередъ и тогда (и только тогда) „слава тебѣ“.

Разумѣется, какъ человѣкъ практики, какъ великій знатокъ военнаго дѣла, Суворовъ былъ рѣшительнымъ врагомъ „кабинетности“ въ военной наукѣ. Врагъ всякихъ „bestimtsagen“, всякихъ шаблоновъ, нормъ, трафаретокъ, теорій только для теорій, полководецъ, и словомъ, и дѣломъ, ставилъ нашу науку въ самую тѣсную связь съ боевымъ опытомъ, съ дѣйствительнымъ общеніемъ съ тѣмъ громаднымъ живымъ существомъ, которое называется арміею. „Никакой баталіи“, по его словамъ „въ кабинетѣ выиграть невозможно“.

Таковы въ краткихъ, самыхъ общихъ чертахъ взгляды полководца на военную науку. И эти завѣты не умерли съ нимъ. Скажу болѣе: подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ на время потускнѣла сама личность Суворова, а его наука побѣждать поросла травою забвенья, но проповѣдь о необходимости широкаго военнаго образованія принесла обильные плоды. Безъ ложнаго самолюбія, не скрывая историческихъ фактовъ, признаемся, что XVIII вѣкъ былъ временемъ великаго офицерскаго невѣжества въ области военныхъ наукъ. Правда, пользы военныхъ знаній мы никогда не отрицали. Еще въ XVII вѣкѣ мы говорили, что „ратная премудрость паче и превыше всѣхъ иныхъ премудростей“, но далѣе этого изреченія на практикѣ не пошли. Насаждалъ военную науку и Петръ Великій, но..., взамѣнъ прочнаго утвержденія низшей военной школы, мы начали съ „усовершенствованія“ за границею. Заботился о томъ же и Минихъ, но его

шляхетная школа уклонилась въ сторону контрадансовъ и хорошихъ манеръ. Заботился о „просвѣщеніи военныхъ регулъ“ и Екатерина II; говорилъ о пользѣ книгъ и Румянцовъ, но... „ничто не помоществовало“ и даже, на столько „не помоществовало“, что еще въ первые годы текущаго столѣтія приходилось заботиться о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ маіоры не попадали малограмотные офицеры.

Но, вотъ, насталъ 1800 годъ, а съ нимъ и для военной науки настали лучшія времена. Начали напрягаться всѣ усилія для подъема офицерскаго образованія и общаго, и спеціальнаго. Въ этихъ видахъ, годъ за годомъ, издаются все новыя и новыя распоряженія, облегчающія доступъ образованнымъ людямъ въ офицерскую среду; на этой почвѣ мало по малу выростаетъ сѣть военныхъ школъ, на этой же почвѣ возникаетъ школа колонновожатыхъ, а затѣмъ кладется первый камень и нашей академіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что указанному движенію было много причинъ, изъ которыхъ главными являются просвѣщенные взгляды и энергія лицъ, ставшихъ во главѣ военнаго дѣла, а отчасти и вліяніе болѣе тѣснаго общенія съ западомъ во время заграничныхъ походовъ наполеоновскаго времени. Но... отдадимъ дань справедливости и Суворову; не будемъ забывать его могучаго вліянія на современниковъ; не будемъ забывать и того, что онъ не проповѣдывалъ лишь пользу военной науки, но, гдѣ могъ и какъ могъ, ее и насаждалъ. Не умозрительнымъ лишь путемъ, не путемъ одного лишь заимствованія, но и на урокахъ родного намъ полководца познавали мы въ тѣ дни, что значитъ „глазомѣръ, быстрота и натискъ“ въ братскомъ единеніи

съ наукою и широкимъ просвѣщеннымъ военнымъ взглядомъ. А разъ это такъ, то признаемъ и родственную связь нашей академіи съ завѣтами полководца. Признаемъ и то, что если программа ея была разработана барономъ Жомини, то необходимость ея учрежденія подсказывалась и словомъ, и дѣломъ, и жизнью великаго русскаго воина.

Нынѣ, Державною волею Верховнаго нашего Вождя, историческая идейная связь, соединяющая насъ съ Суворовымъ, облечена въ реальную форму. Учреждаемое при академіи хранилище вещественныхъ памятниковъ о полководцѣ соединитъ насъ съ нимъ неразрывною связью. Оттуда мы съ новою силою станемъ черпать уроки на будущее! Но тамъ же, по Царской милости, мы найдемъ и завѣтъ великаго полководца работать на пользу науки на родной намъ основѣ!

Суворовъ-полководецъ.

(Рѣчь, сказанная на торжественномъ засѣданіи конференціи Николаевской академіи генеральнаго штаба 29-го октября 1899 года ординарнымъ профессоромъ, полковникомъ Орловымъ).

Сегодня [1]) исполнилось сто лѣтъ со времени пожалованія Александру Васильевичу Суворову чина гене-

[1]) 29 октября 1899 г.

ралисимуса, наивысшаго въ военной іерархіи. Чинъ генералисимуса принадлежитъ начальнику всѣхъ войскъ, полководцу, командовавшему нѣсколькими арміями [1]). Суворовъ заслужилъ чинъ генералисимуса многотрудной боевой дѣятельностью въ теченіе сорока лѣтъ, ознаменованной великими военными подвигами. Находящаяся передъ нами карта, составленная преподавателемъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба генералъ-маіромъ А. А. Даниловскимъ, [2]) наглядно показываетъ намъ, сколь многочисленны были походы Суворова, появлявшагося со своими побѣдоносными войсками въ большей части Европы.

Въ самомъ дѣлѣ. Во время семилѣтней войны, еще въ чинѣ подполковника Казанскаго пѣхотнаго полка, въ 1759—1761 гг. онъ принималъ дѣятельное участіе.

---

[1]) Въ воинскомъ уставѣ Петра Великаго сказано:

„Сей чинъ коронованнымъ главамъ и великимъ владѣтельнымъ принцамъ только надлежитъ, а наипаче тому, чье есть войско. Въ небытіи же своемъ оный команду даетъ надъ всѣмъ войскомъ своимъ генералъ-фельдмаршалу". У насъ, кромѣ Суворова, генералисимусами были: князь А. Д. Меншиковъ и супругъ правительницы Анны Леопольдовны, принцъ Антонъ-Ульрихъ.

[2]) Карта приложена особо.

командуя конными отрядами въ партизанскихъ дѣйствіяхъ. Въ первой польской войнѣ 1768—1772 г.г., бригадиръ Суворовъ нанесъ полякамъ жестокіе удары подъ Лянцкроной и Столовичами и тѣмъ главнымъ образомъ повліялъ на исходъ войны, результатомъ которой былъ первый раздѣлъ Польши. Первая турецкая война ознаменована побѣдами генерала Суворова подъ Туртукаемъ, Гирсовымъ и Козлуджей въ 1773—1774 г.г. Тотчасъ по окончаніи турецкой войны онъ былъ посланъ для усмиренія пугачевскаго бунта. Хотя главный ударъ былъ нанесенъ Михельсономъ, но необычайно быстрое преслѣдованіе Суворовымъ Пугачева въ степи ускорило гибель самозванца. Дѣятельность Александра Васильевича въ Крыму и на Кубани, сопровождавшаяся кровопролитными столкновеніями, много повліяла на присоединеніе къ Россіи Крыма и утвержденія власти русскихъ на Кубани. Кинбурнъ, Фокшаны, Рымникъ и кровопролитный штурмъ Измаила — подвиги Суворова во вторую турецкую войну въ 1787—1790 г. Третья польская война въ 1794 г. была заключена Суворовымъ послѣ ряда побѣдъ надъ поляками при Дивинѣ, Кобринѣ, Крупчицахъ, Брестѣ, Кобылкѣ и въ особенности послѣ потрясающаго штурма Праги. Послѣдовалъ третій раздѣлъ Польши, которая прекратила свое политическое существованіе. Суворовъ награжденъ чиномъ фельдмаршала. Въ 1799 г., во время знаменитыхъ итальянскаго и швейцарскаго походовъ, фельдмаршалъ, командуя союзными русскими и австрійскими войсками, одержалъ побѣды надъ французами на р.р. Аддѣ, Тидонѣ, Треббіи, при г. Нови, на вершинѣ С.-Готарда, у Чортова моста, при Альторфѣ, въ Муттенталѣ и Кленталѣ, у Гларіса.

Наивысшаго развитія геній великаго русскаго полководца достигаетъ въ 1799 г. Иностранцы, даже Клаузевицъ и Жомини, не могли его понять; но русскій историкъ Д. А. Милютинъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о суворовскомъ походѣ въ Италію и Швейцарію, явился истолкователемъ Суворова и указалъ на высокое достоинство его таланта.

Этотъ талантъ былъ великъ и до безконечности разнообразенъ. Суворову приходилось дѣйствовать на весьма разнообразныхъ театрахъ войны: на равнинахъ Пруссіи и Италіи, въ лѣсахъ и болотахъ Польши и Литвы, въ степяхъ Молдавіи и Валахіи, Крыма, Новороссіи, сѣвернаго Кавказа и оренбургскихъ, въ горахъ Швейцаріи. Такимъ же разнообразіемъ отличался противникъ и его предводители: нѣмцы, поляки, турки, татары, французы; предводители ихъ вообще были люди весьма храбрые и энергичные; среди нихъ можно отмѣтить нѣсколько признанныхъ военныхъ талантовъ: Дюмурье, Моро, Макдональдъ, Жуберъ, Массена, Гюденъ, Лекурбъ.

Суворовъ предпринималъ всевозможныя военныя операціи: полевыя сраженія, переправы черезъ рѣки, осаду, оборону и штурмъ крѣпостей, оборону морскихъ береговъ, партизанскую войну.

Отъ природы Суворовъ былъ одаренъ обширнымъ умомъ, обнаруживавшимся во всякомъ его дѣйствіи, въ каждомъ мнѣніи. Еще изъ родительскаго дома онъ вынесъ уваженіе къ наукѣ и жажду знанія, а на службѣ, чуть не до послѣдняго дня жизни, постоянно пополнялъ свое многостороннее образованіе. Просвѣщенный наукою умъ и продолжительная военная практика выработали у Суворова замѣчательный военный глазомѣръ,

это внутреннее око, направляющее рѣшеніе полководца, способность вычитать истину изъ массы сбивчивыхъ и часто противорѣчивыхъ признаковъ. Такъ въ 1770 г., во время первой польской войны, когда литовскій гетманъ Огинскій, тщательно скрывая свои политическіе замыслы, собиралъ между тѣмъ армію для дѣйствій противъ русскихъ, Суворовъ отлично разгадалъ его намѣренія, постигъ въ немъ самаго опаснаго врага, и вопреки приказанія своего начальника Веймарна двинулся къ Сталовичамъ и разбилъ Огинскаго. Въ іюнѣ 1799 г., когда можно было ожидать наступленія французовъ съ разныхъ сторонъ, когда доходившія до Суворова вѣсти были до крайней степени противорѣчивы и сбивчивы, онъ быстро опредѣлилъ главнаго врага, Макдональда, немедленно двинулся противъ него и разгромилъ въ бояхъ подъ Тидоной и Треббіей.

Суворовъ имѣлъ характеръ рѣшительный, обладалъ желѣзной волей, доходилъ до крайней степени упорства, когда приходилось приводить въ исполненіе свои планы. Онъ не нуждался въ совѣтахъ, не требовалъ ихъ и не принималъ. Разъ задумавъ что нибудь, не колебался и немедленно стремился къ достиженію поставленной цѣли. Всѣ данные имъ бои носятъ самый рѣшительный характеръ (Фокшаны, Рымникъ, Измаилъ, Нови...). Моро выразился о немъ такъ: „Что же можно сказать о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ“.

Если у Суворова не было равновѣсія между умомъ и характеромъ, то нѣкоторый перевѣсъ замѣтенъ въ сторону послѣдняго. Однако чрезмѣрная отвага не до-

водила полководца до предпріятій безразсудныхъ,—все было соображено съ обстановкой.

Онъ обладалъ чрейзвычайной личной храбростью, но не выставлялъ ее на показъ; во всей его исторіи мы не найдемъ какого нибудь эффектнаго, блестящаго подвига личной храбрости. Онъ не становится во главѣ штурмующей колонны со знаменемъ въ рукахъ, не летитъ онъ впереди атакующей конницы, ничего подобнаго онъ не дѣлаетъ; но къ нему лучше всего примѣнимы слова историка. „Аннибалъ не забывалъ долга полководца и, безъ особенныхъ нужды и пользы, не бросался опрометчиво въ рукапашный бой и не сражался, какъ рядовой воинъ“. Суворовъ всегда былъ на своемъ мѣстѣ, весьма часто подвергался опасности и не избѣгалъ ея, если требовалось его присутствіе тамъ, гдѣ происходилъ жаркій бой и царила смерть. Въ бою при Тидонѣ 6 іюня 1799 г. онъ разъѣзжалъ среди войскъ и все повторялъ: „впередъ, впередъ, коли, руби!“ При Нови 4 августа 1799 г., послѣ первыхъ безуспѣшныхъ атакъ русскихъ, онъ почти безпрерывно былъ въ огнѣ; сопровождая баталіоны, идущіе въ атаку, онъ подъ пулями и картечью ободрялъ солдатъ, а потомъ пускалъ ихъ на врага, приговаривая: „незадерживайся, иди шибко, бей штыкомъ, колоти прикладомъ... ухъ махни головой тряхни“. Достаточно сказать, что Суворовъ былъ раненъ шесть разъ, ему неоднократно приходилось подвергаться лично нападенію непріятеля и отражать удары. Онъ никогда не заявлялъ о подвигахъ своей личной храбрости, хотя высоко цѣнилъ свои подвиги, какъ генерала, даже не отличаясь въ этомъ отношеніи скромностью: когда въ 1774 г. былъ убитъ даровитый гене-

ралъ Вейсманъ. Суворовъ не постѣснился сказать: „Вейсмана не стало, остался одинъ я“.

Укрѣпивъ съ теченіемъ времени свое слабое здоровье, онъ проявилъ впослѣдствіе необыкновенную выносливость; онъ избѣгалъ комфорта, всегда велъ такую жизнь, какъ будто оставался на бивакѣ: спалъ на сѣнѣ и даже въ холода носилъ самую легкую одежду. Бодрость 70-лѣтняго старика изумляла всѣхъ: онъ не ходилъ, а бѣгалъ; не ѣздилъ, а скакалъ; во всѣ три дня боя на Тидонѣ и Треббіи онъ почти не сходилъ съ коня, проявилъ самую кипучую дѣятельность днемъ въ бою, а ночью за диспозиціями и прочими распоряженіями, и потому крайне нуждался въ отдыхѣ,—онъ еле держался на ногахъ. Не смотря на это, фельдмаршалъ весело поздравилъ собравшихся вечеромъ 8 іюня генераловъ „съ третьею побѣдою“ и сказалъ: „Завтра дадимъ четвертый урокъ Макдональду“. Никогда его здоровье не вліяло тормазящимъ образомъ на военныя операціи, и постоянно онъ обнаруживалъ самую кипучую дѣятельность.

Главныя пружины, двигавшія Суворова на подвиги,—страсть къ военному дѣлу (и къ войнѣ, какъ конечному его проявленію), сильнѣйшее честолюбіе и славолюбіе. Внѣ военной профессіи для него не было дѣятельности, которая могла бы удовлетворять его. Въ 1793 г., когда для Россіи наступилъ періодъ мира, Суворова подмываетъ поступить волонтеромъ въ германскія войска, воевавшія противъ французовъ; 7 іюля онъ проситъ Государыню: „повелѣть меня, по здѣшней тишинѣ, уволить волонтеромъ къ нѣмецкимъ и союзнымъ войскамъ на всю кампанію“. Въ 1798 г., когда онъ подвергся неожиданной опалѣ и былъ сосланъ въ

свое имѣніе Кончанское, ему показалось, что военное поприще кончилось для него безповоротно, цѣль жизни исчезла; тогда онъ пожелалъ отдалиться отъ міра и поступить въ монастырь, ибо ничѣмъ другимъ не могъ бы удовлетвориться. Лишь только затѣмъ его призвали для командованія въ Италіи, Суворовъ преобразился. унынія не осталось и слѣда; могучій духъ настолько овладѣлъ всѣмъ его существомъ, что даже сдѣлалъ незамѣтнымъ вліяніе старости; слабое тѣло фельдмаршала прекрасно выдержало и лѣтнія жары въ равнинахъ Ломбардіи, и холода въ снѣгахъ швейцарскихъ горъ. Лишь только война прекратилась, Суворовъ слабѣетъ, заболѣваетъ и черезъ полгода умираетъ.

Честолюбіе было присуще Суворову, представлявшему цѣльный типъ военнаго человѣка; но оно не доходило у него до степени болѣзненности, и для полученія почетной награды или чина онъ не поступался своими правилами нравственности. Всѣ отличія онъ получилъ за боевыя заслуги („завоевавъ Польшу, вы сами себя сдѣлали фельдмаршаломъ", писала Екатерина II). Точно также онъ не давалъ боевъ и не пускался въ предпріятія. которыя служили бы только для удовлетворенія его честолюбія и не нужны были въ общей экономіи войны.

Военную славу Суворовъ считалъ выше всего и свое поученіе войскамъ оканчивалъ словами: „слава, слава, слава". Онъ пользовался магическимъ вліяніемъ на массы. Солдаты слѣпо вѣрили въ непобѣдимость своего генерала. Онъ постоянно вступалъ въ общеніе съ солдатомъ и владѣлъ краснорѣчіемъ особаго рода—каждое его слово шло прямо къ солдатскому сердцу.

Безкорыстіе, щедрость, добродушіе и простота въ

обращеніи привлекали къ нему всѣ сердца. Религія— могущественный рычагъ на войнѣ и для русскихъ солдатъ имѣетъ особенно важное значеніе. Суворовъ былъ человѣкомъ въ высшей степени религіознымъ, а потому ему легко было пользоваться „могущественнымъ рычагомъ".

Мы перечислили многія качества Суворова, какъ полководца, но, по справедливому замѣчанію одного иностраннаго писателя (Амберъ), трудно даже указать на такое военное качество, котораго бы въ немъ не было.

Нельзя умолчать о странностяхъ Суворова, которыя сдѣлали его прославленнымъ чудакомъ. Онъ не прикидывался имъ, не напускалъ на себя искусственнаго оригинальничанья для достиженія какой-нибудь цѣли, чтобы сдѣлаться замѣтнымъ, а дѣйствительно чудачество вмѣстѣ съ веселостью лежали въ основѣ его натуры. Въ молодости онъ сдерживалъ себя, но когда достигъ извѣстнаго положенія, то далъ волю природѣ, и странности его усилились. Впрочемъ, многое, весьма естественное, принималось за эксцентричность людьми, которые не понимали сущности дѣла; выйдетъ Суворовъ въ сапогѣ на одной ногѣ и въ туфлѣ на другой— эксцентричность, а на самомъ дѣлѣ туфлю онъ часто носилъ на раненой ногѣ.

Съ точки зрѣнія стратегіи, военныя дѣйствія Суворова представляютъ высокій образецъ.

Онъ всегда задавался важной цѣлью. Въ эпоху, когда мѣстному элементу придавали большое значеніе, Суворовъ главною цѣлью дѣйствій всегда ставитъ не какіе-либо пункты и линіи, но арміи непріятеля и источники средствъ для веденія имъ войны (Дюмурье

подъ Лянцкроной, Огинскій при Сталовичахъ, вся кампанія 1794 г., Адда, Треббія, Нови). Намѣтивъ важнѣйшую цѣль, онъ искусно выбиралъ и направленіе для движенія своей арміи (операціонную линію), напримѣръ маршъ отъ Бреста къ Прагѣ 1794 г., дѣйствія по внутреннимъ линіямъ въ іюнѣ 1799 г. Онъ всегда стремился дѣйствовать сосредоточенными силами, хотя и подвергся наибольшимъ нареканіямъ критиковъ именно съ этой стороны. На самомъ дѣлѣ, если у него и замѣтна иногда разбросна силъ, то она не только отъ него не зависѣла, но являлась даже вопреки его желаніямъ. Разбросна силъ въ Италіи 1799 г. произошла отъ вліянія вѣнскаго гофкригсрата; въ Польшѣ же, въ войну 1768—72 гг., она вызывалась сущностью обстановки (партизанская война); но въ обоихъ случаяхъ стратегическое развертываніе его войскъ представляетъ выдающіеся образцы, особенно для того времени, когда кордонная система была еще во всеобщемъ употребленіи; замѣчательно у Суворова выдвиженіе авангардовъ на главнѣйшія направленія и возможность сосредоточенія значительныхъ силъ къ любому пункту театра войны. Если часто случалось, что Суворовъ являлся на поле сраженія съ меньшими силами, нежели у противника, то это было вопреки желаніямъ генерала, вслѣдствіе различныхъ причинъ; самъ же онъ старался сосредоточить возможно больше войскъ. Во всякомъ случаѣ Суворовъ побѣждалъ. Разброску и слабость своихъ силъ онъ вознаграждалъ подвижностью, быстротою маршей, составлявшею нѣчто неотъемлемое въ его природѣ. Вмѣстѣ съ быстротою являлась скрытность маршей, возникавшая совершенно естественно, сама собою, такъ какъ быстрота была столь велика, что никто не

вѣрилъ возможности появленія Суворова тамъ, откуда онъ еще недавно находился въ весьма далекомъ разстояніи (движеніе къ Сталовичамъ, Ландскронѣ, Бресту 1794 г., Треббіи 1799). Быстрота и скрытность маршей вели къ внезапности появленія—лучшему способу подготовки успѣха. Суворовъ всегда удерживалъ въ своихъ рукахъ починъ въ дѣйствіяхъ относительно непріятеля (1-я и 2-я польская война, Фокшаны и Рымникъ, 1799 г.). Если противникъ иногда и пытался захватить починъ въ свои руки, то Суворовъ сосредоточивался и наносилъ жестокіе удары: Треббія, Нови, Гирсово, Козлуджа, Кинбурнъ представляютъ блистательные тому примѣры. Онъ не зналъ отступленій (исключенія ничтожны), постоянно дѣйствовалъ наступательно [1]) и, сообразно съ обстановкой, искалъ боя, а не уклонялся отъ него. Въ тѣ времена, когда идея преслѣдованія непріятеля послѣ боя далеко еще не вошла въ сознаніе, когда говорилось о необходимости строить отступающему золотой мостъ, Суворовъ былъ горячимъ приверженцемъ полной эксплуатаціи побѣды, неотступнаго преслѣдованія на полѣ сраженія и на театрѣ войны, ибо „недорубленный лѣсъ опять выростаетъ“; въ одномъ же наставленіи онъ выражается такъ: „ничего не щадить; не взирать на труды; преслѣдовать непріятеля денно и нощно, пока истребленъ не будетъ“. Такъ Суворовъ поступалъ и въ дѣйствительности. Поклонникъ рѣшительнаго образа дѣйствій, онъ постоянно заботился объ обезпеченіи своей операціонной линіи (кампанія 1794 г.). Планы его были всегда весьма просты, что и составляетъ ихъ главное достоинство.

[1]) Это не слѣдуетъ понимать въ узкомъ смыслѣ, т. е., что Суворовъ считалъ необходимымъ наступать наперекоръ обстановкѣ.

Имѣя въ виду конечную задачу, они обнимали постановку лишь ближайшей цѣли и общее направленіе къ ней; все дальнѣйшее, всѣ подробности, строго подчинялись наличной обстановкѣ; слишкомъ далекое предвидѣніе различныхъ обстановокъ, подверженныхъ многимъ случайностямъ („весь этотъ вихрь случаевъ", по выраженію Суворова), онъ не признавалъ. Вотъ почему, быть можетъ, нѣкоторые писатели и увѣряютъ, будто Суворовъ дѣйствовалъ безъ всякаго плана, безъ толку передвигалъ войска взадъ и впередъ.

Такъ Клаузевицъ осуждаетъ превосходно задуманный фланговый маршъ Суворова 20 и 21 апрѣля 1799 г. отъ Милана къ р. По, составляющій замѣчательный и въ техническомъ отношеніи образецъ (см. мою книгу „Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи въ 1799 г." Спб. 1892 г., стр. 105 — 109). Нѣмецкій стратегическій писатель, не понявъ сути дѣла, считаетъ, что армія Суворова разошлась по радіусамъ круга. Однако слѣдуетъ замѣтить, что непониманіе еще не даетъ права къ отрицанію.

Теоретическія воззрѣнія его о веденіи войны, выраженныя кратко, картинно и своеобразно, разсѣяны въ его приказахъ, наставленіяхъ, письмахъ и замѣткахъ. Они затрогиваютъ множество предметовъ, но надъ всѣми мыслями мудраго полководца царитъ идея о необходимости „смотрѣнія на дѣло въ цѣломъ", что вѣдь и составляетъ сущность стратегіи. Придавая большое значеніе нравственному элементу, Суворовъ вездѣ ставитъ духъ выше формы; свой духъ вносилъ въ тактику, и вслѣдствіе этого всякій тактическій пріемъ пріобрѣталъ въ его рукахъ нѣкоторую особенность, обличавшую мастера.

Тактическій талантъ Суворова великъ, самобытенъ и неподражаемъ, хотя конечно основанъ на общихъ принципахъ военнаго искусства.

Незабвенную память оставилъ по себѣ Суворовъ какъ великій военный педагогъ, идеи котораго и понынѣ еще не примѣнены во всей полнотѣ. Здѣсь нельзя ограничиться одной подражательностью, надо проникнуться Суворовской сущностью. Конечно, въ его время и другіе военачальники прилагали здравыя основанія къ воспитанію солдата, однако никто не поднялся до его результатовъ, зависѣвшихъ отъ геніальности творца школы. Упроченіе религіозности, чувства чести, долга, національной гордости, преданности престолу.—вотъ основы его воспитанія („мы русскіе, съ нами Богъ!“). Наглядность въ обученіи (сквозныя атаки, эскалада нарочно построенныхъ рва и вала...), простота, обученіе только необходимому (отсутствіе при этомъ „чудесъ“, т. е. всего искусственнаго, непримѣнимаго на войнѣ) и при обстановкѣ, возможно близкой къ дѣйствительности, человѣколюбиваго обращенія безъ жестокости (тѣлесныя наказанія рѣдки), стремленіе, чтобы „каждый воинъ понималъ свой маневръ“, правило: „тяжело въ ученіи—легко въ походѣ, легко въ ученіи—тяжело въ походѣ“, обученіе немногому, но твердо... — таковы основы его образованія солдата. Вспоминая о командованіи Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ, Суворовъ писалъ такимъ образомъ: „Каждый шелъ черезъ мои руки, и сказано ему было, что болѣе ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забылъ“. Результаты суворовскаго воспитанія и образованія сказались въ рядѣ блестящихъ побѣдъ, какого не имѣетъ никто изъ русскихъ полководцевъ; въ теченіе своей военной

карьеры Суворовъ никогда не былъ побѣжденъ, а *постоянство* побѣдъ и военныхъ успѣховъ—свойство таланта. Современники Суворова приписывали его побѣды счастливымъ случайностямъ и не хотѣли признать въ немъ божественную искру военнаго генія. Но въ свое время самъ Суворовъ опровергъ своихъ порицателей словами: „сегодня счастье, завтра счастье. Помилуй Богъ! Надобно же когда нибудь и умѣнье“. Въ другой разъ онъ писалъ: „Я былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастьемъ“.

Внимательное разсмотрѣніе военныхъ дѣйствій Суворова обнаруживаетъ въ немъ военный геній, притомъ весьма характерный, имѣющій національный оттѣнокъ и дающій полное право поставить его имя, вмѣстѣ съ именемъ Петра I, въ среду десятка великихъ полководцевъ Европы.

СУВОРОВЪ СТРАТЕГЪ.

Сообщеніе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба ординарнаго профессора генералъ-маіора *Н. П. Михневича.*

1) Идеи Суворова въ области военнаго искусства.
2) Дѣятельность его какъ стратега по опыту войнъ 1794 и 1799 годовъ.
3) Мѣсто Суворова въ средѣ великихъ полководцевъ исторіи.

I.

Идеи Суворова въ области военнаго искусства.

Величественная личность Суворова, могущая служить украшеніемъ рода человѣческаго, его идеи, поражающія, какъ своею оригинальностью, но еще болѣе своеобразностью ихъ изложенія, до сихъ поръ не оцѣнены, а, можетъ быть, и еще долгое время не получатъ надлежащей оцѣнки.

Причиною этому, прежде всего, оригинальность самого Суворова. Старикъ фельдмаршалъ самъ чувствовалъ это, что и высказалъ одному изъ своихъ біографовъ, который просилъ сообщить какія нибудь характерныя подробности изъ его жизни.

Вотъ слова Суворова:

„Помилуй Богъ,—не трудитесь, я вамъ самъ себя раскрою: цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись. Я былъ Балакиревымъ: для пользы отечества говорилъ правду и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ [1]). Семьдесять лѣтъ гонялся я за славой, — все мечта; покой души — у престола Всевышняго“ [2]).

Эти правдивыя слова великаго русскаго человѣка выясняютъ всю трудность изученія души и мысли его. Странности въ поступкахъ, причудливый способъ выражаться, дѣлали его настолько непонятнымъ для многихъ, что даже такой серьезный по уму человѣкъ, какъ Потемкинъ, только тогда убѣдился въ обширномъ и глубокомъ умѣ Суворова, когда однажды императрица Екатерина II доставила ему возможность, спрятавшись за драпировкой въ ея кабинетѣ, послушать разговоръ Суворова по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ.

Изучая внимательно Суворова, невольно наталкиваешься на мысль, что онъ глубоко вѣрилъ въ то, что для геніальнаго полководца нужно геніальныхъ солдатъ.

Дѣйствительно: могущественная стратегія должна опираться на столь-же могущественную тактику; тактика-же зависитъ, прежде всего, отъ нравственныхъ качествъ солдата.

Суворовъ и ставитъ первою своею задачею создать „чудо-богатыря“, — солдата съ высокими моральными качествами.

---

[1]) Военн. Журн. 1856 г. № 4, стр. 79.

[2]) Саковичъ, „Дѣйствія Суворова въ Турціи“. С.-Петерб. изд. 1853 г., стр. 4.

Достиженіе этой задачи онъ основываетъ на очень простомъ началѣ, что, если въ арміи нравственная упругость не только не подорвана, а напротивъ, по возможности развита, можно рѣшаться на самыя отчаянныя предпріятія, не рискуя потерпѣть неудачу; можно рѣшаться даже и не при возможно лучшемъ планѣ дѣйствій“ [1]).

Придавая такое громадное значеніе энергіи и рѣшимости на войнѣ и сознавая, что на *быструю рѣшимость можетъ быть способенъ почти всякій человѣкъ*, Суворовъ и провелъ ее какъ въ системѣ воспитанія войскъ, такъ и въ рѣшеніи всѣхъ военныхъ вопросовъ; *энергія и активность отличительныя черты его идей и дѣйствій.*

Поэтому-то всѣ высказанныя имъ мысли и въ области стратегіи служатъ постояннымъ выраженіемъ *смѣлости и энергіи* и стремятся сочетать моральные и матеріальные элементы войны; во всякой его теоретической формулѣ выдѣляется прежде всего человѣкъ, а потомъ уже матеріальныя данныя.

„*Глазомѣръ, быстрота, натискъ*“ вотъ, по мнѣнію Суворова, три главнѣйшія основанія побѣды.

Слѣдовательно, прежде всего, надо оцѣнить обстановку, потомъ *быстро* принять рѣшеніе и закончить его рѣшительными дѣйствіями, т. е. натискомъ, а не выжидая удара со стороны противника.

Принимая во вниманіе основные взгляды Суворова на военное дѣло, весьма естественно его *отвращеніе къ оборонѣ*, оборонительной войнѣ.

Онъ не щадитъ сарказмовъ по адресу обороны.

---

[1]) Драгомировъ. Учебникъ тактики. 1879. стр. 428.

„Оборонительная война не хороша,—говорилъ онъ князю Ауерспергу, встрѣтившись съ нимъ на балѣ во дворцѣ, передъ отъѣздомъ въ Вѣну,—наступательная лучше. Французы на ногахъ, а вы на боку, они бьютъ, а вы заряжаете. Взведи курокъ, прикладывайся, а они Rinfreski (по итальянски прохладительное)—пропорція три противъ одного. Подите за мной и я вамъ докажу".

Также противна была Суворову, всѣми еще тогда практиковавшаяся, кордонная система [1]).

Письмо къ Графу Разумовскому изъ Турина отъ 18 мая:

„Дефенсивъ—офенсивъ.... По первому славенъ Лассіевъ кордонъ отъ Тріеста до Хотина. Сей прорывали варвары по ихъ волѣ; въ немъ много хранительныхъ пунктовъ; слабѣйшіе больше къ пользѣ непріятельской, чего ради меньше его силы, ударяя въ одинъ, преподѣваютъ. Такъ дѣлалъ здѣсь Бонапарте, такъ погибли Болье... Мнѣ повороту нѣтъ,—или также погибнуть..."

Онъ-же пишетъ ген. Гаддику слѣдующее:

„Кордонная линія всегда можетъ быть опрокинута: непріятель по своему произволу устремляетъ силы на одинъ постъ, между тѣмъ какъ обороняющійся, оставаясь еще въ неизвѣстности, имѣетъ свои силы разсѣянными...."

Въ слѣдующихъ краткихъ словахъ, продиктованныхъ имъ во время заключенія въ селѣ Кончанскомъ,

---

[1]) Замѣтимъ, что даже генералъ Бонапартъ, въ началѣ своей знаменитой кампаніи 1796—97 года въ Италіи, именно передъ первымъ наступательнымъ движеніемъ австрійцевъ на выручку осажденной имъ Мантуи, также примѣнилъ кордонную систему при оборонѣ р. Минчіо, но это было имъ сдѣлано въ первый и послѣдній разъ. Второй разъ онъ подобной ошибки уже не повторилъ.

Суворовъ выразилъ свой взглядъ на образъ веденія войны съ французами:

1) Дѣйствовать не иначе, какъ наступательно.

2) Въ походѣ—быстрота, въ атакѣ—стремительность; холодное оружіе.

3) Не нужно методизма, [1]) а вѣрный взглядъ военный.

4) Полная власть главнокомандующему.

5) Непріятеля атаковать и бить въ полѣ.

6) Въ осадахъ времени не терять; развѣ какой нибудь Майнцъ, какъ складочный пунктъ.

Иногда наблюдательный корпусъ, блокада, а всего лучше открытый штурмъ.—Тутъ меньше потери.

7) Никогда силъ не раздроблять для занятія пунктовъ. Обошелъ непріятель—тѣмъ лучше: онъ самъ идетъ на пораженіе....[2])

„Твердость, предусмотрительность, глазомѣръ, время, смѣлость, натискъ, поменьше деталей и подробностей въ рѣчахъ къ солдатамъ.... Да будетъ проклято педантство, прочь мелочность и копанье“ [3]).

„Никогда не презирайте вашего непріятеля, говорилъ онъ, каковъ-бы онъ ни былъ, и хорошо узнавайте его оружіе, образъ дѣйствовать имъ и сражаться, свои силы и его слабости.

---

[1]) Тутъ говорится о томъ условномъ, по существу, фальшивомъ *методизмѣ*, котораго придерживались европейскіе стратеги старой школы: медленные марши, злоупотребленія маневрами, пристрастіе къ оборонѣ, кордонной системѣ, безконечнымъ осадамъ и т. п.

[2]) Продиктована въ сентябрѣ 1798 года въ селѣ Кончанскомъ посланному Государемъ къ Суворову, генералъ-маіору Прево-де-Люміану, который долженъ былъ узнать его мнѣніе о тогдашнихъ политическихъ событіяхъ въ Европѣ.

[3]) Вѣнскій Архивъ. Изъ записной книжки ген. Шателера.

Должно стремиться къ одной главной точкѣ и забывать о ретирадѣ. Быстрота и внезапность замѣняютъ число. Натискъ и ударъ рѣшаютъ битву и приступъ предпочтительнѣе осады".

Сколько свѣжести въ этихъ мысляхъ; много-ли мы можемъ къ этому прибавить, когда уже между нами и Суворовымъ цѣлое столѣтіе съ войнами великаго Наполеона? Съ подобными взглядами Суворовъ появился въ итальянской войнѣ въ 1799 г. и *неизбѣжно долженъ былъ столкнуться съ австрійскими предразсудками и въ особенности съ педантизмомъ Вѣнскаго Гофкригсрата.*

Вѣнскій дворъ требовалъ, чтобы Суворовъ ничего не предпринималъ важнаго, не испросивъ предварительно разрѣшенія изъ Вѣны.

Суворовъ не могъ подчиниться этому и горько жаловался въ письмѣ къ нашему послу въ Вѣнѣ, Графу Разумовскому:

„Его Римско-Императорское Величество желаетъ, чтобы ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. *Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются; по сему дѣлу для нихъ нѣтъ никогда вѣрнаго плана.* Я ниже мечталъ быть на Тидонѣ и Треббіи по слѣдамъ Ганибала; ниже въ Туринѣ, какъ одинъ случай далъ намъ пользоваться тамошними сокровищами; ниже въ самомъ Миланѣ, куда намъ Вапріо и Кассано ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные висящіе власы. Летъ ея молніинъ; не схвати за власы——уже она не возвратится...." [1])

[1]) Письмо къ Разумовскому отъ 27 іюня 1799 г.

Въ другомъ письмѣ отъ 1 іюля фельдмаршалъ писалъ:

„Я въ Миланѣ—получаю изъ Вѣны отвѣты о моемъ пріѣздѣ въ Верону; я только что въ Туринъ перешелъ—пишутъ мнѣ о Миланѣ...“

Какъ извѣстно, къ военнымъ совѣтамъ Суворовъ, подобно Наполеону, прибѣгалъ не для того, чтобы получить рѣшеніе при данной обстановкѣ; рѣшеніе у него было всегда готово; но эти великіе мастера дѣла прибѣгали къ военнымъ совѣтамъ, чтобы влить въ умы и сердца своихъ подчиненныхъ убѣжденіе въ необходимости принятаго ими рѣшенія и тѣмъ вызвать энергичное и сознательное исполненіе.

Относительно *выбора операціонной линіи* и ея обезпеченія Суворовъ выражается вполнѣ опредѣленно: *живая сила ставится* у него главнымъ предметомъ дѣйствій, направленіе же удара—на чувствительное мѣсто въ расположеніи противника. *Выигрышъ во времени*, въ связи съ выборомъ кратчайшаго операціоннаго направленія, онъ считаетъ весьма важнымъ.

Вотъ какъ онъ скорбитъ по случаю остановки подъ Брестомъ въ 1794 году:

„Время драгоцѣннѣе всего. Юлій Цезарь побѣждалъ поспѣшностью. Я терплю до двухъ сутокъ для провіанта, запасаясь имъ знатно на всякій случай. Поспѣшать мнѣ надлежитъ къ сторонѣ Бреста, ежели между тѣмъ мятежники не разбиты, но не для магазейнъ-вахтерства (какъ прежде кондукторства); есть младшіе,..... или оставить все. Тамъ мнѣ прибавить войска, идти къ Прагѣ, гдѣ отрѣзать субсистенцію изъ Литвы въ Варшаву“.

Ненавистники Суворова, не имѣя данныхъ обвинять его въ медленности дѣйствій, говорили, что онъ „дикій натуралистъ“, преимущественно склонный къ лобовымъ ударамъ. Надо, наконецъ, быть справедливымъ къ великому стратегу.

Онъ, подобно Ганнибалу и Цезарю, былъ въ высшей степени гибокъ въ своемъ творчествѣ и дѣйствовалъ всегда сообразно обстановкѣ. Такъ: въ 1794 г. при движеніи къ Бресту, Суворовъ выбираетъ кружный путь, а въ 1799 г. въ походѣ въ Швейцарію—кратчайшій, на С.-Готардъ. То и другое рѣшеніе было вполнѣ раціонально и имъ самимъ объяснено слѣдующими соображеніями.

5 октября 1794 г. онъ доноситъ Румянцеву:

„Къ сожалѣнію, вмѣсто прямой дороги на Венгровъ, я долженъ взять кружный маршъ на Бѣльскъ, для боя съ Макрановскимъ, чтобы не дать ему моего крыла, обезпечить Брестъ и очистить Литву“.

Слѣдовательно, онъ двинулся кружнымъ путемъ для обезпеченія своей операціонной линіи.

Передъ походомъ въ Швейцарію въ 1799 г. онъ старается внезапно атаковать французскую армію, выбираетъ кратчайшее операціонное направленіе, о чемъ и пишетъ генералу Готце, приглашаемому къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ:

„Истинное правило военнаго искусства—прямо напасть на противника, съ самой чувствительной для него стороны, а не сходиться, робко пробираясь окольными дорогами, чрезъ что самая атака дѣлается многосложною, тогда какъ дѣло можетъ быть рѣшено только прямымъ смѣлымъ наступленіемъ“.

Политика и у Суворова, подобно Наполеону, Фридриху и др. полководцамъ, входила въ соображенія, какъ одинъ изъ важныхъ элементовъ войны.

Мастерское умиротвореніе Польши послѣ штурма Праги въ 1794 г., предположенія его о возстановленіи Пьемонтской арміи и Тосканскихъ ополченій, съ цѣлью освободить дѣйствующую армію отъ заботъ по обезпеченію тыла въ 1799 г., превосходно обрисовываютъ талантъ Суворова и съ этой стороны.

27 іюня 1799 г. въ письмѣ къ Разумовскому, по случаю предположенія послать корпусъ Ребиндера въ Неаполь, Суворовъ писалъ слѣдующее:

„Къ Неаполю прежде приступить не можно, доколѣ французы изъ иныхъ частей Зюйдъ-Италіи извержены не будутъ. Ежели при настоящихъ обстоятельствахъ, было-бы то легко: Тоскана, Романья,—еще изъ здѣшнихъ намъ усерднѣе Генуа..... Большая часть тамъ намъ пріятели; лишь обѣщать имъ возстановить ихъ прежнее правленіе, вольность и избавить ихъ отъ французскаго ига. Всѣ рѣченныя области должны будутъ имѣть ихъ арміи.... Чѣмъ вооружить?—у насъ слишкомъ изобильно, — а генераловъ имъ хотя Цесарскихъ. И такъ они сами будутъ себя оборонять, подъ покровительствомъ нашихъ войскъ....“

Отъ этой мѣры Суворовъ ожидалъ серьезныхъ выгодъ, почему въ томъ же письмѣ и читаемъ:

„Не лучше ли одна кампанія вмѣсто десяти? или не лучше ли имѣть *цѣль направить со временемъ путь на Парижъ*, нежели остроумно перегораживать дорогу къ своимъ вратамъ.... (т. е. пассивная оборона своихъ границъ, какъ и думали австрійцы, завоевавъ Италію).

Суворовъ ясно устанавливалъ рязницу между *планомъ войны, кампаніи и планомъ операціи.* Такъ, предполагая въ іюлѣ 1799 г. вторгнуться въ Генуезскую ривьеру, чтобы покончить съ арміею Моро, причемъ главныя силы изъ австрійскихъ войскъ предполагалось двинуть черезъ Тендскій проходъ, онъ пишетъ:

„Многія обстоятельства еще могутъ измѣниться, такъ что теперь слишкомъ было-бы *преждевременно начертать планъ* для нападенія черезъ Тендскій проходъ, или сдѣлать распредѣленіе войскамъ....“

Слѣдовательно, планъ операціи будетъ составленъ послѣ, а планъ кампаніи готовъ.

Суворовъ не могъ не придавать *значенія оріентированію* и производилъ развѣдки всѣми способами, но онъ былъ, конечно, противникъ злоупотребленія рекогносцировками и демонстраціями.

Въ 1799 г. по прибытіи въ Валеджіо, на предложеніе его начальника штаба генерала Шателера произвести рекогносцировку, Суворовъ съ досадою отвѣчалъ:

„Рекогносцировки! не хочу; онѣ годны только для трусовъ, чтобы предостеречь противника; а кто захочетъ, тотъ и безъ нихъ всегда отыщетъ непріятеля..... Колонны, штыки, холодное оружіе, атаки, ударъ... вотъ мои рекогносцировки!“

Такой урокъ былъ не лишнимъ для австрійцевъ, до крайности пристрастныхъ къ рекогносцировкамъ и демонстраціямъ; подъ видомъ рекогносцировокъ они ощупывали непріятеля, не рѣшаясь атаковать его; дѣлая демонстраціи, они раздробляли свои силы и нигдѣ не могли наносить настоящаго удара.

При веденіи операціи Суворовъ рекомендовалъ не

забывать основной принципъ военнаго искусства—дѣйствовать совокупными силами, а также пользоваться растерянностью противника, производя на него внезапное нападеніе.

Про операціонный планъ онъ говоритъ слѣдующее:

„Планъ операціонный въ главную армію, въ корпусъ, въ колонну. Ясное распредѣленіе полковъ.—Вездѣ расчетъ времени. Въ перепискѣ между начальниками войскъ слѣдуетъ излагать настоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ, безъ большихъ титуловъ: *будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое.* Не довольно, чтобъ одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія. Необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ нимъ. Мало того: даже баталіонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причинѣ, даже унтеръ-офицеры и рядовые. *Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ.* Тайна есть только предлогъ, больше вредный, чѣмъ полезный. Болтунъ и безъ того будетъ наказанъ.

Вмѣстѣ съ планомъ долженъ быть приложенъ *небольшой чертежъ*, на которомъ нѣтъ нужды назначать множество деревушекъ, а только главныя и ближайшія мѣста, въ той мѣрѣ, сколько можетъ быть нужно для простаго воина; притомъ нужно дать нѣкотораго рода понятіе о возвышеніяхъ (горахъ)“ [1]).

Передъ походомъ въ Швейцарію, въ приложеніи къ циркулярному предписанію изъ Асти отъ 25 августа

---

[1]) Изъ приказа по австрійской арміи, отданнаго Суворовымъ въ Валеджіо въ 1799 г.

(5 сентября) 1799 г., генераламъ Готце, Линкену и Римскому-Корсакову читаемъ слѣдующее:

„Для общаго нападенія считаю нужнымъ напомнить о необходимой во всѣхъ случаяхъ предосторожности держать по возможности *всѣ силы свои въ совокупности*, дабы безполезнымъ раздробленіемъ ихъ и добровольнымъ ослабленіемъ не сдѣлать самую атаку безуспѣшною. Затѣмъ должно *разузнавать вѣрныя* стоящаго предъ собою непріятеля и настоящую силу его. Мы должны *о первыхъ своихъ шагахъ* подробно извѣщать другъ друга черезъ ежедневныхъ курьеровъ."

О значеніи *внезапности* Суворовъ необыкновенно образно говоритъ: „Штыки, быстрота, внезапность!... Непріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти верстъ,— а ты удвоилъ шагъ богатырскій, нагрянь быстро, внезапно". „Непріятель не ждетъ; поетъ и веселится; а ты изъ за горъ высокихъ, изъ за лѣсовъ дремучихъ, черезъ топи и болота, пади на него, какъ снѣгъ на голову. Ура! бей! коли! руби! непріятель въ половину побѣжденъ, не давай ему опомниться. Гони, доканчивай! побѣда наша! у страха глаза велики!" [1]).

Развивая въ своихъ „чудо-богатыряхъ" безконечную удаль и находчивость, наказывая за нерѣшительность или какъ онъ называлъ за „немогузнайство", онъ требовалъ милостиваго обращенія съ побѣжденными и обывателями. Онъ указывалъ „не менѣе оружія поражать противника чѣловѣколюбіемъ".—„Не обижай обывателя, говорилъ Суворовъ солдатамъ, онъ тебя кормитъ и поитъ. Умирай за церковь и Царя: останешься живъ— честь и слава; умрешь—церковь Бога молитъ".

---

[1]) Милютинъ т. I. стр. 588.

Въ вѣкъ безсловесной дисциплины, основанной на полномъ уничиженіи подчиненныхъ, Суворовъ допускалъ: „возраженія низшаго высшему, но съ тѣмъ, чтобы оно дѣлалось пристойно, наединѣ, а не въ многолюдствѣ, иначе будетъ буйствомъ; излишнія разсужденія свойственны только школьникамъ и способностей вовсе не доказываютъ—способность видна лишь изъ дѣйствій".

Въ Польскую войну, онъ требовалъ отъ подчиненныхъ начальниковъ, находящихся въ отдѣлѣ, широкой иниціативы: „спрашиваться старшихъ накрѣпко запрещаю; но каждому постовому командиру въ его окружности дѣлать мятежникамъ самому собою скорый и крѣпкій ударъ, подъ взысканіемъ за малую дѣятельность".

Еще лучше и образнѣе выраженъ *принципъ частной иниціативы* въ слѣдующихъ словахъ.

„Мѣстный въ его близости по обстоятельствамъ лучше судитъ; онъ проникаетъ въ ежечасныя перемѣны теченія ихъ и потому направляетъ свои поступки по воинскимъ правиламъ" [1]).

„Я вправо, должно влѣво—меня не слушать".

„Я велѣлъ впередъ, ты видишь—не иди впередъ".

Будучи сторонникомъ энергичнаго образа дѣйствій вообще, Суворовъ естественно долженъ былъ быть сторонникомъ рѣшительныхъ сраженій, почему и отдавалъ видимое предпочтеніе штыку передъ пулей, даже *вышучивалъ всѣ слова, отвѣчающія инстинкту самосохраненія*, какъ опасность, поддержка (по тогдашнему „сикурсъ"), резервъ и т. п.

„Пуля дура, штыкъ молодецъ". „Штыкъ, быстрота и внезапность, говаривалъ Суворовъ, суть вожди россіянъ".

---

[1]) Приказъ по арміи 3 мая 1799 года.

„Сикурсъ, опасность и прочія вообразительныя въ мнѣніяхъ слова служатъ бабамъ, кои боятся съ печи слѣзть, чтобы ноги не переломить, а лѣнивымъ, роскошнымъ и тупозрячимъ *для подлой обороны*, которая по концѣ худая-ли, добрая-ли — разсказчиками также храброю называется".

Въ Итальянскомъ походѣ, чтобы привить австрійцамъ духъ русскихъ войскъ, въ основѣ котораго ложилась активность и штыковая подготовка, Суворовъ посылалъ русскихъ офицеровъ инструкторами въ австрійскіе полки, что послѣднимъ было крайне непріятно. Суворовъ это понималъ, но не было другого средства быстро достигнуть желаемой въ высшей степени серьезной цѣли.

Отъѣзжая изъ Турина 30 мая 1799 г., онъ далъ слѣдующее любопытное предписаніе князю Багратіону:

„Князь Петръ Ивановичъ! Графа Бельгарда войска изъ Тироля придутъ подъ Александрію необученныя, чуждыя дѣйствія штыка и сабли. Ваше Сіятельство, какъ прибудете въ Асти, повидайтесь со мною, и отправьтесь немедля къ Александріи, гдѣ вы *таинство побіенія непріятеля холоднымъ ружьемъ* Бельгардовымъ войскамъ откроете, и ихъ къ сей побѣдительной атакѣ прилежно направите; для обученія всѣхъ частей довольно двухъ или трехъ разъ, а коли время будетъ, могутъ больше сами учиться, а *отъ ретирадъ — отучите*. Наблюдите сіе крѣпко и надъ Россійскими. Скорѣе возвращайтесь къ своей командѣ...

Г. А. Суворовъ Рымникскій."

Объ отступленія Суворовъ слышать не хотѣлъ: слово „*ретирада*" произносилось имъ нараспѣвъ, а о «defen-

sife»—онъ говорилъ, что на русскомъ языкѣ соотвѣтствующаго слова нѣтъ.

Рекомендуя для обученія войска наступные плутонги, онъ прибавлялъ „*хотя и отступные, только съ толкованіемъ, что то не для отступленія, но только для пріученія ногъ къ исправнымъ движеніямъ*“.

Въ бою „должно *стремиться къ одной главной точкѣ* и забывать о ретирадѣ. Быстрота и внезапность замѣняютъ число. Натискъ и ударъ рѣшаютъ битву и приступъ предпочтительнѣе осады“.

Иностранные ученые считали Суворова склоннымъ къ грубымъ лобовымъ ударамъ, не взирая на потери; лишь-бы вышла рѣзня и затѣмъ блестящая реляція. Не таковъ былъ Суворовъ.

Вотъ какъ онъ говоритъ по этому вопросу въ связи съ вопросомъ о ночныхъ бояхъ:

„*Ночное пораженіе противниковъ* доказываетъ искусство вождя пользоваться побѣдою не для блистанія, но постоянства. Плодовитостью реляцій можно упражняться послѣ“.

Помимо широкаго предоставленія примѣнять частную иниціативу, Суворовъ относился къ своимъ подчиненнымъ въ высшей степени деликатно.

Вотъ, напримѣръ, письмо его къ генералу Розенбергу, отправленному къ Асти, по случаю затрудненій провіантскаго вѣдомства, вызванныхъ сосредоточеніемъ значительныхъ массъ подъ Александріей для движенія на встрѣчу Макдональду. Съ полдороги пришлось Розенберга вернуть назадъ. Суворовъ при этомъ пишетъ:

„Іюня 2—13 д. 1799. Александрія."

Ваше Высокопревосходительство Андрей Григорьевичъ!

Новѣйшія извѣстія. Французы какъ пчелы и почти изъ всѣхъ мѣстъ роятся къ Мантуѣ... Намъ надлежитъ на нихъ спѣшить. Гдѣ это васъ застанетъ, отдохнувши сколько надлежитъ—поспѣшайте къ намъ въ соединеніе. Мы скоро подымемся. Они сильны; съ нами Богъ! *Простите мнѣ, что вы были затруднены по обстоятельствамъ.*"

Г. А. Суворовъ Рымникскій.

Суворовъ не любилъ безтолковаго пролитія крови и укорялъ австрійскихъ генераловъ въ томъ, что они теряли людей понапрасну:

„Мудрый Бельгардъ между прочимъ привыкъ терять людей: въ началѣ кампаніи онъ доставилъ непріятелю въ Тиролѣ черезъ Лаудона слишкомъ 10.000 человѣкъ; нынѣ въ нуждѣ моей, онъ съ ранеными проигралъ слишкомъ 2000 человѣкъ"... „Для короны—размѣнъ есть; для нихъ—не ихъ люди; чего же жалѣть"... „Бештимтзагеры убавили у меня изъ подъ ружья въ три раза почти больше, нежели мнѣ на трехъ баталіяхъ стоили Тидона, Треббіа и Нура"...

Наиболѣе важною заслугою Суворова въ области стратегіи, выдвигающею его изъ ряда другихъ полководцевъ стратеговъ, слѣдуетъ признать установленіе правильнаго соотношенія между положительною дѣятельностью войскъ (борьбою съ противникомъ) и отрицательною ихъ работою въ тылу, по обезпеченію операцій.

Этотъ страшный вопросъ, предъ которымъ останавливались въ недоумѣніи многіе сильные умы и даже Наполеонъ, высказывавшій, что „le secret de la guere est dans le secret des communications“, т. е. въ сущности указавшій на эту тайну войны, но ничуть не рѣшившій его. Это тотъ вопросъ, который въ настоящее время занимаетъ многихъ изслѣдователей въ области стратегіи, какъ Пьерронъ, Кардиналъ ф. Виддернъ и др. и все таки ими не рѣшенный, онъ былъ формулированъ Суворовымъ необыкновенно просто:

„Идешь бить непріятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникаціи. Побивши непріятеля, обновляй по обстоятельствамъ, но гони его до сокрушенія. Коли же быть перипатетикомъ, то лучше не быть солдатомъ“.

Суворовъ рекомендуетъ сосредоточивать войска въ минуту рѣшительныхъ дѣйствій, рискуя даже сообщеніями, и затѣмъ возстановлять охрану ихъ по обстоятельствамъ.

Такъ дѣлалъ Суворовъ въ 1794 г. передъ движеніемъ отъ Бреста къ Варшавѣ, передъ штурмомъ Праги; такъ же онъ намѣревался поступить въ 1799 г. при вторженіи во Францію, возложивъ охрану сообщеній своей арміи на пьемонтскія, тосканскія и романскія войска.

Такъ дѣйствовалъ Густавъ-Адольфъ въ 1632 г., сосредоточивая войска противъ Валленштейна къ Нюренбергу. Такъ же поступилъ Наполеонъ въ трудный для него періодъ войны 1809 года передъ сраженіемъ подъ Ваграмомъ.

Но это рѣшеніе Наполеона было вынужденное, онъ ему не сочувствовалъ, считалъ слишкомъ рискованнымъ;

Библиотека Краснознам. Инв. № 77569 2-да Кр. Тел. ...

вотъ почему въ 1812 г. онъ не рѣшился прибѣгнуть къ подобному способу дѣйствій, оставилъ въ тылу до 400.000 войскъ и привелъ къ Бородину всего 130.000, чего было недостаточно для одержанія рѣшительной побѣды надъ русскою арміей и что было первой причиной его гибели.

Можно надѣяться, что современемъ стратеги будущаго постараются воспроизвести такъ просто формулированное Суворовымъ рѣшеніе этого по истинѣ страшнаго вопроса стратегіи.

Мы постарались въ бѣгломъ очеркѣ обрисовать стратегію Суворова. Мы видимъ, что его мысль обнимала всѣ вопросы войны и во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ онъ остается свѣжъ до сей минуты. А на сколько онъ стоялъ выше своего вѣка! Какую великую идею о связи положительной и отрицательной дѣятельности войскъ на войнѣ онъ оставилъ въ наслѣдство будущимъ поколѣніямъ!

Люди не понимавшіе Суворова говорили, что ему только везло счастіе.

„Одинъ разъ счастье, другой разъ счастье! Помилуй Богъ! Когда нибудь да и умѣнье!“ справедливо говорилъ Суворовъ.

Доходили до него слухи, что австрійцы иначе о его успѣхахъ и не думаютъ. Въ одномъ изъ рескриптовъ къ Суворову даже австрійскій императоръ выразилъ надежду, что при всегдашнемъ его счастьи, есть надежда скоро достигнуть желаемыхъ результатовъ.

Это, наконецъ, взбѣсило стараго фельдмаршала и онъ въ письмѣ къ Разумовскому (отъ 25 іюня) пишетъ:

„Щастіе! говоритъ Римскій Императоръ... Ослиная въ арміи голова тоже говорила мнѣ — слѣпое счастіе!...“

Напомнимъ въ концѣ концовъ, что Суворовъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка. Онъ вышучивалъ современную ему науку; называлъ военныхъ ученыхъ его времени „*бѣдными академиками*“, и онъ былъ правъ. Но въ то же время онъ придавалъ настоящей-то живой военной наукѣ, основанной на серьезномъ изученіи дѣяній великихъ полководцевъ, огромное значеніе.

Генералу необходимо, говорилъ Суворовъ, непрерывное образованіе себя науками, съ помощью чтенія. Ему нужно мужество, офицеру — храбрость, солдату — бодрость.

„Всякая война различна; здѣсь масса въ одномъ мѣстѣ, а тамъ громъ. Безпрерывное изученіе взгляда сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ. Никакой баталіи въ кабинетѣ выиграть не можно. Умѣй пользоваться мѣстностью, управляй счастіемъ: мгновеніе даетъ побѣду. Властвуй счастіемъ быстротою Цезаря, столь хорошо умѣвшаго захватывать внезапно враговъ, даже днемъ, обращать ихъ куда ему угодно и побѣждать когда угодно. Пріучайся къ неутомимой дѣятельности. Будь терпѣливъ въ военныхъ трудахъ и не унывай при неудачѣ. Будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную; умѣй предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя, но не увлекайся мѣстною горячностью“.

„Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ, поровняйся—об-

гони—слава тебѣ. Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами, Богъ передъ нами—ура! Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ".

„Непрестанная наука изъ чтеніевъ: сначала регулярство—курсъ Марсовъ, а для единственныхъ шести ордеровъ баталіи—старинный Вигецій. По русской войнѣ мало описанія, въ прежнюю и послѣднюю турецкія войны съ великимъ затверженіемъ эволюціевъ, старинныя же какія случатся. Монтекукули очень древенъ и много отмѣнъ соображать съ нынѣшними правилами турецкой войны. Карлъ Лотарингскій, Конде, Тюренъ, маршалъ де-Саксъ, Виларсъ, какіе есть переводы (читай). Старѣйшія же, возбуждающія къ мужеству, суть: Троянская война, комментаріи Кессаревы и Квинтусъ-Курціусъ. Для возвышенія духа старый—Ролленъ".

Однажды, желая знать мнѣніе Суворова о лучшихъ военныхъ сочиненіяхъ и выдающихся полководцахъ, Графъ Ростопчинъ назвалъ нѣсколькихъ. При каждомъ наименованіи Суворовъ крестился, наконецъ сказалъ на ухо: „Юлій Кесарь, Ганнибалъ, Бонапарте, домашній лечебникъ и пригожая повариха".

Смыслъ фразы: истинный способъ научиться военному дѣлу—это изучать дѣянія великихъ полководцевъ; что всѣ теоретическіе трактаты о военномъ искусствѣ имѣютъ такое же значеніе, какъ лечебники, т. е. если не угадаешь болѣзни, то онъ пользы не принесетъ; „пригожая повариха"—это былъ извѣстный въ то время романъ, которымъ всѣ зачитывались; чтеніе современныхъ ему теоретическихъ трактатовъ о военномъ искусствѣ онъ считалъ одинаково полезнымъ съ чтеніемъ этого романа.

Въ вышеприведенныхъ словахъ Суворова порази-

тельно то, что онъ поставилъ Бонапарте на ряду съ Ганнибаломъ и Юліемъ Цезаремъ, послѣ перваго его похода 1796—97 года. Это показываетъ, насколько велико было чутье этого человѣка, и какъ его недостаточно понимали современники.

Вотъ, наконецъ, и его *идеалъ военноначальника*.

Въ наставленіи офицерамъ Суворовъ говорилъ:— „Герой, о которомъ я говорю, смѣлъ—безъ запальчивости, быстръ—безъ опрометчивости, дѣятеленъ—безъ легкомыслія, покоренъ—безъ униженія. Начальникъ—безъ высокомѣрія, любочестивъ—безъ гордости, твердъ безъ упрямства, остороженъ—безъ притворства, основателенъ—безъ высокоумія, пріятенъ—безъ суетности, единоправенъ—безъ примѣси, расторопенъ—безъ коварства, проницателенъ—безъ лукавства, искрененъ—безъ простосердечія, привѣтливъ—безъ околичностей, услужливъ—безъ корыстолюбія, рѣшителенъ—убѣгая извѣстности“.

II.

Дѣятельность Суворова, какъ стратега, по опыту войнъ 1794 г. и 1799 годовъ.

Суворовъ прежде всего былъ человѣкъ дѣла и онъ представляетъ замѣчательно цѣльный типъ человѣка, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Впрочемъ образъ его, какъ стратега практика, вырисовался хотя и грандіозно, но при крайне невыгодныхъ условіяхъ: Суворовъ выступилъ въ роли полководца на седьмомъ десяткѣ своей жизни и только въ двухъ войнахъ—въ 1794 г. въ Польшѣ, гдѣ онъ чуть не силою вырываетъ власть изъ рукъ Репнина, а въ 1799 г. въ Италіи пользуется половинною властью, связанный по

рукамъ и ногамъ распоряженіями Вѣнскаго гофкригсрата. Болѣе счастливые его конкуренты на геніальность, какъ Александръ Македонскій, Ганнибалъ, Юлій Цезарь, Густавъ Адольфъ, Фридрихъ Великій и Наполеонъ, стояли во главѣ армій уже въ молодые года, въ полномъ разцвѣтѣ интелектуальныхъ и физическихъ силъ, да и дѣйствовать-то имъ приходилось на фонѣ серьезныхъ историческихъ событій, почему вниманіе всѣхъ было привлечено на ихъ дѣятельность; Суворовъ же въ Польшѣ преслѣдовалъ *какую-то мѣстную некрупную историческую задачу и только стратегическое изящество его операцій и грандіозность результатовъ заставили всѣхъ обратить вниманіе на эту поразительную кампанію русскаго стратега*. Въ 1799 г. въ Италію Суворовъ призванъ австрійцами, какъ послѣднее средство, къ которому прибѣгаетъ тяжко больной, перепробовавшій уже все и не получившій изцѣленія. Постоянныя побѣды, одержанныя французами надъ австрійскими арміями, заставили Австрію извѣриться въ возможность побороть надвигавшуюся на нее несокрушимую силу, вызванную къ жизни французской революціей, обыкновенными средствами и рѣшили обратиться къ императору Павлу I просить прислать на подкрѣпленіе русскія войска и *этого чудака старика полководца, до сихъ поръ почему-то непобѣжденнаго*. Почему—этого они не понимали и понять не могли, но чувствовали, что за нимъ есть что-то такое особенное, дававшее побѣду; по ихъ мнѣнію это былъ своего рода *знахарь стратегіи, обладавшій способностью заговаривать судьбу и призывать арміи къ побѣдамъ*.

Да. Удивительная судьба этого удивительнаго человѣка!

Мы не будемъ излагать подробно фактическую сторону этихъ кампаній, хорошо всѣмъ извѣстныхъ, но постараемся въ каждой изъ нихъ подчеркнуть тѣ факты, на основаніи которыхъ обрисовывается дѣятельность фельдмаршала Суворова въ области стратегіи.

Начнемъ съ 1794 года.

Кампанія Суворова въ Польшѣ въ 1794 г.

Печально началась эта война. Талантливый польскій генералъ Тедеушъ Косцюшко въ мартѣ мѣсяцѣ поднялъ знамя возстанія въ Краковѣ и, пользуясь разбросою русскихъ войскъ, разбилъ небольшой отрядъ Тормасова у Рацлавице. Въ апрѣлѣ возстаніе охватило Польшу, а затѣмъ и Литву. Приходилось принимать серьезныя мѣры для усмиренія возстанія: общимъ начальникомъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Литвѣ и Польшѣ, назначенъ генералъ-аншефъ князь Репнинъ: пруссаки послали въ Польшу 10.000 ч. г.-л. Фаврата, что вмѣстѣ съ русскими войсками составило около 65.000 чел.; кромѣ того, на Волыни, въ Подоліи и вообще на югѣ главное начальство было возложено на фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайскаго.

Въ Польшѣ русскими войсками командовалъ генералъ-поручикъ Баронъ Ферзенъ, а въ Литвѣ—Дерфельденъ; у Румянцева, подъ непосредственнымъ начальствомъ Суворова, было около 50.000 человѣкъ, которыя предназначались на случай войны съ Турціей и пока не могли принять участія въ подавленіи мятежа.

Силы поляковъ можно опредѣлить приблизительно около 70.000 человѣкъ.

Въ Литвѣ было около 18.000 поляковъ противъ 23—

25.000 русскихъ войскъ Репнина, которому никакъ не удавалось потушить возстаніе.

А между тѣмъ Косцюшко былъ атакованъ у Щекоцинъ 26 мая соединенными отрядами Денисова и Фаврата, подъ общимъ начальствомъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма, и хотя былъ выбитъ изъ занятой имъ укрѣпленной позиціи, но успѣлъ проскользнуть въ Варшаву, которая и была обложена 13-го іюня прусскимъ королемъ (35.000) и Ферзеномъ (12.000) съ лѣваго берега Вислы.

Между тѣмъ поляки начали нападать на тылъ пруссаковъ и захватили ихъ транспорты съ боевыми припасами, что вынудило союзниковъ снять осаду Варшавы 26 августа; Ферзенъ пошелъ вверхъ по Вислѣ, чтобы переправиться тамъ на правый берегъ и двинуться въ Литву на соединеніе съ Дерфельденомъ. Всѣ считали, что, съ наступленіемъ осени, на этотъ годъ кампанія кончается, но именно въ это время появляется на театрѣ войны генералъ-аншефъ Суворовъ, который своей необычайной энергіей даетъ дѣлу совершенно другой оборотъ.

Изъ Немирова, гдѣ былъ Суворовъ и слѣдилъ за событіями, онъ писалъ Румянцеву: „въ непрестанной мечтѣ, паки я не въ Польшѣ; тамъ-бы я въ сорокъ дней кончилъ.....“

Въ это время императрица Екатерина II рѣшила уже послать Суворова въ Польшу, но Румянцевъ, какъ будто предчувствуя это рѣшеніе, взялъ на себя починъ къ отправкѣ Суворова на театръ войны, и 7-го августа послалъ ему предписаніе:

„сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю и такъ скоро, какъ возможно, отъ стороны Бреста и

Подлясскаго и Троцкаго воеводствъ... Ваше сіятельство были всегда ужасомъ поляковъ и турокъ... Ваше имя одно въ предварительное обвѣщеніе о вашемъ походѣ подѣйствуетъ въ духѣ непріятеля и тамошнихъ обывателей больше, нежели многія тысячи".

Оставивъ въ Немировѣ ген. Дунина съ 8 бат. и 2 карабинерными полками, 14 августа Суворовъ выступаетъ съ отрядомъ въ 4.500 ч. при 10 оруд., на пути присоединяетъ отряды Буксгевдена и Маркова—всего 11.000 ч. и 16 ор. и 22 августа прибываетъ въ Варковичи, сдѣлавши въ 9 переходовъ 270 верстъ; 24 августа онъ выступилъ изъ Варковичъ и 28-го былъ въ Ковелѣ, пройдя, по очень дурнымъ дорогамъ, въ 5 переходовъ 125 верстъ.

Отсюда прямой путь къ Бресту шелъ на Выжву, но Суворовъ *избираетъ болѣе кружный путь*, чтобы сначала разбить отряды Сѣраковскаго и Мокрановскаго, бывшихъ на операціонномъ направленіи Брестъ-Пинскъ, чѣмъ и обезпечивался его тылъ.

При этомъ Суворовъ обращается къ Репнину, прося содѣйствія и присоединенія къ нему отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ этихъ мѣстахъ.

Двинувшись изъ Ковеля 31 августа, Суворовъ разбиваетъ польскіе отряды у Дивина (3 сентября), Кобрина (4 сентября), при монастырѣ Крупчицахъ (6 сентября) бьетъ корпусъ Сѣраковскаго, а 8-го сентября, подъ Брестомъ, разбиваетъ на голову соединенныя войска Сѣраковскаго и Мокрановскаго, причемъ отнимаетъ у нихъ всю артиллерію (28 орудій).

Императрица Екатерина желала совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ отрядовъ, подъ руководствомъ Суворова,

наступленія отъ Бреста къ Вислѣ, и, если возможно, для занятія Варшавы.

Румянцевъ писалъ объ этомъ Репнину, требуя, чтобы отряды Дерфельдена и Ферзена всѣ предпріятія Суворова

„подкрѣпляли и ему всевѣщно содѣйствовали".

Категорическаго приказанія всетаки отдано не было,—вѣроятно вліяніе министра Н. И. Салтыкова, который далеко не былъ расположенъ къ Суворову.

Впрочемъ, 28 Сентября Репнинъ подчиняетъ Суворову Ферзена, а 7 октября Дерфельдена.

До Суворова эти распоряженія не дошли, когда онъ онъ уже рѣшилъ дѣйствовать, въ интересахъ отечества, на свой собственный страхъ. Много пришлось ему вытерпѣть борьбы и хлопотъ, пока удалось наладить дѣло.

Отъ него требовали, чтобы онъ превратилъ Брестъ въ базу для предстоящихъ дѣйствій; онъ это и дѣлалъ, но время уходило, надвигалась осень. Съ грустью пишетъ Суворовъ Румянцеву:

„Тако, Сіятельнѣйшій графъ, близъ трехъ недѣль я недвижимъ, и можно здѣсь сказать, что Магербалъ Ганнибалу—*ты умѣешь побѣждать, но не пользоваться побѣдой*. Канна и Брестъ подобіе имѣютъ; время упущено, приближаются винтеръ-квартиры."

Для связи съ главною базою у Суворова были этапные пункты: въ Луцкѣ, Деражнѣ, Острогѣ и Немировѣ.

Между тѣмъ, обстановка начинала складываться для рѣшительныхъ дѣйствій благопріятно: 29 сентября при Мацеіовицахъ Ферзенъ разбилъ Косцюшко и взялъ его въ плѣнъ, что вполнѣ обезпечивало лѣвый флангъ Суворова при наступленіи къ Варшавѣ. Времени терять

было нельзя. Какъ только узналъ Суворовъ о побѣдѣ Ферзена, онъ именемъ императрицы отдаетъ приказаніе Ферзену и Дерфельдену идти на соединеніе съ нимъ. Суворовъ проситъ также австрійцевъ и пруссаковъ оказать ему содѣйствіе хотя бы выставленіемъ сильнаго кордона, но на это было трудно разсчитывать. Еще 24 сентября Салтыковъ писалъ Репнину: „союзники наши, какъ козьи рога, въ мѣшокъ не лѣзутъ“.

6 октября Суворовъ собираетъ военный совѣтъ, передъ которымъ излагаетъ необходимость воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для рѣшительныхъ дѣйствій; всѣ съ нимъ согласились. Впрочемъ, это требовалось и по уставу, а также онъ имѣлъ въ виду рѣшеніемъ военнаго совѣта повліять на сосѣднія войска.

Суворовъ выбираетъ для движенія къ Варшавѣ не кратчайшій путь, а нѣсколько кружный на Бѣльскъ, чтобы облегчить присоединеніе Дерфельдена, бывшаго у Бѣлостока.

Было рѣшено, по соединенію отрядовъ, двинуться къ Прагѣ, взять ее штурмомъ, сжечь мостъ черезъ Вислу и, оставивъ въ Прагѣ 6.000 Дерфельдена, переправиться черезъ Вислу у Вильянова или иного мѣста. Если-же Дерфельденъ съ его корпусомъ не прибудетъ или пруссаки не окажутъ содѣйствія, то расположиться всѣмъ войскамъ на правомъ берегу Вислы. „А когда позади расположенія весь провіантъ и фуражъ выбранъ будетъ, то для лучшаго спокойствія войскъ, сблизиться для винтеръ-квартиръ пока къ Брежищю, Радзину и оконечностяхъ“.

Ясная постановка цѣли, сосредоточеніе силъ, обезпеченіе операціи во всѣхъ смыслахъ—характерные черты этого замѣчательнаго плана Суворова.

Оставивъ въ Брестѣ небольшой отрядъ бригадира Дивова, Суворовъ выступилъ 7 октября изъ Бреста на Яновъ, вдоль рѣки Зап. Бугъ. Отрѣзать литовскую армію Мокрановскаго не удалось; она успѣла проскользнуть къ Варшавѣ; тогда Суворовъ двинулся на Станиславовъ, гдѣ 14 октября соединился съ 11000 ч. Ферзена. Дерфельденъ былъ въ 30 верстахъ у Вышкова. Получивши свѣдѣніе о присутствіи отрядовъ противника у Окунева и Кобылки, Суворовъ двигаетъ къ Окуневу Ферзена, а самъ, съ частью кавалеріи Ферзена и пѣхотою Потемкина, по страшно болотистой и пересѣченной мѣстности, двинулся къ Кобылкѣ, гдѣ разбилъ наголову 4000 отрядъ, преимущественно дѣйствіемъ спѣшенной кавалеріи, атаковавшей въ палаши и сабли.

Здѣсь Суворовъ стоитъ съ 15 по 22 октября, ожидая присоединенія Дерфельдена (19 октября) и подготовляясь къ штурму Праги. 22 октября армія подошла къ Прагѣ, а 24 произведенъ штурмъ. 29-го русскія войска вступили въ Варшаву. 7 ноября война окончилась.

Такимъ образомъ слова Суворова подтвердились: 14 августа онъ выступилъ изъ Немирова, а 24 октября взялъ штурмомъ Прагу; если вычесть мѣсяцъ Брестскаго сидѣнья, то окажется, что Суворовъ дѣйствительно окончилъ все въ 40 дней, кккъ и намѣчалъ ральше. Глазомѣръ замѣчательный.

Еще 24 октября онъ доносилъ Румянцеву: „Сіятельнѣйшій графъ, ура, Прага наша“. А 8-го ноября донесъ такъ:

„Варшава. День Архангела Михаила. № 101. Виватъ Великая Екатерина! Все кончено, сіятельнѣйшій

графъ Польша обезоружена. Графъ Александръ Суворовъ—Рымникскій".

Какъ по идеѣ, такъ и по исполненію во всѣхъ смыслахъ,—это одна изъ самыхъ блестящихъ операцій въ военной исторіи.

Если за одно Лейтенское сраженіе Наполеонъ считалъ справедливымъ поставить Фридриха Великаго въ число великихъ полководцевъ исторіи, то что-же онъ сказалъ-бы, познакомившись съ блестящей кампаніей Суворова въ 1794 году.

Кампанія 1799 г. въ Италіи и Швейцаріи.

Не станемъ излагать въ подробности событія этихъ двухъ славныхъ походовъ Суворова, благодаря Бога, нынѣ въ достаточной мѣрѣ извѣстныхъ не только въ нашемъ отечествѣ, но даже и въ западной Европѣ, начавшей въ послѣднее время удостоивать насъ своимъ вниманіемъ. Остановимся на важнѣйшихъ фактахъ, обрисовывающихъ стратегическое искусство Суворова, а также постараемся отвѣтить на тѣ обвиненія, которыя нѣкоторые время въ изобиліи возводились астрійцами на нашего полководца.

Въ Вѣнѣ добивались выпытать у Суворова его операціонный планъ, но онъ уклонился отъ бесѣдъ по этому вопросу съ чинами гофкригсрата и даже съ инженеръ-генераломъ Лауеромъ, хорошо знавшимъ Италію. 23 марта, при прощальной аудіенціи, императоръ Францъ всетаки вручилъ Суворову планъ предстоящихъ дѣйствій и приказалъ доносить прямо Его Величеству о своихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ, прежде приведенія ихъ въ исполненіе. Въ этомъ наставленіи Суворовъ

увидѣлъ первую узду, наброшенную на него австрійцами: всѣ распоряженія о продовольствіи войскъ и другихъ потребностяхъ возлагались на генерала Меласа, который долженъ былъ вести объ этомъ переписку съ гофкригсратомъ.

(Вѣна. 3 апрѣля 1799 г.).

По приказанію Суворова наши войска быстро шли въ Италію, дѣлая по 36 в. въ сутки.

4—15 апрѣля Суворовъ прибылъ въ Валеджіо. При представленіи австрійскихъ генераловъ въ Веронѣ, онъ въ краткихъ словахъ высказалъ основныя начала своего военнаго искусства:

„Субординація! экзерциція! Военный шагъ—аршинъ, въ захожденіи полтора. Голова хвоста не ждетъ: внезапно, какъ снѣгъ на голову!.. пуля дура, штыкъ молодецъ!.. Мы пришли бить безбожныхъ, вѣтренныхъ, сумасбродныхъ французишковъ: они воюютъ колоннами,— и мы будемъ ихъ бить колоннами"!..

Затѣмъ Суворовъ сдѣлалъ обидѣвшее австрійцевъ разпоряженіе командировать русскихъ офицеровъ въ австрійскіе полки для обученія ихъ штыковому бою.

Обученіе австр. штыковымъ атакамъ было важно, такъ какъ оказало освѣжающее вліяніе на формализмъ и сковывающія идеи австр. военнаго искусства; кромѣ того, австрійскій солдатъ дѣйствительно не имѣлъ никакого понятія объ употребленіи штыка.

8—19 апрѣля армія Суворова двинулась къ р. Кіезѣ.

Выборъ операціоннаго направленія на Миланъ, по лѣвому берегу р. По, конечно правильный—тутъ отступала армія Шерера, тутъ же шли и ея сообщенія.

На первыхъ же переходахъ выяснилась разница въ подготовкѣ австрійскихъ и русскихъ войскъ; первыя не могли совершать такіе быстрые марши, какъ наши войска. Меласъ самовольно хотѣлъ дать дневку войскамъ, за что получилъ строгій выговоръ.

Меласъ жаловался на фельдмаршала:

„Я совершенно не въ состояніи пріобрѣсти довѣріе г-на фельдмаршала графа Суворова... Маршъ слишкомъ быстрый, совершенно безъ всякаго военнаго разсчета....“

Австрійцы были непріятно поражены и приказомъ Суворова по арміи, начинавшимся словами:

„Непріятеля атаковать вездѣ, гдѣ онъ ни встрѣтится“.

Это въ ужасъ привело австрійскихъ стратеговъ, привыкшихъ ко всевозможнымъ хитростямъ, маневрамъ...

„Непріятеля вездѣ атаковать. Это что за стратегія!“

„Den Feind überall angreiffen. Was ist das für eine Strategie?“

$^{15}/_{26}$—$^{17}/_{28}$ апрѣля Суворовъ разбиваетъ армію Шерера, подъ конецъ подъ командой Моро, а $^{18}/_{29}$ числа вступаетъ въ Миланъ. Здѣсь онъ останавливается на два дня.

Австрійскіе историки обвиняютъ Суворова за эту остановку. Припомнимъ, что Бонапартъ въ 1796 году, послѣ боя при Лоди, нарочно идетъ въ Миланъ, чтобы поддержать республиканскую партію и озаботится устройствомъ своего тыла. Оба великіе мастера дѣла одинаково относятся къ Милану и, при одинаковыхъ условіяхъ, даютъ отступить разбитымъ войскамъ противника. Обезпеченіе дальнѣйшихъ операцій они выдвигаютъ на первый планъ.

Здѣсь въ Миланѣ Суворовымъ былъ продиктованъ Шателеру планъ будущихъ дѣйствій:

Осадная армія, 25.000 Края, осаждаетъ Мантую и занимаетъ пространство между Адижемъ и Минчіо, угрожая Феррарѣ и Моденѣ. Главная дѣйствующая армія Суворова 36.000 (18.000 русскихъ и 18.000 австрійскихъ войскъ) переходитъ р. Тичино и По, *идетъ сперва на встрѣчу непріятельской арміи, ожидаемой изъ южной и средней Италіи, и разбивъ ее, обращается противъ Пьемонтской арміи и Турина.*

Кромѣ нѣкоторыхъ деталей, онъ указываетъ на необходимость связи въ дѣйствіяхъ съ итальянской арміей, рейнской арміи эрцгерцога Карла, бывшей въ Швабіи, войскъ Готца въ Форарльбергѣ и Тирольской арміи графа Бельгарда.

Этотъ смѣлый планъ, представленный императору Францу, на выполненіе котораго можно было разсчитывать, въ виду слабости швейцарской арміи Массены, не былъ одобренъ гофкригсратомъ и Суворовъ получилъ подтвержденіе *ограничивать главныя свои дѣйствія лѣвымъ берегомъ р. По; особенное же вниманіе обратить на обезпеченіе себя въ завоеванныхъ областяхъ покореніемъ находящихся въ нихъ крѣпостей, какова напримѣръ Мантуа....* Впрочемъ разрѣшалось овладѣть какою либо изъ крѣпостей, лежащихъ на правомъ берегу рѣки По, *въ недалекомъ отъ нея разстояніи.* Относительно-же вторженія во Францію не разрѣшалось и думать.

Можно себѣ представить отчаяніе нашего полководца, на первыхъ-же шагахъ столкнувшагося съ подобными препятствіями. Кажется, что въ гофкригсратѣ.

вдохновителемъ котораго былъ баронъ Тугутъ, Суворовъ встрѣтилъ болѣе опаснаго себѣ врага, чѣмъ во французскихъ арміяхъ!

„Въ Вѣнѣ любятъ только посредственность; а талантъ не охотникъ для узды!“ говорилъ Суворовъ и повременамъ, подобно эрцгерцогу Карлу, успѣвалъ коечто сдѣлать и по своему, но при административныхъ распоряженіяхъ Меласа, часто былъ связанъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Надо сказать, добрый старикъ генералъ Меласъ былъ ума ограниченнаго и по природѣ не склонный къ интригамъ и вдобавокъ едва бывшій въ состояніи написать нѣсколько строкъ, но онъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ барона Тугута.

20 апрѣля—1 мая Суворовъ выступилъ изъ Милана, а черезъ четыре дня переправился на правый берегъ р. По у Мецано Корти и Піаченцы; послѣ неудачной попытки овладѣть Валенцею (дѣло при Бассиньяна), оставивъ заслонъ противъ арміи Моро у Александріи, Суворовъ обратно перешелъ на лѣвый берегъ р. По и двинулся въ обходъ лѣваго фланга противника по направленію къ Турину, который и занялъ 15—26 мая.

Движеніе на Туринъ, поднявшее возстаніе въ Пьемонтѣ, должно было, по разсчетамъ Суворова, поставить армію Моро въ безвыходное положеніе и вынудить ее къ отступленію въ Ривьеру. Изъ Турина Суворовъ предполагалъ двинуться черезъ Карманьолу и Чеву къ Финале. „Онелія уже въ рукахъ пьемонтцевъ; черезъ Тендскій проходъ отступленіе французамъ уже невозможно; такимъ образомъ армія ихъ попадетъ какъ-бы въ *Фуркулы Каудинскія*“ [1]).

[1]) Въ концѣ этой замѣтки собственноручно Суворовымъ написано „Réve. Comme si nous etions déja à Turin“.

Библиотека Краснознам... Инв. № ... з-да ...

Какъ это все вѣрно и какой чудный выборъ операціоннаго направленія на Туринъ и оттуда на Чеву и Финале, въ тылъ противнику.

Черезъ полтора мѣсяца уже вся Италія завоевана.

Первый періодъ кампаніи законченъ; оставалось преслѣдовать и доканать армію Моро. Одновременно Суворовъ снова входитъ въ сношеніе съ эрцгерцогомъ Карломъ, прося его подвинуться впередъ, на одну высоту съ итальянской арміей, правое крыло которой „проникло уже долиною Аостскою до Большаго С. Бернарда". Это были войска Гаддика, который впрочемъ испортилъ дѣло и потерпѣлъ неудачу, не поддержавши отрядъ С. Жульена.

Суворовъ писалъ ему за это выговоръ:

„Будучи побѣдителемъ, вы остановились, засѣли въ *унтеркунфтъ*, въ *унбештимтгезагтъ*. Вы должны были, разбивъ непріятеля, преслѣдовать его; въ подобномъ случаѣ можно и съ малымъ отрядомъ отрѣзать противника..."

Австрійцы, по занятіи Цюриха, болѣе двухъ мѣсяцевъ простояли на р. Лимматѣ въ совершенномъ бездѣйствіи.

Въ концѣ мая Суворовъ предполагалъ, что изъ южной Франціи и изъ Ривьеры будетъ произведено французами наступленіе къ Турину (носились слухи объ усиленіи арміи Моро войсками Монришара и Макдональда, перевезенными на судахъ флота, ушедшаго изъ Бреста, и что тысячъ двѣнадцать идутъ изъ южной Франціи на Бріансонъ), но уже къ 29 мая, онъ окончательно убѣдился, что опасность угрожаетъ къ Александріи и Тортонѣ,—рѣшаетъ немедленно сосредоточиться къ Александріи.

При этомъ онъ приглашалъ къ себѣ изъ подъ Мантуи генерала Края со всею кавалеріею. Устроены мосты на Бормидѣ и Танаро; въ Валенцѣ складочный пунктъ; переправы у Бассиньяно и Мецано-Корти укрѣплены; приведены въ оборонительное положеніе Павіа, Пичигетоне, Піаченца и Миланская цитадель.

Какое соединеніе рѣшительности съ осторожностью! Тутъ виденъ истинный стратегъ.

Быстрый маршъ отъ Турина къ Александріи—въ двое сутокъ 100 верстъ; подъ Александріей 1—12 іюня сосредоточилось 34.000, Суворовъ думалъ довести ихъ до 50.000 чел.

2—13-го іюня Суворовъ окончательно удостовѣряется о движеніи Макдональда и Монришара черезъ Апенины, къ Моденѣ и Реджіо. Положеніе было опасное: ударъ въ направленіи на Мантую выводилъ французскую армію на сообщенія итальянской арміи Суворова; въ случаѣ успѣха ея уничтожались всѣ завоеванія полководца. Но онъ не боялся этого, а, напротивъ, давно ждалъ случая занять положеніе между двумя арміями противника и разбить ихъ по частямъ.

Получивши свѣдѣніе о движеніи Макдональда, Суворовъ оставляетъ 14.500 ч. Бельгарда подъ Александріей, съ остальными же двигается къ нему навстрѣчу; предписываетъ Краю, оставивъ подъ Мантуей необходимое количество для блокады ея, съ остальными войсками идти къ нему на соединеніе; Отту съ 8.000 задерживать непріятеля между Пармою и Піаченцою.

4—15-го въ 10 ч. вечера онъ двинулся на Кастельново ди Скривія и Кастеджіо, въ 36 часовъ дѣлаетъ 80 верстъ и въ трехдневномъ сраженіи 6, 7 и 8 іюня,

на р.р. Тидоне и Треббіи, разбиваетъ армію Макдональда, два дня преслѣдуетъ до р. Арды, 11—22 іюня даетъ здѣсь войскамъ дневку, а 12-го двигается назадъ къ Александріи, приказавъ Отту, Гогенцоллерну и Кленау продолжать преслѣдованіе Макдональда.

Суворовъ побѣдилъ, уступая противнику въ числѣ; Край не исполнилъ его приказанія о присоединеніи, такъ какъ имѣлъ особое предписаніе на это гофкригсрата. Слѣдуетъ отмѣтить благоразумную осторожность Суворова: во время сраженія, на случай неудачи, за лѣвымъ флангомъ арміи, для переправы на лѣвый берегъ р. По, былъ наведенъ мостъ у Парпанезе. Быстрымъ движеніемъ отъ Фіоренцолы къ Александріи Суворовъ испугалъ перешедшаго въ наступленіе Моро, который снова укрылся въ Ривьерѣ.

Черезъ 10 дней по выступленіи изъ Александріи, побѣдоносный Суворовъ возвратился назадъ. Это одно изъ замѣчательныхъ событій военной исторіи. Самъ противникъ его Моро называлъ дѣйствія Суворова въ эти дни образцовыми (chef d'oeuvre de l'art militaire).

По вѣрности разсчета, быстротѣ и энергіи въ исполненіи, непреклонной волѣ семидесятилѣтняго полководца, проявленной въ самомъ бою противъ превосходныхъ силъ непріятельскихъ — эти дѣйствія достойны высокаго удивленія и ставятъ Суворова въ число полководцевъ геніальныхъ.

Впрочемъ австрійцы критиковали дѣйствія Суворова и даже Меласъ позволилъ въ своей реляціи сказать про диспозицію для сраженія при Треббіи:

„Диспозиція *не соотвѣтствовала правиламъ военнаго* искусства.“

Такъ они привыкли быть битыми по всѣмъ правиламъ.

Одинъ Шателеръ еще понималъ Суворова; онъ говорилъ:

„Обширные планы его п—ва г-на фельдмаршала, которые я, конечно, раздѣляю, онъ примѣняетъ сообразно обстановкѣ и мѣстности. *Эти планы кажутся сумасшедшими и баснями тѣмъ ограниченнымъ геніямъ*, благодаря которымъ мы потеряли Савойю и Италію"...

Послѣ побѣды надъ Макдональдомъ опять начинается четырехнедѣльное вынужденное бездѣйствіе Суворова.

Австрійскій Императоръ снова подтверждалъ, что о наступленіи арміи черезъ Валисъ или Савойю во Францію теперь рѣшительно и помышлять не должно; все вниманіе должно обратить на покореніе Мантуи и затѣмъ стараться овладѣть еще мало по малу другими крѣпостями: Александріею, Тортоною, Кони и проч.

До сихъ поръ Суворовъ старался, по мѣрѣ возможности, уклоняться отъ робкой системы Вѣнскаго кабинета и шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ вопреки предписаніямъ гофкригсрата. Но съ каждымъ разомъ повелѣнія Императора дѣлались положительнѣе и настойчивѣе. Фельдмаршалъ уже прямо получалъ замѣчанія за неисполненіе повелѣній. Ничего болѣе не оставалось ему, какъ подчиниться безпрекословно.

Суворовъ торопилъ Края поскорѣе овладѣть Мантуей и затѣмъ намѣренъ былъ перейти въ наступленіе съ цѣлью на первый разъ вытѣснить непріятеля изъ Ривьеры Генуэзской до р. Вара и тѣмъ довершить очищеніе всей Италіи отъ французовъ.

„Недорубленный лѣсъ опять выростаетъ“ писалъ онъ Разумовскому.

Суворовъ хотѣлъ обезпечить тылъ, возстановивъ пьемонтскую армію, но австрійцы отмѣнили его распоряженія, предложивъ имъ вступать въ ряды австрійскихъ полковъ; конечно изъ этого ничего и не вышло. Суворовъ-же думалъ, возстановивъ пьемонтскія, тосканскія и романскія войска, возложить на нихъ охрану тыла, при его вторженіи во Францію. Гофкригсратъ не могъ этого понять, а Австрія не думала о востановленіи троновъ въ Италіи; ей хотѣлось присоединить послѣднюю къ своимъ владѣніямъ.

Суворовъ страдалъ отъ этого непониманія его плановъ и постояннаго ему противодѣйствія во всѣхъ начинаніяхъ. Онъ зналъ, что его критикуютъ, находя ихъ противными *правиламъ*.

„Нѣмцы уклоняются отъ меня.... и вѣдомо, здѣшнія завоеванія не по правиламъ“—писалъ Суворовъ къ Толстому и своими остротами вымещалъ горе на бездарныхъ австрійскихъ генералахъ и гофкригсратѣ.

Онъ называлъ ихъ *унтеркунфтерами, бештимтзагерами, мерсенерами*. „Служба ихъ въ титлахъ, амбиціи или эгоизмѣ, вредномъ обществу. Я скажу: они храбры, я ихъ испыталъ и оставлю армію побѣдительнѣе Евгеніевой; но безъ меня тѣхъ-же побьютъ“.

„Здѣсь при мнѣ и нѣмцы хорошо колютъ, говоритъ Суворовъ въ другомъ мѣстѣ, индѣ и во всемъ иначе. Я цѣлю, чтобы съ ними разстаться. Вездѣ гофкригсратъ, неискоренимая привычка битымъ быть.... унтеркунфтъ, бештимтзагеръ!“

Горько жаловался Суворовъ на свое положеніе Им-

ператору Павлу, который относился къ нему въ высшей степени милостиво, не стѣснялъ его въ рѣшеніяхъ и досадовалъ на эгоизмъ своихъ союзниковъ. Наконецъ Суворовъ началъ просить объ отозваніи его изъ Италіи.

„Не лучше-ли одна кампанія вмѣсто десяти, говорилъ Суворовъ, или не лучше-ли имѣть цѣль направить путь на Парижъ, нежели остроумно степенями преграждать дорогу къ своимъ вратамъ“.

„Изъ четырехъ угловъ за тысячу верстъ отнюдь въ мои операціи не входить“ писалъ онъ про гофкригсратъ Разумовскому.

Ничто не дѣйствовало.

Наконецъ Мантуя сдалась. Край освободился и Суворовъ торопилъ его на соединеніе съ собой, чтобы наконецъ предпринять наступленіе къ Генуѣ и Ривьерѣ.

Для облегченія продовольствія въ прибрежной полосѣ, онъ заготовлялъ большіе запасы въ Ливорно, вошелъ въ сношеніе съ адмиралами союзныхъ флотовъ: Ушаковымъ, Нельсономъ и Сенъ-Винцентомъ, чтобы подвозили продовольствіе моремъ и заморили французовъ, учредивъ тѣсную блокаду Генуэзскаго прибрежья.

Всѣ австрійскіе генералы, въ томъ числѣ и Меласъ были противъ наступленія въ Ривьеру.

Суворовъ хотѣлъ идти на Геную русскими войсками черезъ Бокетскій проходъ; Меласъ заподозрилъ въ этомъ намѣреніе захватить этотъ портъ для русскихъ, о чемъ немедленно извѣстилъ Вѣну черезъ курьера (8 августа).

Сами австрійцы сознаются, что ими не было заго-

товлено ни продовольствія, ни муловъ для наступленія въ Ривьеру. Съ другой стороны весьма возможно, что изъ Вѣны съ усердіемъ медлили отпускомъ денежныхъ средствъ, дабы этимъ задержать дѣло...

Въ концѣ-концовъ, наступленіе Суворова такъ и не состоялось; напротивъ, новый главнокомандующій французской арміи генералъ Жуберъ самъ перешелъ въ наступленіе и былъ разбитъ въ сраженіи при Нови 4/15 августа.

Французы отступили. Суворовъ не могъ ихъ преслѣдовать, такъ какъ ему объявили, что при войскахъ всего на 1½ дня продовольствія и муловъ, для перевозки тяжестей въ горахъ, нѣтъ.

Блестящая побѣда не измѣнила положенія Суворова. Италія была завоевана. Союзники рѣшили вывести русскія войска въ Швейцарію, куда уже прибылъ къ Цюриху корпусъ русскихъ войскъ Римскаго-Корсакова.

Нашему полководцу приходилось показать свои стратегическія способности, при новыхъ условіяхъ, осенью въ Швейцарскихъ Альпахъ.

Союзниками былъ составленъ новый планъ дѣйствій, вытекающій изъ слѣдующихъ политическихъ условій: Англія, стремясь уничтожить голландскій флотъ, подвинула императора Павла послать десантъ въ Голландію для возстановленія, вмѣстѣ съ англичанами, королевскаго трона.

Австрія, узнавши объ этомъ намѣреніи, рѣшила воспользоватся этимъ и возстановить свое владычество въ Нидерландахъ, для чего армія эрцгерцога Карла 65.000 изъ Швейцаріи должна была двинуться на Нижній Рейнъ, осадить Майнцъ, войти въ связь съ англо-

русскимъ корпусомъ въ Голландіи и поднять Бельгію противъ французовъ; на Рейнѣ должны были остаться 25.000 для связи съ русскими войсками Суворова 60.000, которыя должны были вторгнуться черезъ Франшъ-Конте во Францію; слѣва, изъ Италіи, Меласъ направлялся въ Савойю, гдѣ долженъ былъ осадить Бріансонъ; эрцгерцогъ-же Карлъ долженъ былъ осадить Гюнингенъ и Бельфоръ (эта задача впослѣдствіи была отмѣнена).

Въ Швейцаріи въ это время была армія Массены, усиленная почти до 80.000 человѣкъ; правительство требовало отъ Массены рѣшительныхъ дѣйствій.

$^{20}/_{31}$ августа императоръ Францъ приказалъ эрцгерцогу Карлу выходить изъ Швейцаріи. Эрцгерцогъ, понимая опасное положеніе Римскаго-Корсакова 24.000, еще $^{1}/_{12}$ сентября приказываетъ Готце съ 20.000 оставаться въ Швейцаріи до полнаго соединенія русскихъ войскъ Суворова и Римскаго-Корсакова и во всемъ сообразоваться съ рѣшеніями фельдмаршала.

По соединеніи русскихъ, Готце (17 бат. 28 эск.) долженъ былъ идти на соединеніе съ эрцгерцогомъ Карломъ, оставивъ бригады Симбсена и Ауфенберга въ Бюндтенѣ (долина верхняго Рейна), чтобы обезпечить русскимъ занятіе кантоновъ Ури, Швица и Гларуса.

По поводу распоряженія гофкригсрата вывести изъ Швейцаріи всѣ австрійскія войска *до послѣдняго солдата*, Суворовъ писалъ (имѣя въ виду, конечно, Тугута):

„Сія сова не съ ума ли сошла, или никогда его не имѣла!“

Приходилось готовиться къ новому походу. Чтобы

не ошибиться въ разработкѣ плана, Суворовъ вошелъ въ сношеніе съ австрійскими генералами Шраухомъ, Линкеномъ и Готце, бывшими въ это время въ Швейцаріи и слѣдовательно близко знакомыми съ обстановкой. Штабъ Суворова составляли австрійскіе офицеры: полковникъ Вейротеръ и маіоръ Эккартъ.

Суворовъ рѣшилъ двинуться по кратчайшему направленію на С. Готардскій проходъ, назначивъ 28-го сентября соединеніе войскъ Римскаго-Корсакова и Готце въ окрестностяхъ Швица, для чего оба они должны были перейти въ наступленіе.

Никто противъ плана не возражалъ и ни слова не сказали объ отсутствіи дороги съ восточной стороны Люцернскаго озера. Суворовъ могъ быть спокоенъ и разсчитывалъ 8-го сентября выступить изъ Асти, чтобы прибыть къ Таверне 15-го. Но это не удалось. Какъ только ушелъ Суворовъ, Моро появился изъ горъ съ цѣлью выручки Тортоны. Не могъ фельдмаршалъ оставить своихъ бывшихъ подчиненныхъ безъ поддержки,— онъ вернулся назадъ; Моро немедленно отступилъ, но три дня было на это потеряно.

11 сентября Суворовъ окончательно выступилъ изъ Италіи и извѣстилъ Готце, что, хотя онъ и запоздалъ выступленіемъ на три дня, но постарается быстротою маршей наверстать потерянное, чтобы 19-го, какъ было ранѣе условлено, атаковать С.-Готардъ.

15-го сентября Суворовъ былъ въ Таверне и разсчитывалъ въ тотъ-же день быть въ Беллинцонѣ, но оказалось, что торопиться туда не стоило: австрійцы обманули его надежды: не было заготовлено ни муловъ подъ вьюкъ, ни необходимаго продовольствія на 20.000

чел. (всего было заготовленно сухарей и сѣна на 4 дня).

Пришлось пять дней простоять въ Таверне, заготовляя продовольствіе и вьюки на казачьихъ лошадей, замѣнившихъ муловъ.

21 сентября, наконецъ, двинулся Розенбергъ, а за нимъ и главныя силы.

24 сентября послѣдовала атака С. Готарда, а 26-го числа Массена разбиваетъ Римскаго-Корсакова подъ Цюрихомъ.

28-го сентября, перейдя черезъ Кинцигъ-кульмъ, послѣ полудня Суворовъ спустился въ Муттенскую долину.

Еще изъ Альтдорфа Суворовъ писалъ Линкену, Готце и Корсакову, что движеніе его къ Швицу можетъ быть начато 28 сентября.

Въ Муттенской долинѣ, 28 сентября, обрисовалось для Суворова то отчаянное положеніе, въ которомъ онъ очутился вслѣдствіе пораженія Римскаго-Корсакова и Готце; но онъ немедленно принялъ рѣшеніе и въ тотъ-же день двинулъ бригаду Ауфенберга черезъ гору Брагель въ Клентальскую долину, куда она и прибыла къ вечеру 29-го числа.

Въ этотъ день Суворовъ собралъ военный совѣтъ, выяснилъ на немъ всю трудность положенія и принятое имъ рѣшеніе идти на Гларусъ, на соединеніе съ Линкеномъ.

Но, къ несчастью, въ ночь съ 29 на 30-е сентября Линкенъ началъ отступленіе на Иланцъ.

Въ Гларусѣ русскіе нашли запасы мяса, хлѣба и картофеля. Здѣсь ожидали присоединенія Розенберга

2, 3 и 4 октября—21, 22 и 23 сентября. Ауфенбергъ 2 октября ушелъ за Линкеномъ къ Иланцу. Суворовъ, безъ патроновъ и зарядовъ, не рѣшился пробиваться на Саргансъ, на соединеніе съ Елачичемъ, Петрашемъ и наконецъ Римскимъ-Корсаковымъ, а собравъ весь отрядъ, въ ночь съ 23 на 24 сентября (4 на 5 октября) двинулся туда-же. 26 сентября наши войска были въ Иланцѣ, гдѣ отогрѣлись около бивачныхъ костровъ, а 27-го пришли въ Куръ, гдѣ нашли изобильные запасы продовольствія.

Здѣсь окончились страданія войскъ и старика фельдмаршала. Изъ 20.000 русскихъ войскъ, вступившихъ въ Швейцарію, черезъ 16 дней дошло до Иланца менѣе 15.000 человѣкъ (3.500 ранен. и 1.600 убиты, пропали безъ вѣсти, упали въ пропасти, замерзли).

Очень разнорѣчиво относятся къ этой послѣдней стратегической операціи Суворова. Знаменитый соперникъ его Массена говорилъ, что онъ „отдалъ-бы всѣ свои походы за одинъ швейцарскій походъ Суворова“.

Другіе, какъ напр. Клаузевицъ, обвиняютъ Суворова за выборъ операціоннаго направленія черезъ С.-Готардъ, а также за назначеніе пункта соединенія въ Швицѣ, гдѣ могъ предупредить противникъ. Они признаютъ, что движеніе черезъ Сплюгенъ, или гору Бернардину, въ долину верхняго Рейна, было безопаснѣе.

Это вѣрно. Но надо принять во вниманіе, что Суворовъ стремился поразить противника внезапностью, разбить его правое крыло и появиться у Люцернскаго озера въ тылу Массены, что облегчило бы наступательныя операціи Римскаго-Корсакова и Готце. Если-бы не неожиданная потеря 8 дней, то планъ Суворова

удался-бы. Лекурбъ былъ уже имъ сметенъ, такъ что часть плана, выпадавшій на русскія воска, шедшія изъ Италіи, была уже выполнена; вообразимъ, что въ это время Массена еще не начиналъ своихъ дѣйствій противъ Готце и Римскаго-Корсакова, онъ неминуемо долженъ былъ бы отступать, подъ угрозою Суворова, выходящаго противъ его праваго фланга и въ тылъ.

Появленіе Суворова въ Швейцарію было совершенно неожиданно; Лекурбъ доносилъ 12—23 сентября, когда уже Суворовъ стоялъ у Айроло, въ 10 верстахъ отъ С. Готарда, что русскіе появились въ нижней Левантинѣ; слѣдовательно, въ смыслѣ внезапности успѣхъ былъ вполнѣ обезпеченъ.

Прослѣдивши за дѣйствіями Суворова, легко видѣть, что, двигаясь смѣло впередъ на С. Готардъ, онъ все время обезпечиваетъ себѣ возможность отступленія въ долину верхняго Рейна: сначала идетъ вправо Розенбергъ, потомъ Ауфенбергъ въ Мадеранскую долину, потомъ онъ же въ Клентальскую долину, все время стараясь подать руку Линкену. И мы видѣли, какъ ни тяжело было положеніе Суворова, всетаки онъ ушелъ туда и безъ особеннаго труда. Слѣдовательно, онъ дѣйствовалъ не очертя голову, но принималъ цѣлый рядъ мѣръ для парированія неблагопріятныхъ случайностей.

Несмотря на неудачный исходъ операціи, подобной операціи Юлія Цезаря подъ Дирахіумомъ, нельзя не отмѣтить, что она смѣлая по постановкѣ цѣли и вполнѣ методичная по исполненію.

Вообразимъ теперь, что Суворовъ пошелъ-бы прямо въ долину верхняго Рейна. Что-бы изъ этого вышло? Онъ пришелъ-бы въ Куръ въ тотъ день, когда Мас-

сена разбивалъ Римскаго-Корсакова и Готце. Помощи имъ Суворовъ оказать не могъ, а въ концѣ концовъ, если бы сосредоточеніе благополучно и совершилось, пришлось-бы вести фронтальную атаку позицій противника. И назвали-бы Суворова, какъ и любили его называть, лобовикомъ.

Исторія должна быть безстрастна и, кажется, въ данномъ случаѣ, съ Суворова слѣдуетъ снять обвиненіе и считать его швейцарскій походъ высоко безупречною стратегическою операціею.

Современный нѣмецкій писатель Гюнтеръ говоритъ, что *военное искусство Суворова было той-же тайной веденія войны, которая принадлежала Наполеону и которому нѣмцы обязаны своими безпримѣрными успѣхами въ 1870—71 г.г.*

Другой нашъ современникъ, австрійскій писатель Биндеръ Кригштейнъ въ сочиненіи „Духъ и матерія на войнѣ“, описывая дѣйствія Суворова въ войнѣ 1799 г., восхищается, какъ личностью нашего полководца, такъ и высокими качествами русскаго солдата. О Суворовѣ онъ говоритъ:

„Мы вполнѣ понимаемъ то фанатическое почитаніе, какимъ до сихъ поръ пользуется память Суворова въ рядахъ русской арміи и мы смѣло и съ полнымъ убѣжденіемъ признаемъ въ этомъ величественномъ отпрыскѣ славянскаго племени *величайшаго полководца наряду съ Фридрихомъ и Наполеономъ*“.

III.

Мѣсто Суворова среди великихъ полководцевъ исторіи.

„Геній есть высшее совершенство человѣческой

природы... Это передовой человѣкъ среди обычныхъ людей, а потому свѣточъ, слава, честь и украшеніе человѣчества“ [1]).

Съ именами великихъ военныхъ людей связаны воспоминанія о славныхъ эпохахъ состоянія военнаго искусства; они сами вносили въ него новыя идеи, новыя формы, облегчавшія послѣдующимъ поколѣніямъ творчество въ этой области.

Эпаминондъ даетъ новыя формы боя; проводитъ въ жизнь принципъ сосредоточенія силъ на полѣ сраженія.

Александръ Македонскій — высочайшій образецъ методической стратегіи и идею резерва на полѣ сраженія.

Ганнибалъ—замѣчательныя дѣйствія арміи, имѣющей базу при себѣ и необыкновенное разнообразіе тактическихъ образцовъ.

Юлій Цезарь необыкновенное разнообразіе стратегическихъ комбинацій и идею резервовъ въ римскихъ арміяхъ.

Густавъ Адольфъ—методическая стратегія у новыхъ народовъ и новыя формы въ области тактики.

Фридрихъ Великій—новый способъ веденія боя при сковывающихъ условіяхъ линейной тактики.

Петръ Великій—грандіозная стратегія, употребленіе массъ кавалеріи на театрѣ войны; поразительная по тому времени тактика; новыя идеи въ артиллеріи и фортификаціи.

Наполеонъ—грандіозная стратегія; полное воскрешеніе идей классическаго міра въ области тактики.

---

[1]) *Ковалевскій.* Петръ Великій и его геній. Спб. 1900 стр. 64.

Что же далъ новаго Суворовъ? Онъ далъ реальное выраженіе значенія нравственнаго элемента на войнѣ, онъ создалъ строго логичную систему воспитанія войскъ, съ цѣлью развить въ нихъ энергію и рѣшимость до высочайшей степени,—выработалъ Суворовскихъ „чудо-богатырей“.

Онъ былъ удивительный тактикъ, ясно формулировавшій отношеніе огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, съумѣвшій при формахъ линейной тактики производить удары въ духѣ глубокой тактики (атака на Нови послѣдовательно войсками: Багратіона, Милорадовича и Дерфельдена); онъ первый оцѣнилъ значеніе новыхъ формъ французской тактики и геній Бонапарта. И, наконецъ, что слѣдуетъ поставить въ высшую заслугу Суворова, онъ развязалъ Гордіевъ узелъ стратегіи, установивъ правильный взглядъ на соотношеніе между положительной и отрицательной дѣятельностью войскъ на театрѣ войны.

Передъ этимъ вопросомъ становился въ тупикъ даже такой геній, какъ Наполеонъ и, въ теченіе всей своей громадной практики только одинъ разъ, въ 1809 г. передъ Ваграмскимъ сраженіемъ, рѣшившій вопросъ такъ, какъ устанавливалъ Суворовъ въ формулѣ:

„Идешь бить непріятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникаціи...“

Въ своихъ кампаніяхъ 1794 г. въ Польшѣ и въ 1799 г. въ Италіи, Суворовъ показалъ, какъ это можно сдѣлать.

Суворовъ стоялъ головой выше своего вѣка, также, какъ и другіе военные геніи, и испыталъ ту же судьбу,—быть непонятымъ своими современиками.

Современники не поняли стремленія Александра Македонскаго обновить греческую культуру притокомъ болѣе глубокихъ этическихъ идей востока; Карѳагенъ не понялъ великой идеи борьбы съ Римомъ и не поддержалъ своего полководца Ганнибала; другъ Юлія Цезаря Брутъ первый занесъ на него руку, вооруженную кинжаломъ; Наполеона не поддержали въ его борьбѣ съ Англіей: Франція—потому, что его не понимала, а монархическая Европа—потому, что считала его исчадіемъ революціи [1]).

Такъ и Суворовъ не былъ понятъ современниками; по его-же словамъ, его хвалили, любили, ему удивлялись, его бранили, надъ нимъ смѣялись, но его *не понимали.*

Въ послѣдніе 30—40 лѣтъ основныя мысли Суворова начинаютъ получать широкое примѣненіе въ русской арміи, въ особенности въ вопросахъ воспитанія и обученія войскъ; ихъ начинаетъ усваивать и Европа; даже европейскіе ученые отдали, наконецъ, Суворову должное—*признали его геніальнымъ и мы, съ полнымъ безпристрастіемъ и убѣжденіемъ заявляемъ, что великій русскій фельдмаршалъ Александръ Васильевичъ Суворовъ долженъ быть поставленъ въ число великихъ полководцевъ исторіи.*

Н. П. Михневичъ.

1 Февраля 1900 г.
С.-Петербургъ.

---

[1]) Признавая военный геній этихъ великихъ дѣятелей исторіи, современники не понимали ихъ политическихъ стремленій. Суворова же не понимали какъ военнаго генія, вѣроятно потому, что онъ дѣйствовалъ до 1799 г. въ очень скромной обстановкѣ.

ДВѢ КАТАСТРОФЫ.

Суворовъ въ Швейцаріи, Петръ на Прутѣ.

Сообщеніе, въ Николаевской академіи генеральнаго штаба ординарнаго профессора полковника Мышлаевскаго.

Въ моемъ сообщеніи, посвящаемомъ памяти Суворова, постараюсь удѣлять возможно менѣе вниманія мелочнымъ фактамъ, подробностямъ дѣйствій, цифрамъ, именамъ, названіямъ, хронологическимъ датамъ и т. п.; всѣ эти мелочи засоряютъ человѣческую память и, вмѣстѣ съ тѣмъ, затемняютъ всегда простую, ясную, несложную историческую истину. Это не будетъ лекція, снабженная всѣмъ необходимымъ, а иногда громоздкимъ и трудно усвояемымъ, военно-нравоучительнымъ багажомъ; для дидактическихъ моихъ упражненій школьнаго типа здѣсь не мѣсто. Постараюсь я также не уклоняться въ сторону философскихъ идей и тончайшаго психологическаго анализа; при нынѣшнемъ состояніи русской военно-исторической науки подобнаго рода попытки нерѣдко приводятъ къ построенію зданія на пескѣ, разрушаемаго при первомъ прикосновеніи каждаго новаго, вполнѣ достовѣрнаго факта. Взамѣнъ всего этого, ставлю своею цѣлью слѣдовать завѣту Суворова и, выражаясь его языкомъ, трактовать мою тему „просто и тѣмъ вразумительно“, безъ превыспренности, элоквенціи и экивоки, которыя „предаютъ мысль на угады“ и „подъ

харею любомудрія“ нерѣдко „скрываютъ видъ глупаго обмана“.

Тема моя состоитъ въ слѣдующемъ. Въ историческомъ нашемъ прошломъ есть два великихъ полководца, Суворовъ и Царь Петръ. Каждый изъ нихъ записалъ въ боевой списокъ своихъ дѣяній—будемъ называть вещи ихъ именами—большую неудачу: одинъ—въ Швейцаріи, другой—на р. Прутѣ. Своею задачею ставлю привлечь вниманіе къ этимъ событіямъ, поставить ихъ рядомъ и, въ предѣлахъ моего личнаго пониманія военныхъ явленій, оттѣнить крупную несправедливость, которая, на почвѣ этихъ событій, окружаетъ дорогія, священныя для насъ, русскихъ людей, имена. Изложеніе этой темы построю по слѣдующей программѣ: сперва остановлюсь на происхожденіи, планѣ и нѣкоторыхъ особенностяхъ исполненія Швейцарскаго похода, а затѣмъ въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько нужно, отмѣчу итоги западной критики этихъ событій. По той же программѣ очерчу Прутскій походъ и этимъ путемъ подойду къ основному вопросу: въ чемъ, именно, заключалась главная причина невѣрности сужденій западныхъ критиковъ? Заключительное слово будетъ посвящено посильному разрѣшенію вопроса: почему, именно, русская военно-историческая наука долгое время была безсильною ниспровергнуть эти сужденія?

I.

Итакъ, начну съ Суворова и, въ первую очередь, остановлюсь на тѣхъ, частью политическихъ, частью военныхъ, обстоятельствахъ, которыя привели насъ къ швейцарскимъ злоключеніямъ. Рѣчь свою поведу нѣсколько издалека.

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1649-ое въ Архангельскъ, на Двину, съ гонцомъ пришла къ воеводѣ государева грамота примѣрно такого содержанія: „Се Язъ, Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, тебѣ, стольнику Нашему и воеводѣ, сей наказъ чиню. Вѣдомо Намъ, Великому Государю, учинилось, что въ Архангельской городъ на заморскихъ корабляхъ аглинскіе многіе люди съ разными товары пришли. И, какъ къ тебѣ ся Наша, Великаго Государя, грамота придетъ, велѣлъ бы ты, стольникъ Нашъ и воевода, не по единъ разъ на торгу биричемъ прокликать и крѣпкій заказъ учинить, чтобъ торговые и промышленные наши люди съ тѣми аглинскими людьми никакимибъ торги безпошлинно не торговали, поминковъ не имали и похлебства не чинили. Понеже у нихъ въ Аглинской Землѣ большое злое дѣло учинилось, короля своего Каролуса нагло до смерти убили; а въ стольномъ ихъ городѣ Лондынѣ парлямент ихъ сидитъ не по королевской помѣтѣ и изволенію, а насильствомъ и поноровкою“.

Изъ приведенной цитаты, составленной лично мною изъ обрывковъ нѣсколькихъ современныхъ актовъ, въ полной мѣрѣ выясняется новое теченіе въ области нашихъ внѣшнихъ политическихъ соотношеній, стоившее намъ впослѣдствіи много напрасно пролитой крови. Теченіе это я не умѣю иначе назвать, какъ политикою сентиментализма и стремленія закрѣпить въ чужихъ для насъ странахъ тѣ основы государственнаго правленія, которыя составляютъ наше собственное незыблемое достояніе.

Съ тѣхъ поръ прошло 150 лѣтъ. За это время рус-

ская земля пережила много трудныхъ минутъ. Вынесла она тяжелую, не безболѣзненную, и даже не во всемъ полезную, хирургическую операцію петровскихъ реформъ, время засилія иноземцевъ, время правленія дамъ, роскоши, модъ, случайныхъ людей, блестящихъ внѣшнихъ успѣховъ и широкаго накопленія государственнаго долга и даже явленія преторьянства. И тѣмъ не менѣе за все это время основные устои нашего государственнаго зданія, не только оставались въ полной ихъ неприкосновенной незыблемости, но даже крѣпли въ нашемъ сознаніи, органически сливаясь съ вопросомъ о дальнѣйшемъ нашемъ политическомъ бытіи. Казалось бы, что при этихъ условіяхъ намъ менѣе всего должно было быть заботы до чужихъ политическихъ режимовъ. Но случилось не такъ.

Снова случилось „большое злое дѣло“. На этотъ разъ „безбожные и вѣтренные французишки“ своего короля „нагло до смерти убили“ и... снова стала намъ забота до чужого упраздненнаго трона. Стали мы даже опасаться, что какъ бы и впрямь парижскій санкюлотъ не повредилъ наши добрые нравы, а французскій якобинецъ не произвелъ тлетворнаго вліянія. Вслѣдствіе этого, выражаясь языкомъ одного изъ указовъ суворовскаго времени, „воспріявъ намѣреніе съ союзниками нашими, низпровергнуть беззаконное правленіе, во Франціи утвердившееся, возстали мы на оное нашими силами“. Къ сожалѣнію, мы не ограничились на этотъ разъ мѣрами воздѣйствія въ области торговаго баланса, а рѣшили поддержать наше намѣреніе вооруженною силою и, въ этихъ видахъ, отправили къ нашимъ союзникамъ, австрійцамъ, два вспомогательныхъ корпуса: одинъ подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова въ Швей-

царію, другой—подъ начальствомъ самого Суворова въ Италію.

Прибытіе Суворова въ Италію сопровождалось громомъ нашихъ побѣдъ. Взятіе Бресчіи, побѣда на р. Аддѣ, занятіе столицы Ломбардіи Милана, занятіе столицы Пьемонта Турина, побѣда на р. Тидоне, побѣда на р. Треббіи, побѣда у г. Нови,—таковы положительныя проявленія войны. Но на почвѣ этихъ побѣдъ стала выясняться и отрицательная сторона союзническихъ соотношеній: австрійское военное искусство столкнулось съ русскимъ военнымъ искусствомъ.

Они, австрійцы, съ большимъ вниманіемъ относились къ своему придворному военному совѣту (желавшему руководить операціями издалека. изъ Вѣны) и къ разнаго рода die erste Kolonne marschirt, т. е. къ стремленію все предопредѣлить и заблаговременно росписать, а онъ, Суворовъ, къ этому, по его выраженію, унтеркунфту и нихтбештимтзагерству относился съ величайшимъ презрѣніемъ. Австрійцы предпочитали лучше быть побитыми, но за то по всѣмъ правиламъ военной науки (тогда она называлась „методикою"), Суворовъ же предпочиталъ въ четыре мѣсяца одержать семь „знатныхъ викторій", хотя бы и не вполнѣ удовлетворяющихъ современнымъ взглядамъ на военное искусство. Они старались окружать знаками своего военнаго вниманія каждую непріятельскую крѣпостцу, а онъ стремился, хотя иногда и тщетно, проходить мимо нихъ съ полнымъ индиферентизмомъ. Австрійцы не долюбливали большихъ потерь въ сраженіяхъ и, замѣчая громадную убыль убитыми и ранеными, предпочитали „своевременное отступленіе"; Суворовъ словъ „ретирада" и отступленіе вовсе не признавалъ и, наоборотъ, придерживался того взгляда,

что назначеніе каждаго изъ насъ въ томъ, именно, и состоитъ, чтобы лечь костьми, но побѣдить. Главный же пунктъ противорѣчія взглядовъ состоялъ въ томъ, что австрійцы, выдвинувъ впередъ монархическій принципъ, на защиту котораго какъ будто бы стали, въ дѣйствительности преслѣдовали собственныя цѣли и, въ первую очередь, намѣтили планъ „округленія границъ“. Суворовъ, наоборотъ, полагалъ, что онъ и впрямь предназначенъ возстанавливать пошатнувшіеся троны и, на первый разъ, сталъ бережно усаживать на престолѣ пьемонтскаго короля.

Столкновеніе взглядовъ было слишкомъ рѣзкимъ, чтобы не возгорѣлась вражда, и она настала. Взаимныя неудовольствія дошли до того, что Суворовъ рѣшилъ просить объ отставкѣ. При этихъ условіяхъ самымъ благоразумнымъ съ нашей стороны было бы прекратить участіе въ войнѣ и исполнить, взамѣнъ того, маршъ къ россійскимъ границамъ. Но этого, именно, и не случилось. Въ это время назрѣла новая политико-стратегическая комбинація, въ разработкѣ которой приняли участіе: россійскій посланникъ въ Лондонѣ, гр. Воронцовъ, невольнымъ образомъ послужившій англійскимъ интересамъ, и россійскій посланникъ въ Вѣнѣ гр. Разумовскій, также непреднамѣренно служившій австрійскимъ интересамъ. Сущность этой комбинаціи состояла въ нижеслѣдующемъ:

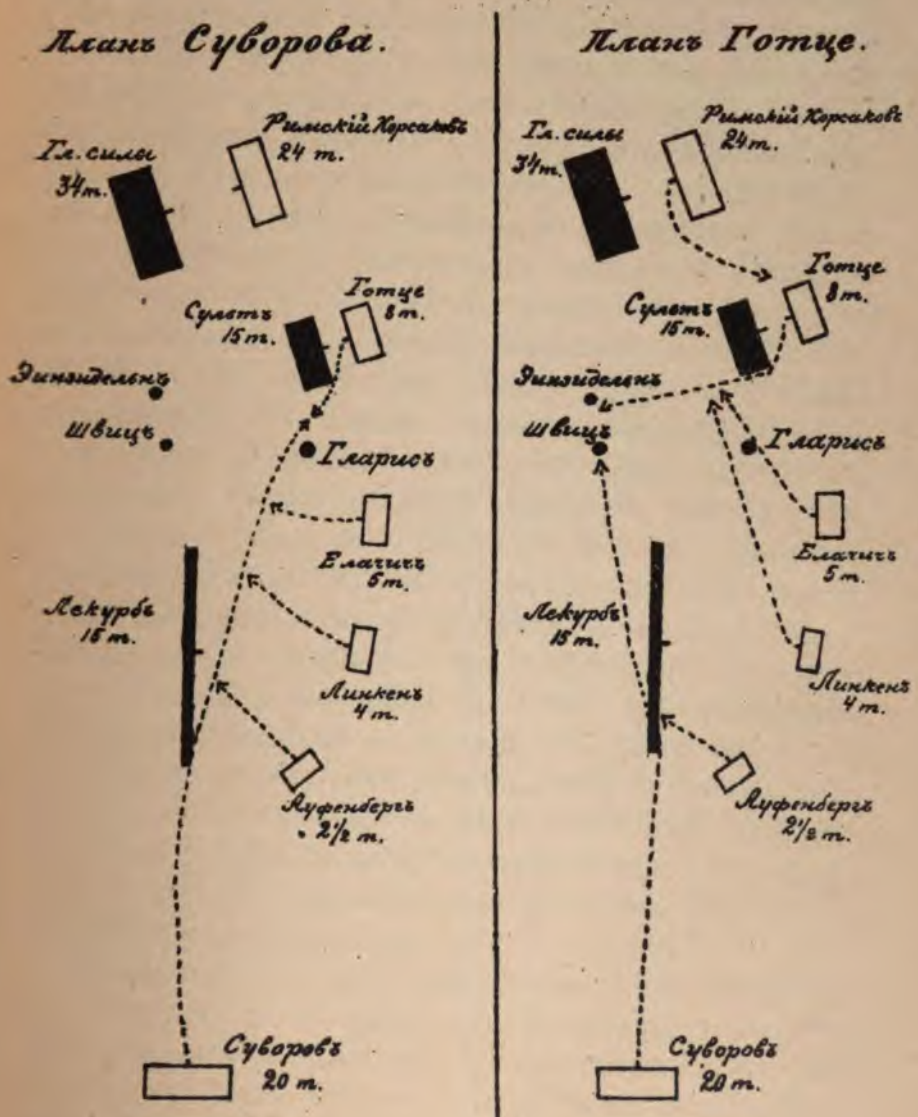
Въ то время какъ особая англо-русская армія будетъ дѣйствовать въ Нидерландахъ для достиженія англійскихъ цѣлей, въ это же время австрійцы будутъ пользоваться успѣхами союзныхъ дѣйствій въ Италіи, а мы, съ Суворовымъ во главѣ, сосредоточимся въ Швейцаріи, откуда начнемъ возстанавливать на тронѣ

французскаго короля. Одновременно съ этимъ, особая австрійская армія эрцъ-герцога Карла соберется на нижнемъ Рейнѣ и тамъ займетъ, такъ сказать, центральную позицію; оттуда она будетъ дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ австрійскихъ интересовъ, своевременно пользуясь успѣхами и на право, въ Нидерландахъ, и на лѣво, въ Швейцаріи. Въ видѣ особаго условія было постановлено, что въ Италіи не останется ни одного русскаго солдата; взамѣнъ этого австрійцы пожелали вывести также и свои войска изъ Швейцаріи. По счастію, это послѣднее предположеніе не было исполнено. Оно обѣщало, что находившаяся въ Швейцаріи 80-ти тыс. армія Масены разобьетъ бывшій тамъ 24-хъ тыс. корпусъ Римскаго-Корсакова. Въ устраненіе этого эрцъ-герцогъ Карлъ рѣшилъ оставить въ Швейцаріи на время, до прибытія Суворова, 20-ти тысячный отрядъ ген. Готце.

Таково, нѣсколько длинное, предисловіе къ Швейцарскому походу. Изъ этого предисловія видна вся оторванность этой кампаніи отъ дѣйствительныхъ русскихъ историческихъ интересовъ и задачъ. Не менѣе важно и то, что лично Суворовъ въ установленіи идеи войны не принималъ никакого участія. Онъ былъ внѣ вопросовъ политики; ему было сказано одно: иди и побѣждай! Ему было предоставлено выработать частный планъ его дѣйствій и затѣмъ привести его въ исполненіе, по мѣрѣ его собственнаго искусства и наличности матеріальныхъ и духовныхъ средствъ.

Ко времени выработки этого плана войска союзниковъ въ Швейцаріи были расположены по нижеслѣдующему: Римскій-Корсаковъ (24 т.) на Лиматѣ, Готце (8 т.) на Линтѣ, Елачичъ (5 т.) у Сарганса, Линкенъ

Схема къ стр. 57.



(4 т.) у Иланца и Ауфенбергъ (2½ т.) у Дисентиса. Противъ нихъ войска Масены были расположены такъ: главная масса (34 тыс.) противъ Римскаго-Корсакова, Сультъ и Молиторъ (15 т.) противъ Готце, Лекурбъ и Гюдень (15 т.) вытянули свои войска вдоль верхней Рейсы, занимая перевалъ С.-Готарда; отдѣльный отрядъ былъ въ Валисѣ. Точными свѣдѣніями о расположеніи французовъ Суворовъ, впрочемъ, не располагалъ; общая сумма его данныхъ сводилась къ тому, что французы вытянулись въ видѣ запятой, жирная часть которой находится противъ Римскаго-Корсакова, а хвостъ подставленъ подъ удары изъ Италіи чрезъ С.-Готардъ, проходимый для войскъ (такъ какъ непосредственно предъ тѣмъ по этому проходу наступали французы). Располагая такими данными, Суворовъ, находясь въ г. Асти, верстахъ въ 150-ти къ югу отъ предгорій швейцарскихъ Альповъ, 26-го августа намѣтилъ такой планъ дѣйствій: я быстро устремляюсь къ С.-Готарду, бью въ правое растянутое крыло французовъ (по войскамъ Гюденя и Лекурба); въ этомъ мнѣ помогаютъ австрійцы дѣйствіями съ фронта; по мѣрѣ моего углубленія въ страну, они ко мнѣ послѣдовательно присоединяются; окончательное наше соединеніе произойдетъ гдѣ нибудь въ раіонѣ кантона Гларіса; по соединеніи послѣдуетъ дальнѣйшее наступленіе для атаки главной массы французовъ.

Планъ этотъ говоритъ самъ за себя. По несчастію, не увѣренный въ географическихъ данныхъ, не зная въ точности деталей расположенія австрійцевъ, Суворовъ не рискнулъ привести его въ исполненіе, не посовѣтовавшись съ австрійскими генералами, въ томъ числѣ и съ Готце. Готце взглянулъ на свою задачу слишкомъ

широко: Суворовъ намѣчаетъ мѣсто соединенія у Гласриса, а онъ выноситъ его впередъ къ Швицу и Эйнзидельну; Суворовъ тянетъ австрійскія войска къ себѣ, Готце направляетъ ихъ въ противоположную сторону и даже желаетъ притянуть къ себѣ 5,000 изъ войскъ Римскаго-Корсакова; Суворовъ спрашиваетъ, гдѣ и какъ можно соединиться, Готце указываетъ, когда, именно, онъ перейдетъ въ наступленіе.

Сообщенія Готце, измѣнявшія намѣренія Суворова, были получены послѣднимъ въ Тавернѣ въ то время, когда послѣ поспѣшнаго марша изъ Асти, выяснилось и другое препятствіе,—извѣстный эпизодъ неподготовки продовольственныхъ и транспортныхъ средствъ, задержавшій наше наступленіе въ Швейцарію на шесть дней. Такимъ образомъ основные устои плана дѣйствій были подорваны въ корнѣ еще до начала движенія. Катастрофа назрѣла уже у подножія Альповъ, она была неизбѣжна.

Фактическія данныя о походѣ настолько всѣмъ намъ извѣстны, что на нихъ не буду останавливаться; отмѣчу только главныя черты. Вся драма была очень скоротечна (14 дней, съ 13-го по 26-е сентября) и по внѣшности вполнѣ однородна. Лично Суворовъ въ это время проявилъ могучую волю, крайнюю энергію и удивительную способность вести за собою войска на смерть; его тактическія распоряженія и мѣры — верхъ простоты, несложности и вниманія къ свойствамъ театра, противника и своихъ войскъ; его генералитетъ—стройный оркестръ въ рукахъ виртуоза военнаго дѣла; наконецъ, его армія—достойный примѣръ способности переносить солдатскія нужды и умереть не только честно, но и съ наибольшею пользою для общаго дѣла. Но собственно въ оперативномъ отношеніи кампанія раздѣляется на двѣ ча-

сти: первая, меньшая, съ 13-го по 16-е сентября—исполненіе плана, навязаннаго генераломъ Готце: 13-го числа мы овладѣваемъ переваломъ С.-Готарда, 14-го—беремъ съ боя дефиле (Урнеръ-лохъ и Чортовъ мостъ) на р. Рейсѣ, 15-го—выбиваемъ французовъ изъ долины Рейсы и упираемся всѣмъ корпусомъ въ Люцернское озеро, наконецъ, 16-го, труднымъ движеніемъ чрезъ Росштокъ, переходимъ въ долину Мутена и оказываемся менѣе, нежели въ переходѣ отъ Швица, пункта связи съ австрійцами. Но тутъ то и происходитъ переломъ въ ходѣ кампаніи: Римскій-Корсаковъ разбитъ, Готце разбитъ и куда то исчезъ, Линкенъ и Елачичъ отступаютъ; французы въ Швицѣ, въ Кленталѣ, въ Эйнзидельнѣ и долинѣ Рейсы. Въ итогѣ—мы окружены. Начинается вторая часть драмы,—повтореніе знаменитаго отступленія 10,000 грековъ.

Одинъ изъ участниковъ кампаніи весьма трогательно описываетъ, со словъ Багратіона, тѣ душевныя страданія, которыя переживалъ Суворовъ, и тѣ слова, которыя онъ говорилъ собранному тогда военному совѣту. Не знаю, на сколько все это вѣрно, но по служебному документу знаю, что генералитетъ постановилъ единогласно пробиваться въ направленіи на Гларисъ и далѣе, для соединенія съ остатками войскъ Корсакова, и что Суворовъ всею душою присоединился къ этому рѣшенію. Начинается отступленіе: Розенбергъ прикрываетъ тылъ; Багратіонъ и другіе пробиваютъ дорогу впереди; Суворовъ овладѣваетъ Кленталемъ и Гларисомъ, стремится прорваться на Нефельсъ и Везенъ, но... мы истомлены, у насъ истощились всякія средства, а французская сила растетъ. Снова совѣтъ, новое рѣшеніе и мы уклоняемся къ югу на Иланцъ; этотъ путь—верхъ на-

шихъ страданій; но и онъ кончился. Мы въ Иланцѣ, затѣмъ въ Курѣ. Настаетъ эпилогъ; послѣ политико-стратегическихъ колебаній, продолжать ли войну или нѣтъ, благоразуміе и собственный интересъ торжествуютъ; Суворовъ прекращаетъ эту безполезную войну. Армія возвращается на родину; ѣдетъ туда и Суворовъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга, но и не безъ сознанія испытанной неудачи. На родинѣ ждетъ его новый ударъ и онъ умираетъ мучительной смертью. Драма закончена.

Настало время критики, первоначально исключительно заграничной. Матеріаломъ для нея послужили частью французскіе, главнымъ же образомъ австрійскіе источники. А что такое эти послѣдніе, объ этомъ даетъ понятіе, не особенно большая по объему, но исключительной цѣнности по содержанію, работа, представляющая собою сводку австрійскихъ данныхъ о кампаніи 1799 г.[1]). Читая ее, приходишь въ негодованіе отъ той клеветы, неправды и извращенія фактовъ, которыми она наполнена. По такому то матеріалу возстанавливалась лѣтопись событій, послужившая, въ свою очередь, основою для критики. Суворова судили и судили строго. Ему все поставили на счетъ, ничего не простили; и навязанный генераломъ Готце планъ дѣйствій, и рискованный выборъ пункта соединенія у Швица и Эйнзидельна, и постепенность соединенія съ австрійцами, и выборъ операціоннаго пути на С.-Готардъ, и фронтальныя атаки С.-Готарда и т. д., и т. д. Что Суворовъ не великій полководецъ, было вполнѣ очевиднымъ; быть можетъ у него есть душа полководца, но ума полководца у него рѣ-

[1]) Работа эта исполнена генеральнаго штаба генералъ-маіоромъ Д. П. Зуевымъ; она не поступила въ продажу.

шительно нѣтъ... Для науки, все систематизирующей, все ставящей на свое мѣсто, было не яснымъ только одно: въ какой полководческой разновидности онъ принадлежитъ? Требуемое слово, впрочемъ, скоро было найдено; одинъ иностранный ученый опредѣлилъ его такъ: Суворовъ, это—roher Naturalist. Опредѣленіе было найдено, репутація установлена, кличка дана и ярлыкъ надолго пришпиленъ! И только въ самые послѣдніе дни къ Суворову становятся болѣе благосклонными; жаль только, что одобренія идутъ на этотъ разъ изъ сферъ, менѣе научно-внушительныхъ, нежели тѣ, изъ которыхъ ранѣе шли слова порицанія.

II.

Перехожу къ Петру. Отношенія наши съ Турціею устанавливались, точнѣе—портились, въ тѣсной зависимости отъ роста Московскаго государства. Для обѣихъ сторонъ было очевиднымъ, что Русь сильная, Русь могучая, Русь объединившаяся не удовольствуется тѣми нелѣпыми границами, въ которыя втиснуло насъ татарское иго, но пойдетъ по пути, указанному Олегомъ и Святославомъ, и въ первую очередь постарается утвердиться на Черноморскомъ побережьи. На этой почвѣ особенно часто обострялись наши отношенія съ Турціею, начиная, примѣрно, съ половины XVII вѣка. Въ этомъ объясненіе казачьихъ набѣговъ, Чигиринскихъ походовъ, походовъ кн. В. В. Голицына и юношеской пробы пера Петра I подъ Азовомъ.

Но эта проба пера, именно, и убѣдила Царя во всей трудности достиженія исторической задачи: мы во всѣхъ

отношеніяхъ были слабыми, а тамъ, на югѣ, плодъ еще не созрѣлъ. Поэтому, намѣтивъ широкую программу военныхъ, государственныхъ и общественныхъ преобразованій, Царь ставитъ задачу болѣе посильную, менѣе замѣтную, не привлекающую вниманія западныхъ доброжелателей, а въ то же время, въ ближайшіе годы, и болѣе выгодную; это—утвержденіе въ ингерманландскихъ болотахъ. Намѣтивъ эту цѣль, начавъ ради этого Сѣверную войну, Царь всѣми силами стремится поддержать съ турками добрыя отношенія. Блестящаго исполнителя своей воли находитъ онъ въ П. А. Толстомъ, которому въ теченіе десяти лѣтъ удается усыплять бдительность турокъ. Даже въ трудныя минуты полтавской операціи они остаются спокойными, хотя участіе ихъ въ дѣйствіяхъ Карла XII могло поставить насъ въ крайне трудное положеніе.

Удаленіе Карла въ Бендеры, вліяніе его „ребелизантовъ“ и предостереженія нашихъ западныхъ недоброжелателей рѣзко мѣняютъ положеніе дѣлъ. Не смотря на заключенное, въ началѣ 1710 г., 30-ти-лѣтнее перемиріе, отношенія съ турками все болѣе и болѣе обостряются. Сперва доходятъ тревожные слухи, „что по салютаціи короля шведскаго турки съ Царскимъ Величествомъ миръ спортили“, а затѣмъ узнаемъ, что Толстой посаженъ въ семибашенный замокъ и что война намъ объявлена.

Вѣсть о разрывѣ мира съ турками поразила современное русское общество, какъ громъ среди чистаго неба. Встревожиться было отъ чего: планъ турокъ (вѣрнѣе ихъ союзниковъ шведовъ) былъ построенъ на широкомъ пользованіи всѣми недовольными Царемъ элементами.

Была недовольна Польша. Низшая часть ея населенія негодовала на безконечныя реквизиціи русскихъ войскъ (послѣдствіе союзнаго договора); наиболѣе прозорливые люди въ этомъ хозяйничаньи не безъ основанія видѣли начало конца Польши; правящая партія, съ Августомъ II во главѣ, грустила, что Царь не только не передалъ по договору взятую у шведовъ Ригу, но даже дѣлаетъ какіе-то весьма подозрительные шаги въ сторону Эльбинга и Гданска; наконецъ, была и явно враждебная намъ партія Станислава Лещинскаго.

Малороссія находилась въ великой „шатости“. Явленіе „шатости“, собственно говоря, было нормальнымъ, начиная съ Богдана Хмѣльницкаго. Причина ея, выражаясь иносказательно, состояла въ томъ, что почтенные предки многихъ изъ насъ не желали промѣнять „сиру свитку зъ видлогою“ на всероссійскій зипунъ. Представителемъ „шатости“ былъ ясневельможный панъ гетманъ Мазепа, а послѣ его смерти Ф. Орликъ съ мазепинцами, наводнявшими Украину своими „прелестными“ письмами.

Негодовалъ Крымъ. Стѣсненный въ своихъ кочевьяхъ, онъ не могъ болѣе мечтать о „шерти“ и „поминкахъ“ и, наоборотъ, всѣмъ существомъ своимъ чуялъ, что если дѣло такъ продолжится, то дни его сочтены.

Волновалась Кубань. Ущемленная между Азовомъ и кавказскими христіанами, протягивавшими поверхъ ея руку къ Россіи, она чувствовала, что почва самостоятельности у нея ускользаетъ изъ-подъ ногъ.

Волновались донскіе казачьи городки. Они предвидѣли, что, рано или поздно, придется нести заправскую службу. Наконецъ, и внутри Россіи было не все благополучно. Поклонниковъ реформъ Царя было очень

мало; общая масса народа была настроена далеко не колѣнопреклоненно; она выражала свой протестъ испытаннымъ способомъ... колонизаціею окраинъ.

Всѣми или хотя бы большею частью этихъ недружелюбныхъ для насъ элементовъ турки рѣшили воспользоваться. Общая идея ихъ плана состояла въ слѣдующемъ: раннею весною въ южныя окраины Польши и Россіи вторгаются татары, но не съ цѣлью грабежа, а чтобы поднять противъ насъ населеніе. Подъ покровомъ этого пожара, прорывается Карлъ XII изъ Бендеръ чрезъ Подолію или Галицію въ Польшу; тамъ онъ соединяется съ враждебными намъ поляками, а главное — съ померанскимъ отрядомъ шведовъ, бывшимъ подъ начальствомъ Красова, который къ этому времени вторгнется въ Польшу съ другой стороны; такимъ образомъ, по соединеніи всѣхъ этихъ силъ, стратегическое положеніе Карла XII возстанавливалось въ томъ видѣ, въ какомъ оно было, примѣрно, въ 1704—1705 годахъ. Пока будутъ происходить эти дѣйствія, медленно мобилизующаяся, медленно передвигающаяся и медленно сосредоточивающаяся, но громадная по своимъ численнымъ силамъ, турецкая армія соберется гдѣ-нибудь на нижнемъ Дунаѣ, а оттуда, направясь чрезъ Молдавію, двинется по тому операціонному направленію, которое будетъ представляться наиболѣе выгоднымъ.

Не останавливаясь надъ вопросомъ о степени исполнимости этого плана, отмѣчу, что онъ былъ разгаданъ Царемъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, тотчасъ же послѣ разрыва. Первыя мѣры направлены къ обезвреженію татарскаго набѣга; въ Польшѣ на наиболѣе опасныхъ операціонныхъ путяхъ находилась уже наша конница кн. Голицына (въ Галиціи, частью въ

Подоліи); ему послана соотвѣтствующая инструкція. Съ малороссійскою „шатостью“ поступлено такъ: супруги войсковой старшины собраны во-едино и отданы подъ деликатный надзоръ кіевскаго губернатора кн. Д. М. Голицына; этою безкровною мѣрою въ малороссійскихъ полковниковъ, сотниковъ и др. влита соотвѣтствующая доза русскаго патріотизма. Изъ Кіева и другихъ порубежныхъ городовъ приказано удалить всякихъ сербовъ, волоховъ, булгаръ, албанезцовъ, мултянъ, „яко прирожденныхъ шпиговъ“. Возвратившемуся изъ плѣна И. И. Бутурлину, съ частью гарнизонныхъ полковъ, указано отправиться въ Малороссію и составить собою при черкасскихъ полкахъ гетмана Скоропадскаго, такъ сказать, классную даму, внушающую правила воинскаго добронравія во время отраженія татарскаго набѣга. Адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ, съ частью войскъ и флотомъ, обороняетъ Азовъ. Въ просвѣтъ между Апраксинымъ и Бутурлинымъ, на старинныхъ „сакмахъ“ татарскихъ набѣговъ, выдвигаются: къ Путивлю кн. М. Г. Ромадановскій съ остатками дѣтей боярскихъ, а къ Изюму и Харькову—И. И. Шидловскій съ слободскими полками. Наконецъ, для дѣйствій противъ кубанскихъ татаръ назначается съ частью войскъ казанскій губернаторъ П. М. Апраксинъ, къ которому по пути присоединяются калмыки Аюки-хана. Одновременно съ этимъ, бывшая у Риги на широкихъ квартирахъ, пѣхотная армія фельдмаршала Б. П. Шереметева спѣшно передвигается на Волынь.

Путемъ крайняго напряженія силъ къ веснѣ все это было, болѣе или менѣе, приведено въ исполненіе. Татарскіе набѣги отражены и не сопровождались вредными послѣдствіями. Теперь предстоялъ другой во-

Библиотека Краснознам. Инв. №

просъ: что дѣлать далѣе? Отвѣтъ естественъ: оставаться на мѣстѣ нельзя; чѣмъ болѣе мы будемъ медлить, тѣмъ болѣе дадимъ времени туркамъ для изготовленія. Надо наступать; чѣмъ далѣе въ глубь мы проникнемъ, тѣмъ это выгоднѣе: точка столкновенія съ противникомъ будетъ вынесена достаточно далеко отъ заразныхъ гнѣздъ, готовыхъ къ процесу разложенія. Нѣтъ сомнѣнія, что къ подобному рѣшенію подталкивали Царя также и предложенія вассальной зависимости и услугъ волошскаго господаря Дм. Кантемира, а быть можетъ и ожиданіе того же отъ мултянскаго господаря Бранкована.

Остановясь на этой идеѣ, Царь намѣчаетъ широкую сѣть мѣръ, облегчающихъ успѣхъ наступленія: Милорадовичъ съ его агентами подымаютъ возмущеніе на Балканскомъ полуостровѣ; это оттягиваетъ часть турецкихъ силъ въ ихъ тылъ. Кн. Ал. Черкасскій подымаетъ возмущеніе на Кавказѣ; это тянетъ турецкую силу въ другую сторону. Адм. Апраксинъ съ братомъ наступаютъ къ Керчи и Тамани; это тянетъ турокъ въ третьемъ направленіи. И. И. Бутурлинъ со Скоропадскимъ идутъ къ самому Перекопу; это сковываетъ значительную часть силъ Крыма. Бриг. Яковлевъ съ отрядомъ на нижней Вислѣ и войсками Августа II обезвреживаетъ отрядъ ген. Красова. Остается выбрать операціонный путь для главныхъ силъ.

Я не располагаю достаточными документальными данными, чтобы съ увѣренностью утверждать, что ко времени выработки плана наступленія (т. е. въ половинѣ апрѣля мѣсяца) Царь еще не имѣлъ въ виду наступать къ нижнему Дунаю; но во всякомъ случаѣ ближайшею его цѣлью было занятіе Яссъ. Задачу эту предполагалось исполнить такъ: сперва отъ Брацлава

и Немирова дѣлается демонстративное движеніе къ Бендерамъ, чѣмъ приковывается вниманіе бывшаго тамъ Карла XII съ его войсками къ этому пункту; послѣ этого армія (впереди конница, за нею пѣхота) возможно быстрѣе перебрасывается къ Яссамъ. Сообразно съ этою общею мыслью, были намѣчены соотвѣтствующія подготовительныя мѣры; изъ числа ихъ обращу вниманіе только на одну,—на подготовку двойной базы на Кіевъ и на Каменецъ-Подольскій.

Начинается наступленіе. Это—сплошной рядъ несчастныхъ обстоятельствъ. Какъ будто сама судьба (разумѣется, не она) подготовляла катастрофу. Первое предостереженіе было сдѣлано еще во время подготовки къ походу: всѣ исполнительныя по ней дѣйствія затянулись почти на мѣсяцъ и все-таки мы выступили впередъ съ крайне ограниченными подвижными продовольственными средствами. Къ половинѣ мая конница была у Брацлава. Производится передвиженіе ея къ Рашкову, но... стоящій во главѣ конницы, Б. П. Шереметевъ, прямо не соотвѣтствуетъ своей роли: онъ дряхлъ, онъ перешелъ за предѣльный возрастъ энергіи, онъ дѣйствуетъ крайне медленно и теряетъ время. Конница прибыла въ Рашковъ; тамъ новый намекъ на несчастіе: письмо Кантемира къ Шереметеву ясно свидѣтельствуетъ, что тотъ обѣщалъ болѣе, чѣмъ можетъ дать; у него нѣтъ продовольствія, у него нѣтъ денегъ, у него нѣтъ войскъ; на защиту его самого приходится посылать отрядъ Кропотова. Мы идемъ далѣе; съ великими лишеніями Шереметевъ подходитъ къ Пруту близъ Яссъ; тамъ происходитъ встрѣча его съ Кантемиромъ и все политическое ничтожество господаря выясняется въ полномъ объемѣ; онъ не только самъ ничего не можетъ

дать, но и степень приверженности волоховъ къ русскому дѣлу весьма сомнительна; многихъ изъ бояръ приходится „затягать“ насильственными мѣрами.

Убѣдясь во всемъ этомъ, Шереметевъ благоразумно сдерживаетъ дальнѣйшее движеніе конницы къ югу вдоль Прута и посылаетъ обо всемъ откровенное донесеніе Царю. Тотъ въ это время подходилъ съ пѣхотою къ Немирову и Брацлаву.

Донесеніямъ Шереметева Царь, повидимому, не совсѣмъ довѣряетъ: Шереметевъ извѣстенъ ему своею медлительностью, онъ и въ Курляндіи въ 1705 году медлилъ, и подъ Полтавою не особенно спѣшилъ, да и на дняхъ, такъ сказать, въ Ригѣ подымалъ великій стонъ и жалобы по такому пустяку, какъ откомандированіе отъ него Лики Чирикова; въ Шереметевѣ еще сохранились остатки стариннаго „воеводы большого полку“; Царь ему не вполнѣ вѣритъ.

Съ другой стороны, разсуждаетъ Царь, чѣмъ я рискую, перебросивъ пѣхоту въ Яссы; туда 250 верстъ, отъ Дуная до Яссъ столько же; прибыть туда я успѣю во всякомъ случаѣ ранѣе турокъ. Чѣмъ будетъ дурно мое стратегическое положеніе? Теперь базируюсь я на Кіевъ, а тогда перемѣню тылъ на подготовленную уже базу въ Подоліи. Оттянуть Шереметева на себя? Но это скомпрометируетъ все дѣло, да и встрѣча съ противникомъ произойдетъ вблизи извѣстныхъ заразныхъ гнѣздъ; нѣтъ, надо двигаться впередъ. Рѣшеніе назрѣло.

Начинается наступленіе пѣхоты отъ Брацлава къ Яссамъ. Послѣ тяжкихъ трудовъ и лишеній она собирается наконецъ на Прутѣ.

Первыя намѣренія Царя были безусловно благоразумными; онъ рѣшилъ остановиться у Яссъ, закончить

подготовку тамъ промежуточнаго склада (надъ чѣмъ трудился уже бригадиръ Черицовъ), связаться съ тыломъ, организовать транспортныя средства на пути къ Жванцу и разузнать, наконецъ, что дѣлаютъ турки, гдѣ они, сколько ихъ.

Но это рѣшеніе было тотчасъ же разбито въ прахъ. Предъ Царемъ начинаетъ играть стройный восточно-православный оркестръ изъ Саввы Рагузинскаго, Ѳомы Кантакузина, грека Кастріота и самого Кантемира. Савва Владиславлевъ Рагузинскій, надворный совѣтникъ и министръ Царя по дѣламъ восточныхъ христіанъ, держитъ дирижерскую палочку; Ѳома Кантакузинъ обѣщаетъ впереди въ земляхъ Бранкована всякія благостыни; Кастріотъ, своими предложеніями мира съ турецкой стороны, наталкиваетъ на мысль о полной неготовности противника, а Дм. Кантемиръ... тотъ стремится только къ тому, чтобы наши войска отошли возможно далѣе къ югу отъ его столицы; онъ хочетъ одного,—чтобы столкновеніе съ турками возможно менѣе затрогивало его территорію; къ тому же и въ семьѣ его должно свершиться большое событіе: россійской словесности предстоитъ обогатиться Антіохомъ Дмитріевичемъ Кантемиромъ.

Россійская словесность выиграла, но русская стратегія безусловно проиграла: Царь принялъ смѣлое рѣшеніе двигаться къ Дунаю вдоль Прута. Говорятъ, что несчастіе одно не приходитъ; такъ случилось и на этотъ разъ. Во-первыхъ, Петръ ослабилъ и безъ того слабую свою конницу выдѣленіемъ отряда Рена, назначеннаго для захвата Браилова; блестящее исполненіе Реномъ этой задачи только косвенно облегчило положеніе Царя, быть можетъ, повліявъ впослѣдствіи на

сговорчивость визиря. Другая погрѣшность скрывалась въ самой тактикѣ русскихъ войскъ. Царь сознавалъ, что въ дѣлѣ съ турками западная линейная тактика не годится, что ее нужно измѣнить; онъ ее и мѣняетъ, но ему не удается уловить, въ чемъ, именно, должно состоять это измѣненіе; онъ возвращается къ старо-русскому „ертоулу“ и дѣйствіямъ „въ обозѣ“, вся непригодность которыхъ вполнѣ ясно обнаружилась еще въ 1662 г. во время шереметевской войны и въ походахъ кн. В. В. Голицына [1]).

Третье несчастье заключалось въ иноземныхъ генералахъ. Выписанные изъ-за границы, эти спеціалисты въ войнѣ съ турками „объявили себя въ первые люди въ подлунной, а егда до дѣла дошло, то искусства— ниже вида“. Одинъ изъ нихъ, Янусъ фонъ Эберштедъ, подставилъ подъ удары подавляющихъ силъ турокъ всю наличную конницу, другой, фонъ Энсбергъ сдѣлалъ то же самое съ частью пѣхоты. Отступивъ нѣсколько назадъ, собравъ во-едино свои силы, Царь расположился на берегу Прута, прикрывъ войсками по дугѣ, упершейся флангами въ рѣку, свои многочисленные обозы. Происходятъ три стремительныя атаки турокъ. Атаки отбиты, но развить свой успѣхъ мы не можемъ: у насъ почти нѣтъ конницы, почти нѣтъ продовольствія, но за то у насъ много обозовъ, всякаго рода бѣглецовъ и даже офицерскихъ супругъ.

Настаетъ ночь; турки окружаютъ насъ кольцомъ своихъ окоповъ. Увидя эту работу, Царь принимаетъ

---

[1]) Спеціальная тактика дѣйствій противъ турокъ была слегка намѣчена Минихомъ, да и то лишь въ концѣ войны 1736—1739 годовъ, подъ Ставучанами. Честь разработки этой тактики принадлежитъ Румянцеву и его блестящему наслѣднику Суворову.

рѣшеніе вступить въ бой; объ этомъ уже отдаются необходимыя распоряженія, но вдругъ все отмѣняется: лично съ Петромъ начинаетъ происходить что-то такое непонятное. По свидѣтельству современниковъ, онъ переживалъ какую-то ужасную душевную муку, переходя отъ припадковъ бѣшенства въ отчаяніе. Послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою, онъ призываетъ вице-канцлера П. Шафирова, вручаетъ ему много золота, приставляетъ къ нимъ обоимъ М. Шереметева, снабжаетъ Шафирова широкими полномочіями и приказываетъ заключить съ визиремъ миръ во что бы то ни стало. Поощряемый солидною суммою золота, визирь проявляетъ крайнюю сговорчивость. Миръ заключенъ и армія возвращается назадъ. 3-го августа она въ Могилевѣ и тамъ начинаютъ праздновать какое-то непонятное торжество: молебное пѣніе, пушечная пальба, пиры и щедрыя награды различной цѣнности: однимъ—„кавалеріи“, чины, денежныя награды, деревни и т. д., другимъ—„абшидъ“, путевой „трактаментъ“ и „пассъ“ за-границу.

Война кончена; Царь бодрый, веселый, радостный, но физически истомленный, возвращается къ прерванному дѣлу.

Снова настало время критики и снова только заграничной. Матеріаломъ для нея послужили „авизы“, летучіе листки, мемуары современниковъ и сплетня... сплетня безъ конца, до поѣздки Екатерины Алексѣевны въ станъ визиря включительно. Возстановили критики по такому матеріалу фактическую сторону событій и пришли въ негодованіе: помилуйте, да это—авантюра, это—выдвиганіе впередъ, и крайне несвоевременное выдвиганіе, восточнаго вопроса! Царь Петръ? Это—

азартный игрокъ, желающій пустить въ обращеніе цѣнности, которымъ пока нѣтъ мѣста на биржѣ всемірной исторіи! А это стремительное наступленіе къ Пруту? Это—оперативный скандалъ! А этотъ купленный миръ? Это—тактическій позоръ! И критики отвернулись съ презрѣніемъ отъ Царя и его войны; они не удостоили ихъ даже тѣмъ, хотя и суровымъ, но зато и подробнымъ разборомъ, которымъ они впослѣдствіи удостаивали Суворова съ его Швейцарскимъ походомъ.

III.

Таковы въ самыхъ общихъ итогахъ факты; такова, также въ итогахъ, западная критика этихъ событій. Позволю себѣ и я сказать объ этихъ событіяхъ нѣсколько словъ.

Не буду останавливаться надъ вопросомъ о соотношеніи военныхъ талантовъ Суворова и Петра. Во первыхъ, фактическая сторона событій очерчена мною для этого болѣе нежели въ общихъ чертахъ, а во вторыхъ—едва-ли такое сравненіе въ настоящее время и вообще можно сдѣлать. Не стану также подчеркивать, что одною изъ причинъ нашихъ несчастій служили дѣйствія союзниковъ. Подобное взваливаніе вины на другихъ было бы равносильнымъ безцѣльному напоминанію стариннаго изреченія „не вѣруй инородникамъ“, не вносящаго никакого свѣта собственно въ военную часть этихъ кампаній. Подчеркиваніе тѣмъ болѣе неумѣстно, что, по нашимъ военнымъ воззрѣніямъ, стоящій во главѣ арміи отвѣтственъ за все: за дождикъ и за ведро, за дни радости и за дни скорби и печали. Центръ моего вниманія направляю не туда, а къ этимъ трагическимъ

днямъ 18-го сентября въ Мутенѣ и 10-го іюля на Прутѣ.

Обратите вниманіе на положеніе полководцевъ въ эти дни; оно удивительно аналогично. Оба удалены отъ границъ, оба окружены превосходными силами противника, обоимъ не откуда ждать помощи, у обоихъ арміи истомлены физически, но не надломлены нравственно, у обоихъ продовольственныя и другія средства на исходѣ, наконецъ, у обоихъ спрошенный генералитетъ даетъ честный солдатскій отвѣтъ пробиваться и тѣмъ не менѣе... рѣшенія прямо противоположны: у одного— смертный бой, у другого—позорнѣйшій миръ! Почему такая разница? Постараюсь отвѣтить, какъ самъ понимаю.

Выше была уже отмѣчена вся оторванность войны 1799 г. отъ истинныхъ русскихъ историческихъ задачъ. Была-ли эта война, или ея вовсе не было бы, по существу дѣла, исторія Россіи отъ этого въ основныхъ своихъ теченіяхъ едва-ли измѣнилась бы. Позже, почти сто лѣтъ спустя, когда на берегахъ Ингерманландіи раздавались звуки марсельезы, стало вполнѣ очевиднымъ, что нашъ политическій строй можетъ, не только мирно, но даже союзнически, уживаться съ режимомъ, прямо ему противоположнымъ. Во времена Суворова это не было яснымъ; но эта-то неясность политическихъ цѣлей войны менѣе всего Суворова и безпокоила и не только потому, что онъ стоялъ внѣ вопросовъ внѣшней политики, но также и потому, что по своему внутреннему содержанію, по своему „я“, онъ былъ высшимъ выраженіемъ военнаго человѣка по преимуществу. Весь смыслъ жизни дня него заключался только въ трехъ словахъ: армія, война и бой; внѣ этихъ словъ онъ не зналъ истиннаго счастья. Поэтому-то, еще въ екатерининское

время, при первыхъ слухахъ о возможности войны съ революціонерами—„карманьельцами“, онъ уже рвется въ эту войну всею душою, не задаваясь вопросомъ о степени политической ея цѣлесообразности (этотъ вопросъ разберутъ тамъ, на верху), а когда ему было предложено отправиться въ Италію, то онъ летитъ туда и наполняетъ ее своими побѣдами.

Правда, и у Суворова была какъ будто минута сомнѣнія. Окруженный, подобно всякому человѣку, стоящему выше толпы, завистью, злословіемъ, недоброжелательствомъ и qvasi-служебно-патріотическою сплетнею, Суворовъ постигаетъ австрійскую ложь этой войны, но напрасно и тутъ было бы искать политическаго мотива. Поводомъ къ прошенію объ отставкѣ были исключительно спеціально-военныя его ощущенія. Это колебаніе было, впрочемъ, только минутнымъ; въ немъ восторжествовало иное начало, также спеціально-военное; эта война—воля Всемилостивѣйшаго Государя, она—старинное „государево изволеніе“; тутъ не мѣсто фрондамъ, подобнымъ тѣмъ, которыя привели къ кончанскому затворническому; онъ—передъ арміею, онъ фельдмаршалъ. И долгъ передъ высшею волею у него торжествуетъ.

Воля эта даетъ ему задачу едва исполнимую. Чтобы исполнить эту волю, онъ намѣчаетъ единственно благоразумный планъ дѣйствій, но и этотъ планъ нарушенъ. Будь Суворовъ хозяиномъ своихъ поступковъ, быть можетъ онъ поступилъ иначе; но въ его положеніи, подъ давленіемъ чужой порывистой воли, былъ одинъ только выходъ: не прибѣгая ни къ какимъ хитрымъ стратегическимъ комбинаціямъ, „неоплошнымъ позитурамъ“, маневрамъ и т. п., внести крайнюю энергію дѣйствій, какъ единственный выходъ. Къ этому средству

Суворовъ обращается и наполняетъ долину Рейсы сплошнымъ штурмомъ... Но катастрофа назрѣла.

По существу дѣла причины мутенскаго кризиса заключались не въ однѣхъ лишь стратегическихъ ошибкахъ, но въ общей безполезности этой войны; рано или поздно кризисъ долженъ былъ настать, потому что мы боролись не изъ-за реальнаго интереса, а съ мечтою, съ неуловимою мыслью, съ желаніемъ цѣлаго народа переустроиться по иному. Поэтому-то и въ мученіяхъ Суворова въ день мутенскаго совѣта напрасно будемъ искать сожалѣній о несбывшейся реальной политической цѣли войны. Тамъ все есть, только не это. Взамѣнъ этого, въ тяжелый день 18-го сентября, передъ Суворовымъ во весь ростъ встаетъ иной, новый долгъ: не опозорить имя своего Государя, не посрамить землю русскую, не покрыть позоромъ и безславіемъ солдатское имя. Ставъ на эту точку зрѣнія, Суворовъ могъ придти только къ одному рѣшенію: бой, смертный бой, лечь костьми, поразить врага или умереть... И онъ бросается въ этотъ бой; ему не удается пробиться на Нефельсъ, онъ поворачиваетъ къ югу на Иланцъ, и, въ концѣ концовъ, выноситъ русское имя дѣвственно чистымъ, во всей его неприкосновенности.

И въ этомъ—его величіе, въ этомъ—его святость для насъ. Въ эти дни онъ великъ для насъ не какъ полководецъ, тѣмъ болѣе, что, сжатому нравственно съ разныхъ сторонъ, ему негдѣ было и развернуть во всю ширь свой военный талантъ. Нѣтъ, въ эти минуты онъ для насъ дорогъ, какъ высшее выраженіе военнаго долга, какъ высшій хранитель нашей воинской чести.

Въ иномъ положеніи Царь Петръ. Для него вся неизбѣжность, историческая необходимость и логич-

ность этой войны очевидны, но въ данную минуту эта война рѣшительно несвоевременна. Царь напрягаетъ въ теченіе девяти лѣтъ всѣ усилія, чтобы сохранить съ турками миръ, и это ему удается. Враждебныя теченія, однако, превозмогаютъ; настаетъ разрывъ, но иниціатива войны принадлежитъ не ему. Оцѣнивая всю сумму политическихъ и стратегическихъ соотношеній, Петръ приходитъ также къ единственно возможному въ его положеніи рѣшенію,—наступать и наступать энергично. Но что стоитъ въ концѣ этого наступленія?—Все то-же: миръ и только миръ.

Начинается походъ; рядъ отмѣченныхъ выше обстоятельствъ ставитъ Царя въ трагическое положеніе. Вотъ тутъ-то и настаетъ для Царя самый трудный вопросъ: что предпринять?

Первое рѣшеніе—бой; армія быть можетъ вынесетъ его съ честью; она не настолько еще истомлена; она только что отразила всѣ атаки турокъ. Но... бой средство рѣшительное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безповоротное; въ положеніи же, въ какомъ мы находимся, средство это и весьма сомнительное... „Исканіе боя генеральнаго суть опасно, въ единый часъ все испровержено можетъ быть, того для лучше здоровое отступленіе, чѣмъ безмѣрный газардъ“; но отступленіе—все тотъ же бой, только при болѣе дурной обстановкѣ. Неужели идти на этотъ бой? Неужели поставить на карту и эту широко задуманную программу государственныхъ реформъ и эту неоконченную еще шведскую войну, которая должна вынести насъ на широкій просторъ западно-европейской цивилизаціи?!

Но, вѣдь, нуженъ миръ и только миръ; его можно купить... у оберъ-комиссаровъ Бестужева, Новосильцова

и Мосальскаго есть 500 тысячъ рублей..., визирь падокъ на золото... Но такой, купленный миръ—позоръ! Онъ покроетъ позоромъ славу побѣдителя при Полтавѣ, онъ обезчеститъ эту юную, только-что созданную армію...

И въ Царѣ начинается тяжкая, мучительная, едва выносимая внутренняя борьба: Петръ—Царь, Петръ—государственный человѣкъ, Петръ— будущій „отецъ отечества“ борется съ Петромъ-полководцемъ и первымъ солдатомъ русской земли. Борьба тяжкая, нравственныя страданія чрезвычайны, но... въ концѣ концовъ широкій государственный интересъ беретъ верхъ надъ интересомъ узко-военнымъ. И въ тѣ минуты, когда Царь торжествовалъ въ Могилевѣ, онъ праздновалъ не одинъ лишь выходъ изъ опасности, но и великую побѣду надъ самимъ собою.

Но, какой это мученикъ, какъ страстотерпецъ за русскую землю! [1]).

---

[1]) На дняхъ вышелъ психологическій этюдъ проф. П. И. Ковалевскаго „Петръ великій и его геній“. (изд. 1900 г.). Въ этомъ этюдѣ стр. 180—185 посвящены прутскому походу. Фактическая сторона военныхъ дѣйствій очерчена несовершенно и даже ошибочно. Отчасти это произошло потому что автору не былъ извѣстенъ, доступный нынѣ пока лишь не многимъ, новый архивный матеріалъ, а быть можетъ и потому, что авторъ, повидимому, чуждъ военнаго дѣла. Не знаю, насколько для психологическаго анализа въ общей наукѣ необходима достовѣрная фактическая основа.

Во всякомъ случаѣ, съ особою гордостью отмѣчаю, что общіе выводы профессора-психолога вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что я говорилъ въ своемъ сообщеніи, не зная о появленія въ печати новаго сочиненія. По опредѣленію П. И. Ковалевскаго, безпредѣльное служеніе родинѣ заглушало и подавляло въ Петрѣ все личное, все общечеловѣческое; Петръ жилъ безплотною любовью къ родинѣ, возсозданной имъ Россіи (стр. 248). Царь былъ очень самолюбивъ, но не личнымъ самолюбіемъ, а самолюбіемъ Россіи (стр. 244).

Такой же психологическій моментъ, какъ и на Прутѣ, Царь переживалъ во время суда надъ царевичемъ Алексѣемъ. По опредѣленію П. И. Ковалевскаго, въ эти минуты Царю предстояла дилема: сынъ

Вотъ эту то муку цѣнители, хулители и судьи и проглядѣли въ Петрѣ и Суворовѣ. Они, эти судьи, хотѣли взять полководцевъ во всей, доступной имъ, спеціально-военной обстановкѣ: въ условіяхъ пространства, времени, театровъ, силъ, средствъ, качествъ и т. п., и тѣмъ не менѣе они изучали ихъ въ безвоздушномъ пространствѣ, потому что они оторвали ихъ отъ русской земли. Они оторвали Петра отъ нашей исторіи, они оторвали Суворова отъ нашихъ нравственныхъ идеаловъ, этимъ они вырвали изъ нихъ весь внутренній смыслъ и, взявъ критическій скальпель въ руки, стали анализировать ихъ по всѣмъ правиламъ научной анатоміи, но они трудились не надъ живыми людьми; предъ ними были какія-то стратегическія и тактическія муміи.

И они, эти судьи, погрѣшили; они и не могли не погрѣшить, потому что для вполнѣ научно-обоснованнаго вывода у нихъ не было трехъ основныхъ устоевъ: 1) достовѣрнаго факта, 2) знанія той среды, къ которой принадлежали эти люди, и 3) знанія исторіи этой среды.

IV.

Могутъ спросить: почему же мы молчали, почему мы не достаточно громко и авторитетно кричали, что они, эти критики, ошибаются, стоятъ на невѣрномъ пути, изучаютъ событія не подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, что

или царство. Ему предстоялъ выборъ: или лишиться сына и сохранить величіе, силу и мощь Россіи,—или оставить престолъ сыну и погубить обновленную и возсозданную Россію. Любовь генія къ своему созданію превысила любовь общечеловѣческую и Петръ предпочелъ любовь къ созданной имъ Россіи любви къ своему сыну (стр. 214). Все это, въ сущности своей, представляетъ полную аналогію съ тою дилемою, которую Царь долженъ былъ разрѣшить на берегахъ Прута.

фактическая основа ихъ не вѣрна? Вопросъ очень сложный. Подъ угрозою вызвать негодованіе, порицаніе и даже упреки въ излишней самоувѣренности, не скрою „подъ харею любомодрія видъ обмана“ и выскажу мой личный взглядъ съ полною откровенностью [1]).

Во первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что крѣпостную зависимость отъ невѣжества мы сбросили какихъ-нибудь 60—70 лѣтъ, а право на сравнительно широкое военное (не узко-кастовое) образованіе пріобрѣли почти одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого послужной списокъ нашей военной науки пока еще не очень обширенъ, да и дѣла ей за все это время было очень много: она твердила зады. Въ это время мы, конечно, удѣляли вниманіе и вопросамъ военно-историческимъ, но большею частью спорадически, „по повелѣнію“; нормальной же, постоянной организаціи этого дѣла, подобно западнымъ государствамъ, у насъ не было. Былъ у насъ, правда, и частный починъ. Достойно быть отмѣченнымъ, что нѣтъ того большого имени въ русской военной литературѣ, которое такъ или иначе не было бы прикосновеннымъ къ разработкѣ нашей военной исторіи [2]). Но этотъ починъ мало увлекалъ средняго, массового научно-рабочаго человѣка. Ибо сей человѣкъ удивительно не любитъ работать надъ возстановленіемъ факта. Трудъ этотъ медленъ, кропотливъ, истощаетъ и душу, и тѣло, не обѣщаетъ скорыхъ успѣховъ. Поэтому, не возстановивъ фактовъ

[1]) Утѣшаю себя философскою мыслью Кузьмы Пруткова, что „и устрица имѣетъ враговъ“.

[2]) Именъ не называю, они почти всѣ здравствуютъ, а курить „фиміамы мнози“ какъ то зазорно. Чтобы убѣдиться, что я правъ, прошу читателя пересмотрѣть списки печатныхъ трудовъ извѣстныхъ нашихъ военныхъ ученыхъ и писателей.

въ полномъ ихъ объемѣ, мы, средніе люди, предпочитаемъ обратиться къ анализу ихъ, не покончивъ съ анализомъ, переносимся къ синтезу и, въ концѣ концовъ, вступаемъ на широкій просторъ „обобщенія“, въ послѣднее время еще и на психологической основѣ. Это намъ любо. А результатъ? Зная нѣсколько наши архивы и ихъ содержимое, позволю себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ рядомъ своихъ собственныхъ вопросовъ. Въ 1852 году большой нашъ ученый, Д. Милютинъ, окончилъ описаніе Швейцарскаго похода; съ откровенностью истиннаго ученаго, въ третьемъ томѣ своего труда онъ оставилъ намъ наслѣдіе для дальнѣйшихъ работъ, отмѣчая всѣ неясности, противорѣчія, недоразумѣнія и т. п. Съ тѣхъ поръ прошло 47 лѣтъ; были ли мы достойными учениками своего учителя, пошли ли мы по указанному имъ пути? Думаю, что нѣтъ. Вотъ Прутскій походъ, ему скоро 100 лѣтъ; не представляетъ ли онъ сплошной вопросительный знакъ? Чрезъ 12—13 лѣтъ настанетъ столѣтіе великой эпопеи Отечественной войны; далеко ли мы ушли впередъ съ изученіемъ этой войны послѣ появленія трудовъ, составленныхъ „по повелѣнію“? Въ этомъ году мы вступаемъ въ столѣтіе Сѣверной войны; не представляется ли она покрытою флеромъ неизвѣстности? Чрезъ 8—9 лѣтъ столѣтіе послѣдней Финляндской войны; что мы можемъ противопоставить выходящему теперь изъ печати сочиненію шведскаго генеральнаго штаба? Чрезъ 5—6 лѣтъ настанетъ годовщина злосчастнаго Аустерлица; использованы ли уже матеріалы по этой кампаніи, которые хранятся въ нашихъ архивахъ?

Отвѣтъ получается уныло однообразный:—нѣтъ и нѣтъ. Не будемъ же послѣ этого удивляться, что, сами не

располагая фактами, мы не можемъ предложить ихъ заграничнымъ критикамъ нашихъ полководцевъ [1]).

Другая причина нашего безсилія (боюсь сказать, но дерзаю) заключается въ томъ, что мы сами не то сомнѣваемся, не то недоумѣваемъ предъ величіемъ нашихъ полководцевъ. Суворовъ великъ, но онъ не Наполеонъ; у того все ясно, научно, подходитъ подъ всѣ принципы военнаго дѣла, подъ всѣ краеугольные камни военнаго искусства, а Суворовъ... ну, словно гоголевскій учитель исторіи, иногда „имѣетъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ его званіемъ“. И Петръ великъ, но онъ не Юлій Цезарь. У Юлія Цезаря также все ясно, а Петръ... онъ съ Полтавскаго поля стремится прямо на Прутъ. Простой, немудрящій человѣкъ сказалъ бы, что они велики, но какіе-то „несообразные“,—ихъ трудно сообразить. Среди великихъ полководцевъ міра, они отчасти напоминаютъ атамана Платова среди героевъ двѣнадцатаго года; въ ихъ величіи есть какое-то „нерегулярство“. Вотъ эта-то „несообразность“, „нерегулярство“ ихъ военнаго генія насъ и волнуетъ, лишаетъ внутренняго спокойствія и увѣренности. А согласитесь, что сомнѣвающійся не можетъ убѣдить другого въ чистотѣ своей вѣры.

Источникъ нашихъ тревогъ и сомнѣній заключается, разумѣется, не въ дефектахъ полководческихъ талантовъ Суворова и Петра, а въ чемъ-то иномъ, находя-

[1]) Въ настоящее время на недостаточную полноту фактическихъ данныхъ по исторіи многихъ нашихъ войнъ обращено вниманіе въ высшихъ сферахъ. Для сбора, систематизаціи и постепеннаго изданія въ свѣтъ матеріаловъ Отечественной войны уже командированъ соотвѣтствующій контигентъ рабочихъ рукъ. Къ работѣ приступлено подъ руководствомъ лица, спеціально занимающагося этою войною и любезно согласившагося посодѣйствовать своимъ опытомъ общему дѣлу.

щемся внѣ ихъ. Это „что-то“ скрывается въ самомъ методѣ критико-историческаго изученія военныхъ явленій русской жизни.

Методъ этотъ, подобно прочимъ отдѣламъ военной науки, мы позаимствовали съ запада, но не переработали его, сообразно съ нашими потребностями. Оставаясь почтительными учениками, мы слишкомъ долгое время шествовали въ затылокъ и въ ногу за нашими учителями.

Поэтому, изучая Петра и Суворова, мы сами забывали, что они плоть отъ плоти и кость отъ кости нашей исторіи и нашего народа, мы же хотѣли расчленить ихъ дѣянія по заграничнымъ шаблонамъ и трафареткамъ.

Мы отрицали, а отчасти и въ настоящее время отрицаемъ, *русское военное искусство*, но не въ смыслѣ „съ нами Богъ, разумѣйте языцы“; нѣтъ, этого, какъ кажется, мы никогда не отрицали; а какъ отраженіе въ военномъ дѣлѣ нашей этики, нашего народнаго склада, состоянія культуры въ данную историческую минуту. Поэтому мы отрицали и *исторію русскаго военнаго искусства* (точнѣе—военнаго дѣла), какъ одинъ изъ осколковъ исторіи нашей культуры, но только въ спеціальной средѣ [1]). Вслѣдствіе этого, взявъ тотъ или другой военный эпизодъ изъ дѣяній Петра и Суворова,

[1]) Иначе говоря, позволяю себѣ утверждать, что военное искусство, подобно прочимъ искусствамъ (живописи, архитектурѣ, музыкѣ), носитъ строго національный характеръ, а слѣдовательно для каждаго великаго народа имѣетъ свою исторію. По словамъ П. И. Ковалевскаго, на котораго я выше ссылался, „національность кладетъ свою печать одинаково, какъ на обычнаго человѣка, такъ и на генія, хотя на послѣднемъ, на столько же меньше, на сколько дарованіе его выше общаго уровня“... (а извѣстно, прибавлю отъ себя, что исторію творятъ не одни лишь геніи). „Національнизмъ есть голосъ природы. Интерна-

мы ихъ анализировали весьма добросовѣстно, но при этомъ не удѣляли вниманія изученію тѣхъ воздѣйствій и вліяній, которыя производятъ основные устои нашего народнаго міросозерцанія, напр., наши политическіе идеалы, нашъ общественный строй, наша образованность въ данную минуту, наши историческія задачи, наше татарское иго, наше крѣпостное право, наша дореформенная татарско-византійская косность и т. д., и т. д.

Опуская безъ тщательнаго обслѣдованія громадную область нравственныхъ и исторически-бытовыхъ воздѣйствій, неминуемо попадаешь въ лабиринтъ недоумѣній, изъ котораго съ честью выходили только большія научныя силы. Средній же человѣкъ обязательно впадетъ въ крайность: одинъ, наиболѣе искренній, быть можетъ честный и во всякомъ случаѣ граждански-мужественный, впадетъ въ отрицаніе и порицаніе; другой станетъ тянуть равнодѣйствующую умѣренности и аккуратности, а третій, скажемъ, наиболѣе горячій, недо-

---

ціонализмъ имѣетъ въ основѣ своей или ханжество, или бравуру, или недомысліе, или увлеченіе" (стр. 46 и 47).

Иной вопросъ, по какому пути течетъ исторія военнаго искусства даннаго народа. Въ одномъ случаѣ это проявленіе величайшаго безъискусства, въ другомъ—генія и творчества. Петръ и Суворовъ содѣйствовали подъему нашего искусства, Аракчеевъ и Минихъ—едва-ли Трудность положенія историка національнаго военнаго искусства, именно и состоитъ въ томъ, что нужно сохранить возможную объективность изученія, черное называть чернымъ, а бѣлое—бѣлымъ, не впадать ни въ преклоненіе, ни въ порицаніе, во что бы то ни стало. Онъ долженъ быть „добру и злу послушно равнодушенъ", ибо только тогда и можно познать историческую истину. Нѣтъ сомнѣнія, что сохранить объективность крайне трудно (всякій человѣкъ субъективенъ прежде всего); но если соблюдена добросовѣстность въ изученіи факта, выводъ построенъ осторожно, весь процесъ мышленія не скрытъ, словомъ, если соблюдено возможное безпристрастіе и научная откровенность и правдивость, то, думаю, и этого уже довольно.

статокъ научной аргументаціи замѣнить частичнымъ „исправленіемъ факта“, маскировкою „наготы“, біеніемъ въ грудь, лже-патріотизмомъ и риторическою фразою. Но, скажите, когда и при какихъ обстоятельствахъ біеніе въ грудь и риторическая фраза кого-нибудь убѣждали?

Наконецъ, третья и послѣдняя причина нашего безсилія въ борьбѣ съ западными критиками состоитъ въ слѣдующемъ: несмотря на всю сравнительную юность нашей военно-исторической науки, она слишкомъ много удѣляла вниманія и силъ изученію исторіи запада, въ ущербъ родной намъ наукѣ. Бывали даже такія времена, когда мы, право, забывали напоминаніе нашего великаго старца, что „помилуй Богъ, мы русскіе!“ [1]).

А. З. Мышлаевскій.

---

[1]) Какъ кажется (судя по вопросамъ) нѣкоторые изъ лицъ, удостоившихъ выслушать мое сообщеніе, пришли къ заключенію, что эту фразу я употребилъ въ смыслѣ „съ нами Богъ, разумѣйте языцы“... Не отрицаю глубокаго значенія и истины этой послѣдней фразы въ области нравственнаго убѣжденія каждаго изъ насъ, какъ солдата и русскаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что спеціально въ области науки всякое проявленіе научнаго шовинизма, самомнѣнія и самообожанія есть величайшее зло, за которое можно жестоко поплатиться.

Цитируя слова Суворова, я разумѣлъ, что было время, когда мы болѣе интересовались войнами германскими, австрійскими, датскими, французскими и т. п., нежели русскими. Такъ какъ я говорилъ только объ исторіи, то иного смысла моимъ словамъ нельзя и придавать.

Паденіе Польши и Суворовъ.

Сообщеніе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба ординарнаго профессора полковника *П. А. Гейсмана.*

Польша, какъ государство. Отношенія къ Россіи до 1762 года. Программа Императрицы Екатерины II и ея польскія войны. Участіе Суворова: а) въ 1-й польской (конфедератской) войнѣ 1768 — 1772 гг. и б) въ 3-й польской войнѣ 1794 года. Мѣсто Суворова въ ряду дѣятелей по объединенію Россіи. Заключеніе.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ ноябрѣ 1863 года, по поводу протеста князя А. А. Суворова противъ чествованія выдающагося дѣятеля по довершенію объединенія Россіи, Михаила Николаевича Муравьева, поэтъ *Ѳ. И. Тютчевъ* обратился къ нему съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

„Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что Русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, Русскіе, Европы не спросясь!..
Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему;
Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ—
И бѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ?..
Кто, избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,

Сталъ и стоитъ, спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На зло,—увы!—и пошлостямъ роднымъ.
Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великій,
Его скрѣпилъ бы подписью своей".

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ замѣчательно вѣрно схватилъ самую сущность изслѣдуемаго нами вопроса и отмѣтилъ разногласіе въ отношеніи его пониманія, существовавшее среди русскихъ людей, какъ въ XVIII столѣтіи, такъ и въ теченіе всего XIX вѣка.

Гдѣ же ключъ къ уразумѣнію истины, какъ не въ исторіи?

Для разъясненія всего поставленнаго выше вопроса необходимо попытаться отвѣтить на частные вопросы, перечисленные въ программѣ [1]), и этимъ путемъ выяснить, какое мѣсто должно быть отведено Суворову въ ряду тѣхъ русскихъ людей, общими усиліями которыхъ была уничтожена такъ называемая „Польша".

I.

„Польша", какъ государство?

Въ IX вѣкѣ западныхъ славянъ тѣснили грозные и неумолимые враги, тѣ самые, кои позже избрали себѣ слѣдующій девизъ: „Man muss die Slaven an die Wand drücken!" Они распространяли среди славянъ желѣзомъ и кровью ученіе, основанное на кротости и любви къ ближнему. Это и вызвало образованіе небольшого поль-

[1]) См. выше.

скаго государства, обнимавшаго земли по средней Одрѣ съ Вартою и по средней Вислѣ съ центромъ тяжести въ нынѣшней познанской области (Гнѣзно). Въ концѣ X вѣка поляки принимаютъ христіанство и подчиняются вліянію Запада, т. е. нѣмцевъ и Рима.

Болеславъ I Храбрый (992—1025) становится независимымъ королемъ Польши, раздвигаетъ ея предѣлы и пытается образовать славянскую имперію, какъ противовѣсъ имперіи римско-германской, но его преемники не въ силахъ продолжать его дѣло и Польшѣ приходится лишь отстаивать свое самобытное существованіе. При Болеславѣ I польскій народъ уже раздѣленъ на вполнѣ свободныхъ землевладѣльцевъ—*шляхту* и лично свободныхъ, но податныхъ *кметовъ*, не считая крѣпостныхъ, вѣрнѣе *рабовъ*. Шляхта—многочисленное ядро народа, преимущественно вооруженная, воинская его часть; она обязана военною службою по отношенію къ королю; это и ея обязанность, и ея право. Военная служба становится ремесломъ и принадлежностью благороднаго класса общества.

Королевская власть и послѣ Болеслава I была еще сильна, но шляхта и выдѣлявшіеся изъ ея среды *магнаты* пользовались всѣми удобными случаями для увеличенія своихъ правъ и преимуществъ, въ ущербъ верховной власти. Это и явилось первою причиною слабости Польши; второю же ея причиною была утвердившаяся въ Польшѣ въ первой половинѣ XII вѣка удѣльная система.

Вслѣдствіе этой слабости Польша не могла отстоять своихъ западныхъ родичей противъ нѣмцевъ, потеряла свою собственную область, Силезію, и не могла справиться даже съ *пруссами*. Одинъ изъ князей Ма-

зовіи, Конрадъ, призвалъ на помощь противъ нихъ *тевтонскій орденъ*, который утвердился въ Пруссіи, а затѣмъ началъ захватывать и польскія земли.

Польшѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, угрожала гибель. Кое-какъ она спаслась отъ этой гибели въ началѣ XIV вѣка, когда были объединены уцѣлѣвшія еще отъ поползновеній сосѣдей польскія земли.

Казиміръ III Великій (1333—1370), воспользовавшись пресѣченіемъ галицкой линіи дома Рюриковичей, присоединилъ къ Польшѣ русское галицкое княжество. Такимъ образомъ поляки начали „насаждать культуру“ на русской почвѣ, среди русскаго народа и на погибель этому народу. Это ихъ историки и считаютъ „миссіею польскаго народа на востокѣ“.

Послѣ Казиміра III права магнатовъ и шляхты увеличились настолько, что съ тѣхъ поръ король не могъ направлять государственныя дѣла безъ ихъ участія.

Въ 1386 году магнаты заставили королеву Ядвигу выйти замужъ за Ягайлу (Ягелло) Ольгердовича, великаго князя литовскаго и русскаго. Объясняется это тѣмъ, что хотя Литва и враждовала съ Польшею, но являлась для нея наилучшимъ союзникомъ въ борьбѣ противъ общаго врага, тевтонскаго ордена. Литвѣ угрожалъ сверхъ того и другой нѣмецкій же орденъ *меченосцевъ*, утвердившійся у устьевъ Западной Двины. Соединенныя силы обоихъ орденовъ, подкрѣпляемыя приливомъ рыцарства главнымъ образомъ изъ Германіи, угрожали самому существованію Литвы (подъ предлогомъ обращенія въ христіанство). Но во главѣ Литвы, въ первой половинѣ XIV вѣка, сталъ талантливый князь *Гедиминъ*. Онъ объединилъ Литву, присоединилъ къ ней княжества волынское, кіевское и черниговское

и нѣкоторыя другія русскія земли, принялъ титулъ *великаго князя литовскаго и русскаго* и образовалъ сильное государство, въ которомъ литовцы преобладали, какъ побѣдители, а численное и культурное преобладаніе принадлежало русскимъ. Сынъ его, *Ольгердъ* (1341—1377), расширилъ предѣлы этого государства, обнимавшаго всю Бѣлую, Черную, Малую и даже часть Великой Руси. Это было государство почти русское, мало отличавшееся отъ московскаго. Естественно, между обоими русскими государствами возникла борьба, которая должна была окончиться подчиненіемъ одного изъ нихъ другому, т. е. объединеніемъ всей Руси.

Къ этому и стремились даровитѣйшіе изъ великихъ князей, какъ Московской, такъ и Литовской Руси, а въ ихъ числѣ и Ольгердъ, женатый на русской княжнѣ и тайно принявшій православную вѣру. Но не такъ понималъ этотъ вопросъ сынъ его Ягайло. Онъ не могъ справиться ни съ нѣмецкими орденами, ни съ подручными удѣльными князьями и искалъ опоры. Бракъ съ польскою королевою давалъ ему эту опору и блескъ королевской короны. Его не останавливала необходимость принятія католичества. Онъ надѣялся, что оно дастъ ему покровительство папы и остановитъ нѣмцевъ. Наконецъ, совмѣстная борьба Польши и Литвы противъ тевтонскаго ордена должна была быть болѣе успѣшною, чѣмъ отдѣльныя ихъ дѣйствія. Поэтому Ягайло и крестился по католическому обряду [1]) вторично, женился на Ядвигѣ, обратилъ литовцевъ въ католичество и положилъ начало соединенію Литвы и Руси съ Польшею. Первоначально это соединеніе было слабо и непрочно, но,

[1]) При первомъ крещеніи по православному обряду онъ былъ названъ Яковомъ.

съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе укрѣплялось и упрочилось окончательно „люблинскою уніею“ 1569 года.

Образовавшееся этимъ путемъ *польско—литовско-русское* государство явилось могущественнѣйшею державою въ восточной Европѣ. На него выпадала задача объединить славянскій міръ и создать противовѣсъ какъ германской имперіи, такъ и угрожавшей всей Европѣ турецкой монархіи. Но оно было не въ силахъ рѣшить эту задачу. Препятствовала тому слабость его государственнаго и военнаго устройства, которую Польша привила Литвѣ съ Западною Русью, тщательно вытравивъ изъ нихъ чуть ли не всѣ устои государственнаго порядка и общественной дисциплины, а равно и почти всѣ особенности національнаго военнаго устройства.

При вступленіи на польскій престолъ Ягайлы подъ именемъ Владислава II (1386—1434) король не могъ уже приказывать шляхтѣ слѣдовать подъ его знаменами, но долженъ былъ ее просить. Закрѣпощеніе народа, вторженіе съ Запада феодальныхъ понятій и столкновенія съ народами, имѣвшими сильную конницу, привели къ преобладанію этого рода оружія и въ Польшѣ. Шляхетская конница вела бой подобно феодальнымъ войскамъ западной Европы. Своею отвагою и стремительностью атакъ она рѣшала нерѣдко участь сраженій и пріобрѣла громкую славу. Но эти блестящіе успѣхи приносили мало пользы, такъ какъ конница эта долго на службѣ не оставалась, а короли не имѣли средствъ для того, чтобы содержать въ достаточномъ числѣ наемныя войска. Къ концу XIV вѣка военное устройство Польши приняло почти такой же односто-

ронній характеръ, какой до того времени господствовалъ въ Западной Европѣ, и при этомъ, отжившемъ свое время, военномъ устройствѣ, съ нѣкоторыми лишь дополненіями и измѣненіями, Польша оставалась и въ новые вѣка, т. е. въ то время, когда Западная Европа двинулась впередъ. Отсюда—отсталость Польши въ военномъ отношеніи.

Тѣмъ не менѣе соединеніе Польши съ Литвою и Русью, на первыхъ порахъ, дало себя чувствовать нѣмцамъ. Въ 1410 году Ягайло и двоюродный братъ его, *Витовтъ*, великій князь литовскій и русскій, сосредоточивъ не менѣе 100,000 (по максимальному опредѣленію 163,000) чел., раздавили значительно слабѣйшія войска ордена въ сраженіи при Грюнвальдѣ и Танненбергѣ, а сынъ Ягайлы, Казиміръ IV (1447—1492) довершилъ ихъ дѣло и возвратилъ отъ ордена захваченныя имъ польскія земли, присоединивъ западную Пруссію и часть Поморья; при этомъ орденъ сохранилъ за собою лишь восточную Пруссію, преобразовавшуюся въ 1525 году въ вассальное, по отношенію къ Польшѣ, *прусское* герцогство.

Наступленію нѣмцевъ на востокъ былъ положенъ предѣлъ. Польша выполнила часть упомянутой исторической задачи, но здѣсь она этимъ и ограничилась. Кое-что она сдѣлала и на южномъ фронтѣ, задерживая распространеніе могущества турокъ; но, въ общемъ, заслуги ея не особенно велики. За то громадны ея грѣхи, какъ представительницы славянскаго міра.

Въ XV вѣкѣ Русь Московская, стряхнувъ съ себя иго татаръ, вступила на путь самостоятельнаго развитія. Но ей пришлось потратить много времени и усилій, чтобы устранить всѣ преграды въ этомъ направле-

ніи, а въ ряду этихъ преградъ наиболѣе роковою была та китайская стѣна, которую воздвигла между нею и Европою славянская Польша, основавшая свою политическую программу на систематическомъ братоубійствѣ. Отступивъ на западѣ предъ нѣмцами и отдавъ имъ западныхъ славянъ отъ Лабы и далеко за Одру, она распространялась на востокъ на счетъ русскихъ и, въ общемъ, измѣнила славянскому знамени, правда, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (культурной слабости и внутреннихъ неустройствъ).

Такимъ образомъ Польша сыграла *отрицательную* роль въ исторіи славянскаго міра, равно какъ и въ исторіи развитія военнаго искусства въ восточной Европѣ, въ смыслѣ пріостановки и даже извращенія естественнаго хода его развитія.

Но, вредя другимъ, Польша вредила и себѣ. Ягайловичи принесли ей, правда, въ жертву свое наслѣдственное государство, но за то образовали польско-литовско-русское государство, въ которомъ русскіе составляли около половины, а поляки съ литовцами только $^2/_5$ всего населенія, т. е. господствовавшая народность уступала въ численномъ отношеніи народности, все болѣе и болѣе угнетаемой и имѣвшей милліоны братьевъ по крови въ Руси Московской и десятки милліоновъ единовѣрцевъ въ разныхъ православныхъ земляхъ. Естественно, русскіе подданные польскаго короля находили поддержку у тѣхъ и другихъ. Хотя эта поддержка и была слаба, но все же она способствовала сохраненію въ Западной Руси народности русской и вѣры православной. Поляки успѣли, правда, ополячить и окатоличить почти все западно-русское дворянство и совратить въ унію часть западно-русскаго народа.

Тѣмъ не менѣе этотъ русскій народъ жилъ и одно его существованіе представляло источникъ неизлечимой болѣзни польскаго государственнаго организма, который долженъ былъ неминуемо разложиться, тѣмъ болѣе, что, послѣ соединенія Польши съ Литвою, короли лишились вскорѣ даже и тѣни власти и авторитета.

Верховная власть въ „Рѣчи Посполитой“ принадлежала избираемому пожизненно *королю, сенату* (изъ высшихъ сановниковъ) и *сейму* (изъ представителей дворянства отдѣльныхъ воеводствъ и земель). Сеймъ имѣлъ значеніе не то обще-государственнаго представительнаго собранія, не то международнаго конгресса, который былъ безсиленъ по отношенію къ областнымъ сеймикамъ, подобно тому, какъ въ средніе вѣка сюзеренъ по отношенію къ своимъ вассаламъ. Мало того, Польша, съ ея исключительно шляхетскимъ землевладѣніемъ, съ безграничною свободою шляхты, съ рабствомъ крестьянъ, съ городами, едва влачившими свое жалкое существованіе, съ жидами, высасывавшими послѣдніе соки изъ народа, и т. п.,—эта Польша напоминала самыя худшія времена феодализма.

Что же дѣлалъ, однако, пресловутый сеймъ? Сначала онъ приносилъ еще нѣкоторую пользу, а затѣмъ, начиная съ XVII вѣка, одинъ только вредъ. Рѣшеніе могло быть постановлено только при условіи *единогласія*, добиться котораго было почти невозможно. Каждый „посолъ“ могъ парализовать волю короля, сената и всѣхъ своихъ товарищей, закричавъ: „*veto*“ (не позволяю), т. е. могъ „сорвать“ сеймъ. Обыкновенно сеймы и срывались, а безъ нихъ король и сенаторы не могли принять важныхъ рѣшеній и занимались лишь мелкими

вопросами политики и управленія. Такимъ образомъ въ Польшѣ недоставало оздоравливающаго фактора, правительства (въ истинномъ смыслѣ этого слова), которое могло бы совокупить около себя разрозненныя общественныя силы и придать имъ единое направленіе. Въ основѣ устройства Рѣчи Посполитой коренились безпорядокъ и анархія, достигшіе такой степени развитія, далѣе которой идти было невозможно.

Сами поляки дали отличную характеристику этого состоянія своего отечества извѣстною поговоркою: „*Польша живетъ безнарядьемъ*“.

Существенное упорядоченіе польскаго государственнаго организма было невозможно. Это былъ *безнадежно больной* человѣкъ. Онъ не имѣлъ средствъ, чтобы попытаться поправиться посредствомъ надлежащаго леченія, и, въ то же время, не имѣлъ силъ, чтобы выдержать подобное леченіе! Остается удивляться лишь тому, какъ онъ могъ жить, какъ онъ существовалъ!

II.

Отношенія Польши къ другимъ государствамъ.

Наиболѣе опаснымъ и неумолимымъ врагомъ Польши была Пруссія, которая унаслѣдовала отъ тевтонскаго ордена борьбу съ Польшею, вытекавшую изъ самаго способа образованія ордена на счетъ жизненныхъ интересовъ Польши. При соединеніи герцогства Пруссіи съ Бранденбургіею въ одну монархію польскія владѣнія по нижней Вислѣ мѣшали сліянію двухъ главныхъ частей этого государства въ одно цѣлое. Польша являлась оплотомъ католицизма, тогда какъ Пруссія подняла знамя протестантизма; отсюда—борьба. Наконецъ, слабость Польши была опасна для Пруссіи, такъ какъ создава-

ла для Россіи благопріятныя условія на случай борьбы ея съ Пруссіей. Поэтому Пруссія стремилась къ раздробленію Польши съ возможно большими выгодами для себя. Это втягивало сюда же и Австрію, ревниво слѣдившую за усиленіемъ Пруссіи и повсюду старавшуюся получить какое нибудь территоріальное приращеніе.

Остальныя европейскія державы и Турція относились къ Польшѣ частью безразлично, частью дружелюбно; однако и послѣднія не могли оказать ей дѣйствительной помощи; для сосѣдей же она представляла поприще удобное для утвержденія своего вліянія или какъ бы постоялый дворъ, въ которомъ могъ остановиться и хозяйничать всякъ, кто обладалъ необходимою для этого силою.

Такимъ образомъ, хотя Польша и превратилась въ авангардъ романо-германскаго міра, но не внушала къ себѣ въ Европѣ уваженія, а славянскому міру приходилось относиться къ ней, какъ къ „блудному сыну“, который едва ли и возвратится когда либо въ домъ отца.

III.

Отношенія Польши къ Россіи до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II.

Распространеніе поляковъ на востокъ, принимая, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ, вызвало непримиримую вражду между обѣими сторонами.

Іоаннъ III Великій (1462—1505) ясно понималъ необходимость устранить сильнѣйшую преграду на пути развитія Руси Московской, каковою была Польша. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ преемникъ Владиміра Св., Яро-

слава Мудраго, Владиміра Мономаха, Александра Невскаго, Іоанна Калиты и Димитрія Донскаго, какъ „Государь всея Руси“, высоко державшій русское православное знамя, онъ стремился къ возвращенію захваченныхъ Литвою и Польшею русскихъ земель.

Отправляя пословъ къ внукамъ Ягайлы, онъ велитъ сказать имъ слѣдующее: „*ино вѣдомо самимъ королемъ Владиславу и Александру, что они вотчичи Полского королевства да Литовскія земли, а Русская земля, отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина*“. Іоаннъ III и начинаетъ многовѣковую *борьбу за объединеніе Руси.*

Политику его продолжали сынъ Василій III (1505—1533) и внукъ Іоаннъ Грозный (1533—1584).

Во время междуцарствій въ Польшѣ Царь Грозный и сынъ его Ѳедоръ Іоанновичъ (1584—1598) являлись кандидатами на польскій престолъ, но оба они не соглашались перейти въ католичество и требовали первенства для Московскаго государства. Ихъ не прельщало кажущееся величіе, сопряженное съ занятіемъ польскаго престола и требовавшее признанія главенства еретика римскаго папы и униженія родной Москвы. Они стремились лишь къ возвращенію отъ Польши русскихъ земель. Но Московское государство было еще слабо для выполненія этой задачи.

Настало смутное время. Въ лицѣ Сигизмунда III и Владислава католицизмъ и Польша посягали на православную вѣру и независимость даже и Великой Россіи, которой готовилась участь, постигшая уже Русь Червонную, Черную, Бѣлую и Малую. Но выработавшая прочную государственную организацію Русь Великая возстала противъ латинско-польскихъ притязаній,

отвергла Сигизмунда и Владислава, призвала на царство *Михаила Ѳеодоровича Романова* (1613—1645) и изгнала поляковъ изъ своихъ предѣловъ. Ослабѣвъ, однако, въ тяжелой борьбѣ, Русь Великая должна была уступить Польшѣ „Смоленскъ... Рославль... Черниговъ, Стародубъ“ и т. д. (по „вѣчному миру“ 1634 года). Во всякомъ случаѣ, наступательному движенію Польши на востокъ былъ положенъ предѣлъ. Съ этихъ поръ Русь Великая крѣпнетъ и вскорѣ возобновляетъ обратное движеніе на западъ, съ цѣлью возвращенія западно-русскихъ земель.

„Вѣчный миръ“ продолжался только 20 лѣтъ. Русь Малая не могла примириться съ польскимъ игомъ и возстала противъ „ляховъ“, но сама освободиться отъ нихъ не могла. Въ 1654 году, на радѣ въ Переяславлѣ, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій спросилъ собравшихся старшину, казаковъ и весь народъ малороссійскій, кого хотятъ выбрать въ государи: „турецкаго ли султана, или крымскаго хана, или польскаго короля, или православнаго Великой Россіи Государя?..“ Всѣ завопили: „*Волимъ подъ царя Восточнаго православнаго*!“

Такъ отдалась царю *Алексѣю Михайловичу* (1645—1676) Русь Малая, а Русь Бѣлую и Черную съ частью Литвы завоевалъ онъ самъ, начавъ тогда же войну за объединеніе Руси. Войска царскія и малороссійскія дошли до линіи Ковна-Гродна-Люблинъ-Львовъ. Между тѣмъ и шведскій король Карлъ X Густавъ объявилъ Польшѣ войну и овладѣлъ почти всѣми остальными ея областями. Возникъ *проектъ раздѣла Польши*. Если онъ не былъ осуществленъ тогда же, то этимъ поляки обязаны Россіи, которая позволила имъ сосредоточить ихъ силы противъ шведовъ. Затѣмъ, заключивъ миръ

съ Швеціею, поляки обратились противъ Россіи. Война затянулась до 1667 года, когда было заключено Андрусовское перемиріе и только въ 1686 году поляки добились заключенія новаго „вѣчнаго мира", по которому за Россіею остались земли по лѣвому берегу Днѣпра съ Кіевомъ и Смоленскомъ.

Столь незначительные результаты всѣхъ усилій Руси Московской въ этомъ направленіи были слѣдствіемъ уклоненія отъ программы Іоанна III, которое объясняется слабостью Россіи въ военномъ отношеніи, а также слабостью оцѣнки нашими дипломатами XVII вѣка тогдашней политической обстановки, нежеланіемъ или неумѣньемъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для сведенія счетовъ съ Польшей и т. п.

При *Петрѣ Великомъ* (1689—1725) Россія стала налегать уже на всю Польшу и ставить ее отъ себя въ зависимость. Первоначально царь предполагалъ пользоваться силами Польши и короля Августа II въ борьбѣ противъ Швеціи. Увидѣвъ за тѣмъ, что отъ нихъ нельзя ожидать такой помощи, какая была ему нужна, онъ сталъ смотрѣть на Польшу, какъ на источникъ средствъ для продовольствованія своихъ войскъ, которыя проходили черезъ нее или останавливались на ея территоріи. Это вызывало среди поляковъ неудовольствіе. Нужно было поддерживать возможно лучшія отношенія съ Польшею и не допускать ее до союза, ни съ европейскими державами, ни съ Турціею. Нельзя было также допускать и превращенія ея въ наслѣдственное государство. Польша должна была оставаться слабою до тѣхъ поръ, пока не настанетъ выгодная политическая обстановка, при которой можно будетъ покончить съ нею. Но этого не случилось до самой смерти Петра I.

При такихъ условіяхъ царь старался сохранить за собою возможно большее вліяніе на Польшу, а въ ней сохранить ея безпорядочное государственное устройство, при которомъ она не могла быть опаснымъ сосѣдомъ. Поэтому онъ явился посредникомъ между Августомъ II и возставшею противъ него Тарногродскою „конфедераціею“ и пріобрѣлъ значеніе какъ бы покровителя Польши.

Въ то же время царь считалъ, что Россія не можетъ отказываться отъ покровительства „дизунитамъ“, т. е. православнымъ русскимъ подданнымъ Рѣчи Посполитой и неоднократно за нихъ вступался. Но это заступничество не могло быть достаточно сильнымъ; а потому поляки, уразумѣвъ, что Россія имъ ничѣмъ серьезнымъ не угрожала, именно въ это время стали особенно усиленно и съ замѣтнымъ успѣхомъ проводить полонизацію и латинизацію западной Руси.

При ближайшихъ преемникахъ Петра I, въ общемъ, продолжалась та же политика, не взирая на то, что обстановка измѣнялась въ пользу Россіи. Не обходились при этомъ безъ колебаній; не всегда ясно понималась цѣль, къ которой нужно было стремиться; это влекло за собою недостатокъ энергіи въ однихъ случаяхъ, излишекъ ея въ другихъ и разныя погрѣшности въ тѣхъ и другихъ, а что всего хуже, упускались благопріятные моменты къ тому, чтобы заставить Польшу возвратить Россіи если не всѣ, то возможно большую часть западно-русскихъ земель.

Пожалуй, это и было возможно, когда Фридрихъ Великій, король прусскій, поколебалъ политическую систему Европы, которая почти вся принимала участіе въ вызванныхъ имъ войнахъ за австрійское наслѣдство (1741—1748) и семилѣтней (1756—1763). Можно было

войти въ соглашеніе съ одною изъ враждовавшихъ сторонъ и обусловить свою помощь вознагражденіемъ на счетъ Польши и т. п. Турція въ то время не была уже такъ сильна и опасна, какъ при Петрѣ I. Въ 1761—62 г.г. Фридрихъ II для того, чтобы выйти изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находился, готовъ былъ совсѣмъ уступить Россіи занятую ею Восточную Пруссію, лишь бы только ему было дано вознагражденіе „съ другой стороны“. Можно было удержать за собою Восточную Пруссію, или же обмѣнять ее съ Польшею на ту или другую часть западной Руси. Но наши дипломаты, какъ иностранцы, такъ и русскіе, воспитавшіеся подъ западно-европейскимъ вліяніемъ, были мало знакомы съ исторіею Россіи, не дошли еще до уразумѣнія сущности программы Іоанна III, а съ программою Петра I хотя и были знакомы, но поступали по ея буквѣ, а не по духу, въ ней заключавшемуся. Поэтому и были пропущены моменты удобные для рѣшенія польскаго вопроса въ пользу Россіи до 1761 года, а затѣмъ Императоръ Петръ III не призналъ возможнымъ воспользоваться критическимъ положеніемъ Фридриха II, возвратилъ ему наши завоеванія, заключилъ съ нимъ миръ и вступилъ въ переговоры о заключеніи союза. Такъ какъ Россія не пользовалась затруднительнымъ положеніемъ Пруссіи, то избѣжать ея участія въ рѣшеніи польскаго вопроса было невозможно. При такихъ условіяхъ соглашеніе съ нею было наименьшимъ изъ золъ, между которыми приходилось выбирать, такъ какъ и при этой комбинаціи Россія могла еще вознаградить себя за жертвы въ пользу Пруссіи на счетъ Польши.

Таково было положеніе дѣлъ въ 1762 году, когда на престолъ всероссійскій вступила Императрица Екатерина II, придавшая политикѣ Россіи вполнѣ опредѣленное направленіе.

IV. Программа Императрицы Екатерины II.

Программа Императрицы Екатерины II намѣчала рядъ цѣлей, изъ которыхъ главное значеніе принадлежало улучшенію положенія Россіи по отношенію къ Турціи и Польшѣ. Но въ началѣ царствованія нуженъ былъ миръ въ виду неупроченности положенія и необходимости заняться внутренними дѣлами, что и замедляло исполненіе указанныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе приходилось считаться съ тѣмъ, что въ Польшѣ ожидалась вскорѣ смерть Августа III, которую въ Петербургѣ признавали „терминомъ польскихъ дѣлъ“, т. е. такимъ моментомъ, къ наступленію котораго слѣдовало приготовиться.

Императрица тщательно изучала польскій вопросъ, но не могла не обращаться къ помощи совѣтниковъ. Въ ряду ихъ первое мѣсто (по отношенію къ внѣшнимъ дѣламъ) занималъ въ то время *Н. И. Панинъ*, стоявшій во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и выдѣлявшійся изъ массы современниковъ умомъ и способностями. Однако любимою его мыслью было образованіе „сѣвернаго союза“, какъ противовѣса союзу Бурбонскихъ домовъ. Въ эту „политическую систему“ включалась и Польша, въ которой Панинъ полагалъ возможнымъ удерживать прежній порядокъ вещей, а самую Польшу держать подъ нашимъ вліяніемъ.

Россія какъ бы возвращалась къ программѣ Петра I. Однако это не помѣшало Панину пойти по слѣдамъ та-

кихъ елисаветинскихъ дипломатовъ, какъ Кейзерлингъ и Гроссъ, которые старались расположить русское правительство въ пользу „фамиліи“, могущественной партіи князей Чарторыйскихъ, т. е. тѣхъ именно поляковъ, которые стремились къ проведенію внутреннихъ реформъ, къ введенію сильнаго правительства и вообще къ возрожденію Польши. Теперь и Панинъ, и Чарторыйскіе старались эксплуатировать другъ друга, но Чарторыйскимъ удалось убѣдить Панина въ цѣлесообразности допущенія нѣкотораго упорядоченія Рѣчи Посполитой, что вовсе не вязалось съ программою Петра I.

Въ Петербургѣ въ преемники Августа III намѣчался кто-нибудь изъ „фамиліи“. Императрина отдала предпочтеніе Станиславу *Понятовскому* потому, что „изъ всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе шансовъ и слѣдовательно наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи“.

Августъ III скончался осенью 1763 года. Представителямъ Россіи въ Варшавѣ, прежнему, графу Кейзерлингу и новому, князю *Репнину* было поручено: добиться признанія не признаннаго еще Польшею императорскаго титула русскихъ государей, сдѣлать сильнѣйшія представленія въ пользу православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, заставить возвратить захваченныя поляками части русской территоріи и т. п. и вообще упорядочить отношенія къ Польшѣ, которая „*преступала всѣ предѣлы благопристойности*“.

Петербургскій кабинетъ предполагалъ достичь желательнаго упорядоченія отношеній исправленіемъ границъ и, въ то же время, ставилъ на очередь *диссидентскій* вопросъ, т. е. намѣревался заставить Польшу

возвратить равноправность православнымъ и вообще христіанамъ не-католикамъ.

Вступивъ на этотъ путь, русское правительство рѣшило не вмѣшиваться болѣе въ войну Пруссіи съ Австріею. Это дало Фридриху Великому возможность вынудить Австрію къ окончанію семилѣтней войны, упрочить положеніе Пруссіи, какъ великой державы, и съ своей стороны обратиться противъ Польши, т. е. лишить Россію возможности рѣшить польскій вопросъ безъ его участія.

Фридрихъ отлично зналъ поляковъ и предвидѣлъ отказъ съ ихъ стороны въ дѣлѣ возвращенія диссидентамъ отнятыхъ у нихъ правъ. Ему было выгодно, чтобы Россія была вынуждена вести войну съ поляками, такъ какъ это могло доставить ему польскую Пруссію. Поэтому онъ пошелъ на встрѣчу Россіи и заключилъ съ нею союзъ, въ которомъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ возстановленіе правъ диссидентовъ и поддержаніе въ Польшѣ прежней формы правленія.

Фридрихъ II стремился къ раздѣлу Польши; Панинъ же былъ противъ этого раздѣла. Императрица сначала предоставляла Панину полную самостоятельность въ выборѣ средствъ для достиженія поставленной ему цѣли и лишь съ теченіемъ времени вводила необходимыя поправки по мѣрѣ того, какъ обстоятельства выясняли несостоятельность „политической системы“ Панина.

V. 1-я польская (конфедератская) война 1768 — 1772 г.г. Участіе въ ней Суворова.

Намѣченная программа приводилась въ исполненіе съ замѣчательною энергіею.

Въ 1764 году было введено въ Польшу 25—26,000 русскихъ войскъ, а для поддержки ихъ держалось наготовѣ еще до 18,000 чел. Польскія войска не превышали 10—11,000 чел. Противники Чарторыйскихъ могли располагать лишь частью „арміи“, а съ войсками магнатовъ своей партіи 12—15,000 чел. Боевая ихъ подготовка не могла быть и сравниваема съ боевою подготовкою русскихъ войскъ.

При такихъ условіяхъ, наши войска быстро разбили и разогнали противниковъ Чарторыйскихъ и, благодаря ихъ воздѣйствію, былъ посаженъ на польскій престолъ Понятовскій подъ именемъ *Станислава-Августа* (1764—1795). Въ то же время, однако, Чарторыйскіе, подъ покровительствомъ русскихъ штыковъ, провели важныя реформы: поколебленъ былъ принципъ единогласія, установлена дѣйствительная правительственная власть въ видѣ финансовой и военной коммиссій и т. д.

Новый король желалъ дополнить и осуществить реформу, начатую Чарторыйскими. Россіи онъ подчинялся, такъ какъ былъ убѣжденъ, что только при ея помощи можно спасти Польшу отъ гибели. Но онъ не обладалъ необходимыми силою воли, иниціативою и устойчивостью.

Между тѣмъ Россія, поддерживаемая протестантскими державами, начала требовать возвращенія правъ диссидентамъ; поляки же считали исполненіе этого требованія гибельнымъ для своего отечества и отвѣтили отказомъ. При этомъ выяснилось, что не только Чарторыйскіе, но и король вовсе не были склонны къ дѣйствіямъ согласнымъ съ видами Россіи. Тогда было рѣшено образовать новую „русскую“ партію изъ противниковъ Чарторыйскихъ и подготовить новый сеймъ,

который долженъ былъ исполнить требованія петербургскаго кабинета.

Съ этою цѣлью были вновь введены въ Польшу русскія войска, которыя, раздѣлившись на отряды, заняли территорію Рѣчи Посполитой и, въ началѣ 1767 года, въ своихъ раіонахъ, дали возможность образоваться конфедераціямъ, какъ православно-протестантскимъ, такъ и католическимъ. Конфедераты-католики надѣялись, что Россія поможетъ имъ низложить короля и свести счеты съ Чарторыйскими, а Репнинъ надѣялся, что ему удастся направить всю эту массу согласно съ велѣніями изъ Петербурга. Ошиблись обѣ стороны.

Всѣ эти конфедераціи соединились и въ Варшавѣ предъ королемъ предсталъ „сконфедерованный шляхетскій народъ“, добивавшійся „возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ“, и т. п. Король приступилъ къ конфедераціи на „чрезвычайномъ сеймѣ“ 5-го октября. Но и этотъ сеймъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ Польшѣ религіознаго фанатизма, не соглашался возвратить права диссидентамъ. Тогда князь Репнинъ, при помощи русскаго отряда, арестовалъ 4-хъ наиболѣе ярыхъ враговъ диссидентовъ, епископовъ *Солтыка* и *Залускаго*, воеводу Вацлава *Ржевускаго* и сына его, сеймоваго посла Северина *Ржевускаго* и отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ Калугу. Оппозиція присмирѣла. Польское представительство было вынуждено признать права диссидентовъ, которыя по особому договору были гарантированы Россіею, равно какъ и все устройство Рѣчи Посполитой, т. е. Польша какъ бы признала надъ собою протекторатъ Россіи.

То, чего требовала Россія, могло принести Польшѣ лишь пользу. Но поляковъ возмущалъ тотъ фактъ, что

дѣйствительнымъ правителемъ Польши оказывался русскій посолъ. Вскорѣ почти вся шляхетская Польша была охвачена негодованіемъ. Снова начали составляться конфедераціи, но уже прямо враждебныя Россіи. Всѣ онѣ стали подъ знамя образовавшейся въ Подоліи конфедераціи *Барской* и начали военныя дѣйствія противъ русскихъ войскъ. Во главѣ конфедератовъ стало революціонное правительство, которому Австрія разрѣшила находиться въ Эперіешѣ. Въ это же время вспыхнуло въ Украйнѣ и Подоліи возстаніе малорусскаго народа противъ поляковъ, которое еще болѣе усложнило „польскія дѣла“. Враги Россіи усилили свои интриги въ Константинополѣ и въ 1769 году Турція заключила союзъ съ конфедератами и объявила Россіи войну.

Такимъ образомъ съ 1-ю польскою совпала *1-я турецкая война* Императрицы Екатерины II. При этомъ главная масса нашихъ силъ дѣйствовала противъ турокъ, а въ Польшу приходилось направить возможно меньше войскъ.

При первоначальномъ развертываніи противъ турокъ назначали въ I и II арміи и особый резервъ, всего до 137,000, а въ Польшу особый „польско-литовскій корпусъ“, до 17,500 чел. Командиру этого корпуса генералъ-поручику *Веймарну* было предписано находиться въ распоряженіи посла князя Репнина. Репнинъ рѣшилъ, что дѣйствія корпуса Веймарна должны сообразоваться съ операціями I арміи противъ турокъ. Ближайшею цѣлью было постановлено: не допустить конфедератовъ къ нападенію на *флангъ* и *тылъ* I арміи; сверхъ того нужно было стараться подавить возможно скорѣе конфедерацію. Затѣмъ Репнинъ съ

Веймарномъ рѣшили: а) собрать главную массу войскъ въ Польшѣ, оставляя возможно меньше въ Литвѣ, а связь между ними поддерживать черезъ Гродну; б) главныя силы имѣть въ Варшавѣ, а остальными занять важнѣйшіе пункты такъ, чтобы можно было быстро сосредоточить всѣ силы или къ юго-востоку, для поддержки I арміи, или къ Варшавѣ (въ случаѣ если бы конфедераты старались захватить столицу и короля, котораго они намѣревались низложить).

Дальнѣйшія распоряженія Веймарна, въ развитіе указаннаго плана, сводились: а) къ раздѣленію Польши на участки съ назначеніемъ на каждый изъ нихъ войскъ сообразно съ его значеніемъ; б) къ сохраненію на каждомъ участкѣ возможно сильнѣйшаго *участковаго резерва*, который долженъ былъ дѣйствовать противъ польскихъ партизановъ ихъ же способомъ, подвижными колоннами и нечаянными нападеніями и в) къ сохраненію въ рукахъ командира корпуса *общаго резерва*, спеціально организованнаго для соотвѣтствующихъ дѣйствій на всемъ пространствѣ Польши.

Раздѣленіе театра военныхъ дѣйствій на участки установилось окончательно въ 1770 году. Особенно важное значеніе имѣлъ *Люблинскій* участокъ, являвшійся какъ бы центромъ, изъ котораго слѣдовало быть готовымъ: а) къ постоянному наблюденію за формировавшимися въ Австріи польскими партизанскими отрядами, которые могли броситься къ Варшавѣ, или въ тылъ I арміи и б) къ воспрепятствованію и литовскимъ партизанамъ дѣйствовать въ соотвѣтствующихъ направленіяхъ.

Исполненіе плана Репнина и распоряженій Веймарна обезпечивало флангъ и тылъ I арміи до тѣхъ поръ, пока

она не продвинулась впередъ въ Молдавію, а тогда главнокомандующій I арміею графъ *Румянцевъ* занялъ линію р. Днѣстра отрядомъ генерала *Гльбова* и Подолію, Волынь и Червонную Русь „тыловымъ польскимъ корпусомъ“ генерала *Эссена* (всего до 13,000 чел.). Эссенъ Веймарну не подчинялся, но поддерживалъ съ нимъ связь и дѣйствовалъ въ духѣ тѣхъ же основныхъ идей, которыя были отмѣчены въ планѣ Репнина и въ распоряженіяхъ Веймарна.

Въ 1769 году бригадиръ *Суворовъ* командовалъ пѣхотою въ отрядѣ генералъ-поручика *Нуммерса* (6—7000 чел.), назначенномъ для обороны Литвы. Къ концу іюня отрядъ этотъ сосредоточился у Орши. 8-го іюля Суворовъ съ авангардомъ (1500 чел.) пошелъ къ Минску и занялъ его 29-го. Затѣмъ Нуммерсъ спѣшно направляетъ его къ Варшавѣ. Суворовъ выступилъ 30-го и пошелъ не по маршруту, но черезъ Столбцы и Брестъ, чѣмъ выяснилъ важное значеніе Бреста и путей изъ Литвы на Волынь и открылъ направленіе важное въ развитіи партизанскихъ дѣйствій, упущенное изъ вида Веймарномъ. 22-го августа Суворовъ прибылъ въ Прагу, пройдя болѣе 550 верстъ въ 24—25 переходовъ (22—23 версты въ сутки по дурнымъ дорогамъ). До конца августа, исполняя приказанія Веймарна, онъ сдѣлалъ рядъ поисковъ; 29-го августа онъ снова появился въ Брестѣ, для возстановленія связи съ Нуммерсомъ, 2-го сентября разбилъ конфедератовъ у *Орѣхова*, а 18-го сентября занялъ Люблинскій участокъ. Здѣсь въ 1770 году онъ располагалъ 7 ротами, егерскою командою, $9^1/_2$ эскадронами и сотнями и 8 орудіями (2200—2500 чел.).

Онъ организовалъ оборону своего участка подобно тому, какъ „паукъ растягиваетъ паутину“. Избравъ своею „капиталью“ (базою) Люблинъ, Суворовъ воспользовался естественными преградами участка для прикрѣпленія къ нимъ „охранительныхъ нитей“, проведенныхъ изъ Люблина, а также для обезпеченія переправъ, имѣя въ виду дѣйствовать активно посредствомъ набѣговъ. Охранительные посты были выдвинуты къ Сандомиру, Пулавамъ, Козеницамъ, Коцку, Красноставу, Фрамполю и Краснику (на 50—80 верстъ впередъ), а наблюдательные въ направленіяхъ къ Бресту. Пинску и Сокалу (еще на 50—80 верстъ впередъ). Постоянное наблюденіе производилось лишь въ важнѣйшихъ направленіяхъ: для связи съ Нуммерсомъ и съ Эссеномъ. Въ резервѣ оставалось не болѣе 1000 чел. Увеличить нарядъ было невозможно, но это вознаграждалось боевою готовностью отряда и укрѣпленіями постовъ. Главною задачею постовъ было производство развѣдокъ. Суворовъ далъ слѣдующее указаніе: „шпіоны дороговаты, командиры постовъ должны сами больше видѣть безъ зрительной трубки“. Отъ младшихъ начальниковъ (хотя бы даже подпоручиковъ) требовалась иниціатива. Суворовъ поощрялъ предпріимчивость и разрѣшалъ атаковать даже въ 5 разъ большія силы, но „съ разумомъ, искусствомъ и подъ отвѣтомъ“. Самъ онъ дѣйствовалъ образцово съ своимъ участковымъ резервомъ и вообще исполнилъ свою задачу блистательно.

Между тѣмъ враги Россіи старались оживить дѣло конфедераціи. Франція отправила къ полякамъ опытнаго въ партизанской войнѣ *Дюмурье* и дала ему средства для устройства арміи конфедератовъ. Дюмурье организовалъ ихъ отряды за Карпатами, воспользовав-

шись кадрами изъ Франціи, Германіи, Австріи и изъ польскихъ войскъ, и разсчитывалъ на наборъ 25,000 чел. въ ближайшихъ къ австрійской границѣ воеводствахъ, надѣясь довести силы конфедератовъ до 60,000 чел. Онъ намѣревался, опираясь на Ланцкрону, взять Краковъ и обратить его въ укрѣпленный лагерь, а затѣмъ занять прочно Ченстоховъ, Сандомиръ и Замостье. Партизанскіе отряды *Зарембы, Пулавскаго* и *Савы* (до 15,000) должны были развлечь вниманіе русскихъ: Заремба и Сава, привлекая ихъ къ Варшавѣ, а Пулавскій, бросившись на сообщенія съ I арміею; самъ же Дюмурье, съ главными силами (25—30,000), предполагалъ дѣйствовать по обстоятельствамъ; сверхъ того гетманъ *Огинскій* съ литовскими партизанами (до 16,000) долженъ былъ направиться къ Варшавѣ, или же произвести вторженіе въ Россію.

Планъ этотъ не былъ дуренъ, но Дюмурье не зналъ поляковъ и свойствъ ихъ войскъ: неспособности дисциплинироваться, раздоровъ между начальниками, которые не хотѣли никому подчиняться, и т. п., а что всего важнѣе, конфедераты встрѣтили неодолимаго противника въ немногочисленныхъ, но крѣпкихъ духомъ русскихъ войскахъ, предводимыхъ многими смѣлыми и рѣшительными, а нерѣдко и талантливыми начальниками, въ ряду которыхъ первое мѣсто занималъ *А. В. Суворовъ*.

При такихъ условіяхъ конфедератамъ трудно было разсчитывать на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, употребивъ 1770 годъ на подготовку, они начали рѣшительныя дѣйствія въ 1771 году, къ чему ободрила ихъ неудача *Древица*, начальника резерва польско-литовскаго корпуса, въ его попыткѣ овладѣть Ченстоховомъ. Они

наводнили окрестности Кракова и начали показываться даже около Львова.

Суворовъ, понимая важное значеніе Кракова, въ февралѣ произвелъ *первый набѣгъ* въ этомъ направленіи (къ Ланцкронѣ), но въ это время Заремба, Пулавскій и Сава начали угрожать его сообщеніямъ. Тогда Суворовъ быстро возвратился на свой участокъ черезъ Красникъ, опрокинулъ части отрядовъ Пулавскаго и другихъ вождей, освободилъ западный фронтъ участка, а затѣмъ разбилъ Саву и другихъ предводителей и возстановилъ порядокъ по верхнему теченію Зап. Буга.

Конфедераты, воспользовавшись удаленіемъ Суворова, 18-го апрѣля взяли городъ Краковъ. Дюмурье приступилъ къ образованію опорныхъ пунктовъ: Ланцкроны, Освѣцима, Тынца, Вадовицъ, Боброва и Кременецкой горы; Пулавскій же началъ укрѣплять Бохню и Величку.

Веймарнъ сильно встревожился успѣхами Дюмурье, направилъ противъ него Древица и пытался издали руководить и дѣйствіями Суворова. Но Суворовъ, принимая къ руководству лишь основную идею Веймарна, отстранялъ вмѣшательство его въ сферу собственно своей дѣятельности, что повело къ недоразумѣніямъ между ними. Тѣмъ не менѣе Суворовъ снова пошелъ къ Кракову (по лѣвому берегу Вислы), на пути принялъ Древица въ свои твердыя руки, сосредоточилъ 3,000 чел. и, убѣдившись въ трудности овладѣнія Тынцемъ, пошелъ къ *Ланцкронъ*, гдѣ 10-го мая разбилъ ядро зарождавшихся главныхъ силъ Дюмурье (до 4,000 чел.). Дѣло было выиграно въ полчаса „благодаря хитрыхъ маневровъ французскою запутанностью и потому что польскія войска не разумѣли своего предводителя“.

Послѣ этой побѣды Суворовъ былъ снова отвлеченъ отъ Кракова искусными дѣйствіями Пулавскаго на его сообщенія, но нагналъ его и разбилъ 22-го мая подъ Замостьемъ. Затѣмъ Пулавскій попалъ въ „охранительныя сѣти“ Люблинскаго участка, тщетно пытался пробраться въ Литву и долженъ былъ вернуться въ Малую Польшу.

Послѣ разгрома Пулавскаго центръ тяжести операцій перемѣстился въ Литву, гдѣ Огинскій собралъ до 4000 чел.; къ нему стремились теперь съ разныхъ сторонъ конфедератскія партіи. Въ концѣ августа онъ снялъ маску, 30-го разбилъ у Рудки колонну *Албычева* и пошелъ къ Несвижу. Тогда Веймарнъ составилъ планъ, по которому Суворовъ (съ 2500 чел.) долженъ былъ прикрывать сосредоточенными силами Люблинъ, а Древицу (съ 3000 чел.) предоставлялась главная роль. Но Суворовъ, узнавъ о положеніи Албычева, тотчасъ же рѣшилъ поскорѣе разбить Огинскаго, для чего пошелъ къ Бялѣ, гдѣ 5-го сентября узналъ о планѣ Веймарна. Не отказываясь отъ своего намѣренія, онъ пошелъ къ Бресту и оттуда донесъ Веймарну: „о стремленіи Огинскаго къ Варшавѣ и къ сторонѣ Люблина не слышно. Я буду стараться, не пропуская его, гетмана, въ тѣ мѣста, съ помощью Божіею упреждая всѣ его намѣренія и покушенія уничтожить“. 12-го онъ былъ уже въ окрестностяхъ Несвижа, притянулъ на пути все что было возможно найти и, узнавъ, что Огинскій находился у Столовичей, сдѣлалъ демонстрацію къ Несвижу, а самъ, ночью $\frac{12\text{-го}}{13\text{-го}}$ сентября свернулъ на *Столовичи*. Здѣсь, не имѣя и 1000 чел., онъ на разсвѣтѣ атаковалъ Огинскаго и, послѣ упорнаго боя, около 11 часовъ дня одержалъ полную побѣду. Огин-

скій бѣжалъ за границу, потерявъ 1000 чел., а остальныя его войска разсѣялись.

Такимъ образомъ Суворовъ однимъ ударомъ лишилъ конфедератовъ послѣдняго изъ ихъ боевыхъ устоевъ, а затѣмъ возвратился на свой участокъ. Веймарнъ былъ недоволенъ, но онъ былъ неправъ, такъ какъ Суворовъ дѣйствовалъ въ духѣ требованій обстановки.

Между тѣмъ отряды изъ „тыловаго польскаго корпуса", соединившись съ польскою конницею *Браницкаго*, выгнали конфедератовъ изъ всей почти юго-западной части Польши (кромѣ укрѣпленныхъ пунктовъ). Въ этомъ же году на мѣсто Дюмурье былъ присланъ генералъ *Віоменилъ*, который хотя и нашелъ конфедератовъ крайне разстроенными, недисциплинированными, дурно вооруженными и т. п., все же старался возстановить въ ихъ войскахъ порядокъ и поднять ихъ духъ, чтобы возобновить наступленіе.

Въ ночь $\frac{21\text{-го}}{22\text{-го}}$ января 1772 года, конфедераты произвели нечаянное нападеніе и овладѣли краковскимъ замкомъ. Тотчасъ же сюда устремились съ разныхъ сторонъ русскіе отряды и польская конница Браницкаго (всего 3—4,000 чел.); 24-го прибылъ самъ Суворовъ и началось обложеніе замка. Штурмъ 18-го февраля выяснилъ невозможность скораго овладѣнія замкомъ безъ надлежащихъ осадныхъ средствъ. Суворовъ продолжалъ блокаду. Гарнизонъ (43 офицера и 739 нижнихъ чиновъ), начавъ голодать, 15-го апрѣля сдался на капитуляцію. Этимъ былъ нанесенъ конфедератамъ окончательный ударъ. Вскорѣ они вовсе отказались отъ сопротивленія и смирились предъ Россіею.

Въ 1-ю польскую войну 1768—1772 г.г., прикрытіе сообщеній главной арміи, дѣйствовавшей противъ

турокъ, и веденіе операцій противъ конфедератовъ лежали на 25,000 нашихъ войскъ, корпусовъ польско-литовскаго и тыловаго, но наибольшая часть этого бремени легла на корпусъ Веймарна (позже генералъ-поручика Бибикова), уменьшившійся до 13—14,000 чел.; въ этомъ же корпусѣ на первое мѣсто выдвинулся генералъ-маіоръ Суворовъ, заслонившій собою всѣхъ, даже своего начальника. Въ эту войну онъ далъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ образцовъ въ области военного искусства, каковыми являются: организація обороны участка противъ партизанскихъ набѣговъ, дѣйствія участковаго резерва, веденіе боя противъ такого противника, какъ конфедераты, и т. д.

Успѣхами въ 1-ю польскую войну Россія болѣе всѣхъ обязана *Суворову*, который нанесъ конфедератамъ смертельные удары, расшаталъ самые надежные ихъ устои (Ланцкрона, Столовичи, Краковъ) и болѣе всѣхъ способствовалъ прекращенію ими военныхъ дѣйствій, не говоря уже объ обезпеченіи арміи, дѣйствовавшей на главномъ театрѣ противъ турокъ.

Армія эта, съ своей стороны, одержала блестящіе успѣхи (Ларга, Кагулъ и т. д.), но, тѣмъ не менѣе, турки не соглашались дать Россіи соотвѣтствующее вознагражденіе, а Австрія боялась усиленія Россіи и помышляла о занятіи Молдавіи и Валахіи. Это благопріятствовало достиженію вышеуказаной цѣли, которую поставилъ себѣ Фридрихъ Великій. Теперь онъ предложилъ Императрицѣ „проявить умѣренность“ по отношенію къ Турціи и получить вознагражденіе на счетъ Польши, но за то допустить и отторженіе отъ нея въ пользу Пруссіи и Австріи ближайшихъ къ ихъ

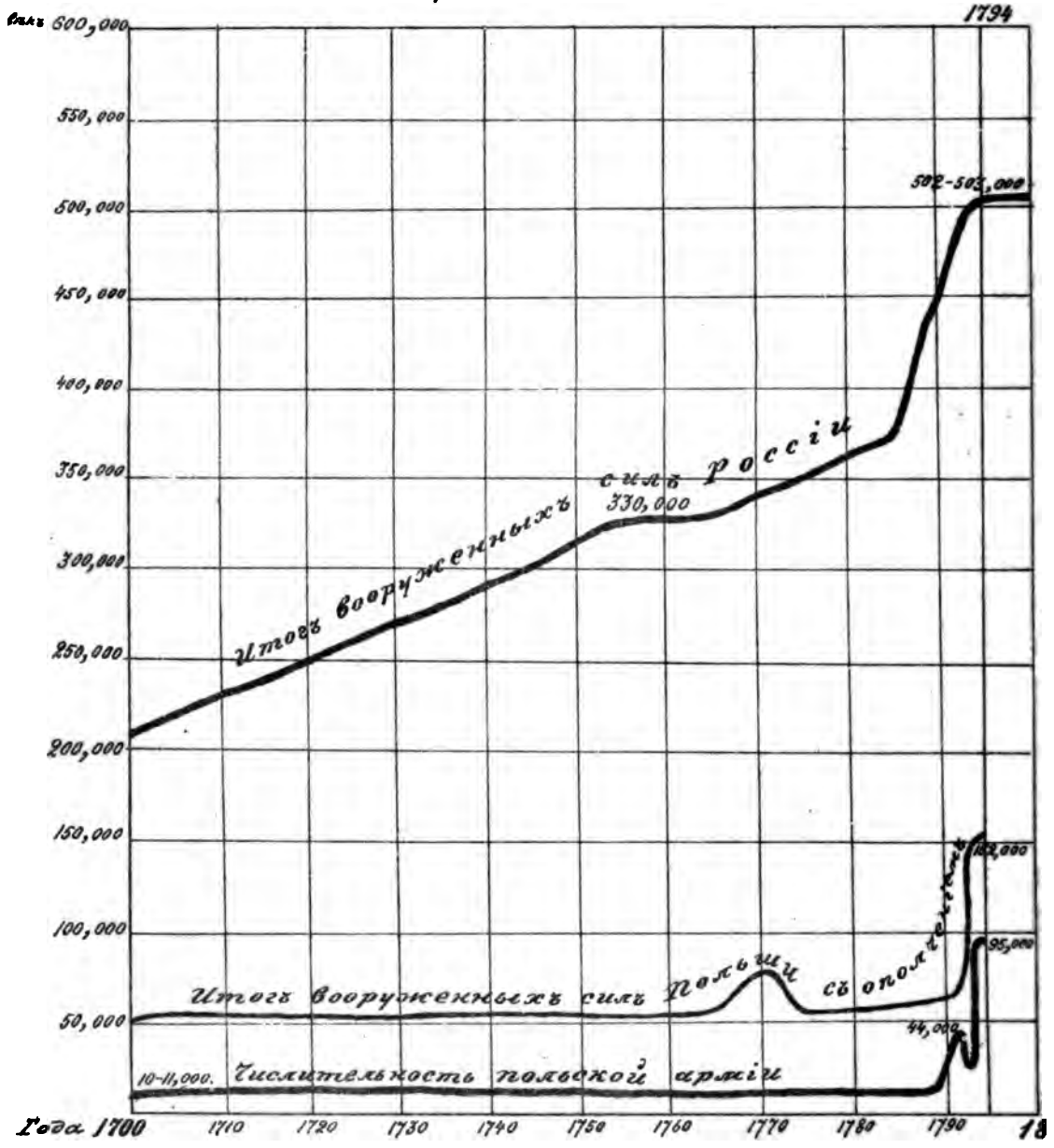
ту
ле
ли
ме
ру
вѣ
не
да
лѣ
нс
рс
ст
пр

вс
сь
ус
сп
не
на

ус
ту
вс
по
пр
ру
пр
от
сч
но

Ростъ вооруженныхъ силъ и населенія Рос

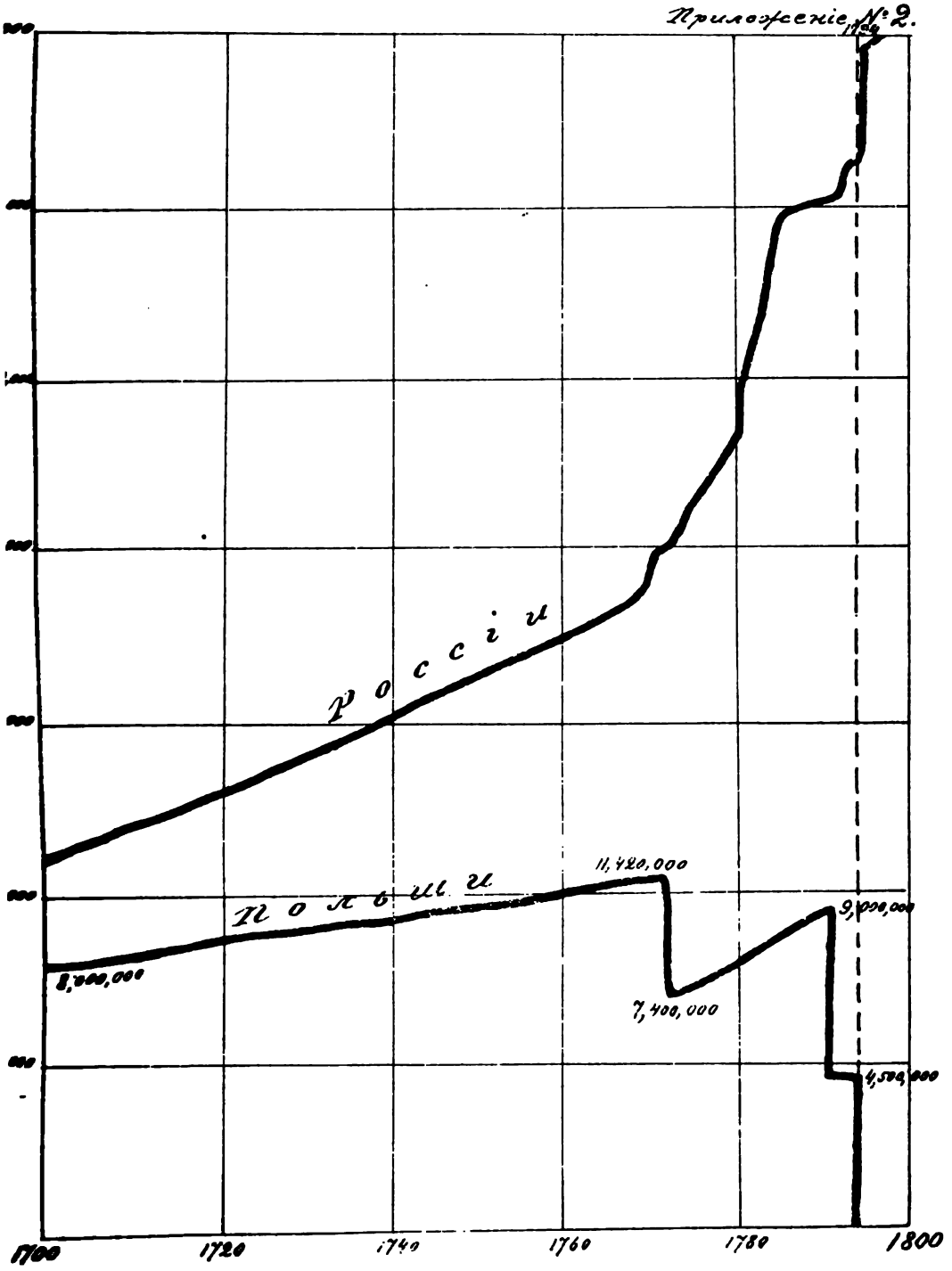
Вооруженныя силы



льши въ XVIII столѣтіи.

Населеніе

Приложеніе № 2.



границамъ польскихъ земель. Императрица, убѣдившись отчасти въ неудовлетворительности „политической системы“ Панина, сочла себя вынужденною согласиться съ предложеніями Фридриха. Это и привело къ соглашенію Россіи и Пруссіи съ Австріею и къ *первому раздѣлу Польши*, по которому Австрія получила нынѣшнюю Галицію, Пруссія — западную Пруссію безъ Торуня и Гданска, а Россія—Бѣлоруссію безъ нынѣшней Минской губерніи.

Эти результаты 1-й польской войны, конечно, не соотвѣтствовали потраченнымъ Россіею крови и средствамъ, но важенъ былъ первый шагъ въ смыслѣ приближенія Россіи къ программѣ Іоанна III.

Польское представительство утвердило, въ 1773 году, раздѣльный договоръ и выработало проектъ необходимыхъ улучшеній въ государственномъ устройствѣ Рѣчи Посполитой. По принятіи его сеймомъ онъ былъ гарантированъ Россіею. Русскія войска были вновь выведены изъ Польши, которою Россія руководила лишь въ области политики, не вмѣшиваясь въ ея внутреннія дѣла. Благодаря такому отношенію Россіи Польша начала поправляться. Періодъ мира послѣ перваго раздѣла былъ однимъ изъ лучшихъ въ исторіи Польши. И кто же далъ ей возможность достичь этихъ (прежде немыслимыхъ) успѣховъ, какъ не Россія? А между тѣмъ ненависть поляковъ къ Россіи не ослабѣвала и даже усиливалась. Это объясняется главнымъ образомъ желаніемъ поляковъ возстановить свою независимость, а отчасти и интригами враговъ Россіи. То и другое привело къ новой войнѣ.

VI. 2-я польская война Императрицы Екатерины II 1792 г.

Послѣ первой турецкой войны, окончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ 1774 года и приведшей, между прочимъ, къ освобожденію татаръ изъ подъ власти Турціи, первое мѣсто въ ряду совѣтниковъ Императрицы занялъ *Г. А. Потемкинъ*, который вовлекъ Россію въ политику, вытекавшую изъ извѣстнаго „греческаго проекта“. Проэктъ этотъ сводился къ изгнанію турокъ изъ Европы, къ возстановленію греческой имперіи и т. п. Хотя эта политика и доставила Россіи Крымъ и земли по Кубани, но за то привела къ *2-й турецкой войнѣ* 1787—1791 г.г., а между тѣмъ, въ 1788 году, и Швеція объявила Россіи войну.

Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Россіи, польскіе патріоты пріобрѣли большинство на „4-лѣтнемъ сеймѣ“, увлекли за собою и короля и 3-го мая 1791 года произвели государственный переворотъ, при чемъ ввели новую „конституцію“, по которой право срывать сеймы, единогласіе, конфедераціи и т. п. отмѣнялись, королевская власть усиливалась и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Польша уничтожила свою зависимость отъ Россіи, рѣшила довести армію до 100,000 чел. и заключила союзъ съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. Мало того, польское правительство потребовало удаленія изъ юго-восточныхъ областей Польши русскихъ войскъ и магазиновъ. Императрица исполнила это требованіе и сохраняла пока миръ съ Польшею, но повелѣла Потемкину окончить войну съ турками возможно скорѣе.

Изъ этого труднаго положенія Россія вышла главнымъ образомъ благодаря храбрости русскаго солдата,

доблести русскаго офицера и генію Суворова, котораго цѣлый рядъ подвиговъ въ эту войну, завершенный чуть ли не сказочнымъ штурмомъ Измаила, покрылъ колоссальною славою. 2-я турецкая война окончилась въ декабрѣ 1791 года Ясскимъ миромъ, по которому Россія пріобрѣла только Очаковъ и степи между Бугомъ и Днѣстромъ, но за то получила возможность свести счеты съ Польшею.

Императрица приняла подъ свое покровительство *Тарговицкую конфедерацію*, образованную поляками, недовольными введеніемъ конституціи 3-го мая. *2-я польская война* началась въ маѣ 1792 года. Наши арміи, Украинская, генерала *Каховскаго* (64,000) и Литовская, генерала *Кречетникова* (32,000), всего до 100,000 чел., вступили въ Польшу, разбили польскіе корпуса князя Іосифа *Понятовскаго* и принца *Виртембергскаго* (до 40,000 чел.) и оттѣснили ихъ за линію западнаго Буга. 13—24 іюня король приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи, которая уничтожила конституцію 3-го мая и возстановила прежній порядокъ вещей.

Польша снова смирилась предъ Россіею, съ которою вступила тотчасъ же въ соглашеніе Пруссія, бросившая свою союзницу на произволъ судьбы. Это привело ко *2-му раздѣлу Польши*, по которому Пруссія получила Гданскъ, Торунь и большую часть Великой Польши, а Россія нынѣшнюю Кіевскую, большую часть Минской, Волынской и Подольскую губернію. Второй раздѣлъ былъ утвержденъ въ „нѣмомъ засѣданіи“ Гродненскаго сейма 1793 года, который постановилъ также уменьшить числительность польской арміи до 15,449 чел. Для поддержанія этого порядка вещей было оставлено въ Польшѣ и Литвѣ 17—18,000 русскихъ войскъ,

подъ начальствомъ генерала *Игельстрома*, бывшаго и представителемъ Россіи въ Варшавѣ, т. е. фактическимъ распорядителемъ дѣлъ въ остававшейся еще Польшѣ.

Является вопросъ, почему главнокомандующимъ въ эту войну не былъ назначенъ Суворовъ? Конечно, наиболѣе замѣтною причиною этого была его ссора съ Потемкинымъ, который передъ смертью успѣлъ ему повредить; но затѣмъ у него было еще много другихъ враговъ, которые, общими силами, убѣдили, кого слѣдовало, въ томъ, что „польскія дѣла графа Суворова не требуютъ“. Мало того, самъ Суворовъ находился въ это время въ положеніи полуопальнаго, исполняя неважныя порученія въ родѣ „церемоніи съ 12 баталіонами“ въ Финляндіи, а затѣмъ въ Херсонѣ.

VII. 3-я польская война Императрицы Екатерины II 1794 г. Участіе въ ней Суворова.

Событія выяснили вскорѣ необходимость окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса. Поляки готовились къ возобновленію борьбы съ цѣлью возвращенія всего потеряннаго по раздѣламъ. Сигналъ къ возстанію 1794 года былъ данъ войсками, изъ коихъ нужно было распустить по домамъ не менѣе 20,000 чел., не считая другихъ 18—20,000 чел., которые остались въ Россіи и должны были быть включены въ составъ русскихъ войскъ или обезоружены. Войска, подлежавшія этой „редукціи“, не захотѣли подчиниться постановленію сейма и возстали, начиная съ бригады генерала *Мадалинскаго* (2—3,000 чел.). Мадалинскій изъ Остроленки перешелъ на лѣвый берегъ Вислы и пошелъ къ Кра-

кову; его преслѣдовалъ русскій отрядъ генерала *Денисова* (7,000 чел.), выславшій впередъ авангардъ *Тормасова* (до 2,000 чел.). Между тѣмъ въ Краковѣ также вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго сталъ генералъ *Костюшко*, облеченный диктаторскою властью и старавшійся привлечь къ возстанію народныя массы. Онъ поддержалъ Мадалинскаго и 24 марта—4 апрѣля разбилъ Тормасова при *Рацлавицахъ*. Этотъ успѣхъ имѣлъ огромное значеніе, поднявъ духъ поляковъ. Возстаніе начало быстро распространяться.

6—17 апрѣля въ Варшавѣ польскія войска и мѣщане произвели рѣзню, напавъ внезапно на русскихъ, которые, потерявъ 4.000 чел., отступили къ Карчеву и Закрочиму. Позже Игельстромъ собралъ до 7,000 чел. въ Ловичѣ. 12—24-го апрѣля возстаніе вспыхнуло въ Вильнѣ. Русскіе отряды въ Вильнѣ и Гроднѣ отступили къ границѣ. Возстаніе грозило перейти и за предѣлы Россіи.

Въ Петербургѣ узнали о Варшавской рѣзнѣ 20-го апрѣля. Высшій совѣтъ, направляемый графомъ Н. И. Салтыковымъ, рѣшилъ: а) главною цѣлью поставить обезпеченіе западной границы, близъ которой и сосредоточить войска; б) главное начальство на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ поляковъ поручить князю *Репнину*, которому находиться въ Ригѣ; в) главное начальство на югѣ поручить графу *Румянцеву*, которому оборонять юго-западный край противъ поляковъ и быть готовымъ на случай войны противъ турокъ.

Для дѣйствій противъ поляковъ назначались: а) 23 — 25,000 князя *Репнина*, сосредоточивавшихся на линіи Рига—Дрисса—Пинскъ; б) 19,000 генерала *Дерфельдена*, направлявшихся изъ юго-западнаго края къ

Владиміръ-Волынску; в) 12 — 13,000 *Игельстрома*, смѣненнаго позже генераломъ *Ферзеномъ*, на лѣвомъ берегу Вислы; г) 10,000 союзныхъ прусскихъ войскъ генерала *Фаврата*, находившихся близъ Петрокова; всего 64 — 67,000 чел. Позже прибыло еще 25,000 пруссаковъ.

Поляки, въ началѣ кампаніи, выставили: а) на верхней Вислѣ 24,000 *Костюшки*; б) между Вислою и Бугомъ 16,000 (по нѣкоторымъ источникамъ 20,000) генерала *Заіончека*; в) въ Варшавѣ 9—10,000 генерала *Мокроновскаго*; г) въ Вильнѣ 9,000; д) въ Гроднѣ 6—7,000; ж) въ Жмудской землѣ и у Ковны до 7,000; всего нѣсколько болѣе 70,000 чел. Затѣмъ, въ теченіе войны, организація вооруженныхъ силъ продолжалась; всего было выставлено до 95,000 регулярныхъ войскъ и до 57,000 городскихъ милицій и крестьянскаго ополченія.

Костюшко началъ тѣснить Денисова, который отошелъ къ *Щекоцинамъ* и соединился тамъ съ пруссаками. Къ этому корпусу, усилившемуся до 23,500 чел., прибылъ прусскій король. 26-го мая союзники разбили здѣсь Костюшку, располагавшаго 15,000—26,000 чел., а 28-го мая Дерфельденъ разбилъ Заіончека близъ Холма и пошелъ черезъ Люблинъ къ Вислѣ. Тогда Костюшко совершилъ смѣлый фланговый маршъ черезъ Радомъ и прибылъ къ Варшавѣ, гдѣ въ то время возмутилась чернь. Онъ возстановилъ въ столицѣ порядокъ, принялъ мѣры къ ея укрѣпленію, поручилъ оборону ея гарнизону и вооруженнымъ жителямъ (до 16,000), а остальныя войска (20,000) предназначилъ для активныхъ дѣйствій.

13-го іюля прусскій король съ 35,000 и Ферзенъ съ 12,000 обложили Варшаву съ лѣваго берега Вислы, но это обложеніе не привело къ желаемому результату, а между тѣмъ вспыхнуло возстаніе въ прусской Польшѣ. Это, въ связи съ дѣйствіями польскихъ партизановъ противъ тыла пруссаковъ, вынудило короля Фридриха-Вильгельма II снять, въ концѣ августа, осаду и отойти къ своимъ границамъ.

Въ это время Россія, Пруссія и Австрія рѣшили уже произвести окончательный раздѣлъ Польши. Австрійцы, не открывая военныхъ дѣйствій, заняли южныя воеводства. Ферзенъ, спустя нѣкоторое время, полагая, что кампанія этого года окончена, пошелъ по лѣвому берегу Вислы, чтобы переправиться въ верхнемъ ея теченіи, а затѣмъ уже слѣдовать на присоединеніе къ Репнину.

Репнинъ, которому было разрѣшено находиться въ Несвижѣ, въ началѣ августа пошелъ впередъ. Тогда литовскіе партизаны захватили Полангенъ, Либаву, Динабургъ и угрожали Пскову. Репнину пришлось обратить вниманіе назадъ. При такихъ условіяхъ, и Репнинъ считалъ, что кампанія окончена, а потому, притянувъ Дерфельдена, началъ помышлять о зимнихъ квартирахъ.

Въ общемъ, въ первый періодъ кампаніи, должно отмѣтить безсвязность дѣйствій и отсутствіе энергіи съ нашей стороны, какъ слѣдствіе предвзятаго отношенія къ дѣлу, приводившаго къ стремленію отвести наши войска изъ Польши къ границѣ, сосредоточиться, и послѣ того уже начать операціи, что способствовало распространенію возстанія и быстрому росту силъ поляковъ. „Война... ничего не значущая“ становилась

„прехитрою и предерзкою“, это понималъ уже и главный руководитель операцій, графъ Салтыковъ. Чувствовалась необходимость послать въ Польшу того, кто съумѣетъ быстро покончить съ поляками.

Между тѣмъ за ходомъ дѣлъ въ Польшѣ внимательно слѣдили: *Румянцевъ* и состоявшій подъ его начальствомъ *Суворовъ*, который имѣлъ главную квартиру въ Немировѣ и занимался обезоруженіемъ польскихъ войскъ, оставшихся въ юго-западномъ краѣ. Онъ окончилъ это обезоруженіе 1-го августа, а 7-го августа Румянцевъ предписалъ ему: „сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю и такъ скоро, какъ возможно... Ваше имя одно въ предварительное обѣщаніе о вашемъ походѣ подѣйствуетъ въ духѣ непріятеля и тамошнихъ обывателей, нежели многія тысячи“.

Это распоряженіе Румянцева совпало съ предположеніями центральной власти, которая только съузила задачу Суворова, ограничивъ ее занятіемъ Бреста и устройствомъ (тамъ же) магазиновъ. Однако Суворовъ не находилъ возможнымъ заниматься „магазейнъ-вахтерствомъ“ и считалъ необходимымъ „прибавить (себѣ) войска, идти къ Прагѣ, гдѣ отрѣзать субсистанцію изъ Литвы въ Варшаву“, т. е. внести въ операціи то, чего имъ недоставало: энергію, смѣлость, рѣшительность, наступленіе, стремленіе искать врага, бить его и неотступно преслѣдовать до полнаго уничтоженія, имѣя главнымъ предметомъ дѣйствій сердце возстанія, Варшаву.

Репнинъ былъ старше Суворова. Подчинившись ему и стоявшему за нимъ петербургскому „Совѣту“, пришлось бы стать на зимнія квартиры и готовиться къ

кампаніи слѣдующаго года, т. е. дать непріятелю возможность усилиться, а насъ затруднить. Поэтому Суворовъ признаетъ себя зависимымъ только отъ Румянцева.

Имѣя въ виду возможно скорѣе покончить съ возстаніемъ (на что, по его разсчету, требовалось 40 дней), онъ выступаетъ изъ Немирова 14-го августа съ 4,500 чел. и 10 орудіями (оставивъ въ Немировѣ, для обезпеченія тыла около 6,000 чел.), на пути усиливаетъ свой отрядъ до 10—11,000 чел. съ 16 орудіями и совершаетъ свой знаменитый походъ черезъ Варковичи и Ковель къ Бресту, куда и прибываетъ 8-го сентября, сдѣлавъ 600 верстъ въ 26 дней (т. е. двигаясь со скоростью 23 верстъ въ сутки) по дурнымъ дорогамъ и давъ при этомъ цѣлый рядъ образцовыхъ рѣшеній различныхъ вопросовъ, относящихся къ области военнаго искусства. Скорость движенія измѣнялась въ зависимости отъ обстановки: 270 верстъ до Варковичей пройдено въ 9 дней (30 верстъ въ сутки, въ 3 — 4 раза больше противъ нормъ XVIII столѣтія и почти въ 2 раза больше увеличенныхъ фридриховскихъ нормъ); 125 верстъ отъ Варковичей до Ковеля пройдено въ пять дней (25 верстъ въ сутки, но здѣсь дороги были особенно плохи) и т. д. Дневки дѣлались сравнительно рѣдко, по мѣрѣ крайней въ нихъ необходимости. Начиная отъ Ковеля, увеличивалась вѣроятность встрѣчи съ противникомъ. Суворовъ принимаетъ возможныя мѣры къ затрудненію противнику сбора свѣдѣній о маршѣ его отряда. Благодаря прекрасной организаціи марша-маневра и прочимъ извѣстнымъ даннымъ, онъ наноситъ рядъ пораженій направленнымъ для его задержанія войскамъ генерала *Сьраковскаго* (6—7,000 чел. при 30—36 ору-

діяхъ, не считая ополченія). 3-го сентября у *Дивина* казаки Суворова почти цѣликомъ уничтожаютъ 200—300 всадниковъ Рущица; 4-го Суворовъ бьетъ у *Кобрина* передовой отрядъ Сѣраковскаго, 6-го сентября подъ *Крупчицами* и 8-го подъ *Брестомъ*; въ послѣднемъ бою Суворову съ 9,000 чел. пришлось атаковать до 12,000 поляковъ (въ томъ числѣ $^2/_3$ косиньеровъ и т. п.), занимавшихъ сильную позицію за болотами; тѣмъ не менѣе онъ одержалъ рѣшительную побѣду, взявъ при этомъ 28 орудій и 500 плѣнныхъ; у Сѣраковскаго же оставалось менѣе 2,300 человѣкъ.

Эти побѣды Суворова, особенно послѣдняя, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на поляковъ; духъ войскъ ихъ упалъ. Наоборотъ, вся Россія воспрянула духомъ.

Теперь наши войска занимали намѣченную границу по линіи р. З. Буга. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ сталъ на флангѣ литовско-польскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ Репнина, угрожалъ связи ихъ съ войсками Костюшки и облегчалъ отступленіе Ферзену. Такъ быстро измѣнялась обстановка въ нашу пользу благодаря Суворову. И свои, и враги почувствовали, что на театрѣ военныхъ дѣйствій появился виртуозъ войны и что они призваны лишь играть тѣ или другія второстепенныя роли въ томъ, что онъ разыграетъ.

Между тѣмъ Костюшко принималъ еще возможныя мѣры къ реорганизаціи польской арміи и къ подъему въ ней духа. Литовскія войска были ввѣрены Мокроновскому и составили двѣ дивизіи: Ясинскаго и Вавржецкаго; послѣдній командовалъ этою дивизіею „совмѣстно съ Гедройцемъ“ (!). Дивизія Сѣраковскаго была реорганизована, усилена подкрѣпленіями и обращена

въ корпусъ. Вообще поляки готовились къ упорному продолженію борьбы.

Суворовъ оставался въ Брестѣ цѣлый мѣсяцъ, собиралъ провіантъ, устраивалъ магазины и вообще свою промежуточную базу, а равно и свою коммуникаціонную линію и подготовлялъ успѣхъ предстоявшей операціи во всѣхъ отношеніяхъ.

Намѣченной имъ операціонной линіи Брестъ-Варшава угрожали: справа Ваврженцкій съ Гедройцемъ, а слѣва Сѣраковскій и самъ Костюшко. Нужно было ее обезпечить. Суворовъ приказываетъ *Дерфельдену* (подчиненному Репнина) обезпечить его правый флангъ движеніемъ на Бѣлостокъ, *Репнина* проситъ выдѣлить часть войскъ для обезпеченія его тыла и старается войти въ связь съ Ферзеномъ.

Успѣхъ его начинаній затруднялся *двоевластіемъ*. Требованія и просьбы его отклонялись, или исполнялись съ задержками, или только отчасти. Пришлось потерять много времени на устраненіе этихъ затрудненій. Но въ это время въ Петербургѣ настроеніе высшихъ сферъ начало уже измѣняться въ пользу Суворова. Ему не симпатизировали, но ради пользы дѣла соглашались отдать на необходимое время власть въ его руки. Репнину было рекомендовано отдать Суворову то, что онъ требуетъ.

Въ это время Костюшко, опасаясь, чтобы Ферзенъ не соединился съ Суворовымъ, рѣшилъ этому воспрепятствовать и пошелъ вверхъ по правому берегу Вислы, чтобы отрѣзать Ферзена, двигавшагося по лѣвому ея берегу; но Ферзенъ успѣлъ переправиться и 29 сентября, съ 12—13,000 чел., атаковалъ Костюшку, имѣвшаго около 8,500 чел. и занявшаго позицію при *Ма-*

цьевицахъ. Поляки были разбиты на голову. Спаслось менѣе 1000 чел. Въ числѣ плѣнныхъ находился самъ раненный Костюшко. Для Польши это былъ страшный ударъ!

Теперь лѣвый флангъ Суворова былъ вполнѣ обезпеченъ, да и на правомъ флангѣ Дерфельденъ, получивъ на то приказаніе Репнина, шелъ къ Бѣлостоку. 4-го октября Суворовъ узналъ о Мацѣевицкомъ погромѣ. Онъ тотчасъ же приказалъ идти на присоединеніе къ нему, какъ Ферзену такъ и Дерфельдену. Ферзенъ исполнилъ это приказаніе безъ колебаній, но Дерфельденъ могъ его не исполнить, такъ какъ получилъ отъ Репнина приказаніе расположиться на зимнихъ квартирахъ. Но онъ былъ оріентированъ относительно настроенія петербургскихъ властей находившимся въ его корпусѣ графомъ В. А. Зубовымъ, который совѣтовалъ идти къ Суворову. Дерфельденъ такъ и поступилъ.

Такимъ образомъ всѣ три корпуса, Ферзена, Суворова и Дерфельдена, всего около 30,000 чел., двинулись концентрически къ Варшавѣ. Между тѣмъ польскій „верховный народовый совѣтъ“ избралъ замѣстителемъ Костюшки генерала *Вавржецкаго*, человѣка военнаго чуть ли только не по названію. Хотя они и составляли еще наступательные планы, но помѣшать движенію русскихъ къ Варшавѣ не могли.

Суворовъ, оставивъ въ Брестѣ отрядъ Дивова, выступилъ 7-го октября и пошелъ на Яновъ, угрожая пути отступленія „литовской арміи“ (16,000) Мокроновскаго, двигавшейся къ Прагѣ и преслѣдуемой Дерфельденомъ. 14-го Суворовъ соединился въ Станиславовѣ съ Ферзеномъ, а 15-го почти цѣликомъ уничтожилъ въ бою при *Кобылкѣ* одну изъ колоннъ „литов-

ской арміи", которою командовалъ генералъ *Бышевскій*. Здѣсь, 19-го, къ Суворову присоединился Дерфельденъ, но нужно было еще довершить подготовку труднѣйшей операціи, штурма укрѣпленной Праги, послѣдняго оплота поляковъ, а потому Суворовъ оставался здѣсь еще до 22-го октября. Поляки, въ это время, располагали еще 40,000 чел., изъ которыхъ часть дѣйствовала противъ пруссаковъ, другая была разбросана въ видѣ второстепенныхъ и мелкихъ отрядовъ, а для обороны Праги было назначено 18,600 чел., не считая 6,000 мѣщанъ, не получившихъ надлежащей военной организаціи, подъ начальствомъ генерала *Заіончека*.

Суворовъ сосредоточилъ къ *Прагѣ* до 30,000 чел. съ 86 орудіями и 24-го октября взялъ ее штурмомъ послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, въ которомъ русскіе потеряли около 2,500 чел., а поляки до 23,000 человѣкъ и 104 орудія. Этотъ штурмъ устрашилъ поляковъ. Варшава сдалась Суворову. Польша смирилась предъ Россіею. Суворовъ положилъ конецъ ея сопротивленію.

До появленія Суворова на театрѣ военныхъ дѣйствій операціи велись слишкомъ осторожно въ то время, какъ обстановка требовала проявленія крайней рѣшительности. Операціи направлялись изъ Петербурга, а главнокомандующій былъ лишенъ полной мочи. Отсюда слѣдствія: безрезультатность дѣйствій нашихъ войскъ (не говоря уже о пруссакахъ), а противнику дается время и возможность усиливаться въ численномъ отношеніи, улучшать боевую подготовку своихъ войскъ и вообще лучше подготовиться къ борьбѣ, которая угрожаетъ затянуться до слѣдующаго года.

Румянцевъ посылаетъ на театръ военныхъ дѣйствій Суворова, правда, всего лишь съ 10—11.000 чел. Суворовъ не желаетъ допустить вновь потерю времени, не находитъ возможнымъ подчиниться Репнину и признаетъ себя зависимымъ только отъ Румянцева. Хотя это и приводитъ къ двоевластію, но Суворовъ исправляетъ этотъ недостатокъ организаціи и захватываетъ въ свои руки руководство операціями. Въ Перербургѣ его, наконецъ, оцѣниваютъ и позволяютъ ему это сдѣлать.

Суворовъ снова даетъ цѣлый рядъ первостепенныхъ образцовъ въ области военнаго искусства: образцовое изученіе и пониманіе обстановки; замѣчательную основную идею операціи (по цѣли и по направленію); образцовую подготовку, какъ до начала марша-маневра, такъ и во время операціи; удивительную энергію въ исполненіи намѣченнаго плана, необыкновенную (но для Суворова обычную) быстроту маршей, постоянную внезапность нападенія и настойчивую атаку врага при каждой встрѣчѣ; рядомъ съ этимъ своевременныя заботы объ обезпеченіи операціонной линіи, объ устройствѣ базы, объ устройствѣ и обезпеченіи сообщеній и о снабженіи войскъ строго необходимыми предметами довольствія. Мы должны признать у Суворова въ эту кампанію замѣчательное сочетаніе рѣшительности съ осторожностью.

Суворовъ переливаетъ свою энергію и въ войска, съ частными начальниками во главѣ. Успѣхъ за успѣхомъ еще болѣе поднимаетъ ихъ духовныя силы. Невозможнаго для нихъ нѣтъ, а врагъ падаетъ духомъ, расшатывается нравственно и постепенно подготовляется къ окончательному пораженію. Прежде, до прибытія Суворова, противникъ все усиливался, расширялъ

сферу своихъ дѣйствій, а его партизаны доходили до Зап. Двины; теперь размѣры театра военныхъ дѣйствій все уменьшаются; противъ Суворова безсильны и партизаны; онъ еще въ первую польскую войну показалъ, какъ слѣдуетъ вести войну противъ партизановъ на этомъ же театрѣ; теперь онъ дѣлаетъ то же, конечно, не по формѣ, но по духу: послѣдовательно противодѣйствуя предпріятіямъ противника, онъ лишаетъ его партизановъ опорныхъ пунктовъ, наноситъ рѣшительные удары важнѣйшимъ его отрядамъ, кои служили ядромъ возстанія въ соотвѣтствующихъ округахъ, и оканчиваетъ кампанію въ опредѣленный имъ же срокъ (вычитая, конечно, время пребыванія въ Брестѣ).

Отлично зная превосходство русскихъ войскъ надъ противникомъ и слабыя стороны этого противника, Суворовъ, тѣмъ не менѣе, постоянно старается сосредоточивать возможно большія силы, въ видахъ подготовки успѣха въ бою, который онъ считаетъ единственно рѣшительнымъ средствомъ для завершенія операціи.

Цѣлый рядъ образцовъ тактическаго искусства, побѣдоносныхъ боевъ, завершается штурмомъ Праги, окончательнымъ разгромомъ противника, о которомъ самъ Суворовъ говорилъ: „дѣло сіе подобно измаильскому“.

Этотъ походъ представляетъ какъ бы цѣлый курсъ военнаго искусства, изложенный на практикѣ великимъ мастеромъ нашего дѣла, въ которомъ органически и гармонически слились теорія съ практикою, наука съ жизнью. Это неисчерпаемый запасъ классическихъ рѣшеній самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, относящихся къ военному искусству. Изучая его, нельзя не поражаться тѣмъ, какъ этотъ человѣкъ всегда и всюду проникалъ въ самую сущность нашего дѣла.

Замѣчательно, что тѣ самые пріемы, которые до недавняго времени считались впервые примѣненными французами въ эпоху революціи, примѣнялись раньше того у Суворова. Замѣчательно также, что войска, находившіяся подъ его начальствомъ, все болѣе и болѣе закалялись въ бояхъ, а боевая ихъ подготовка повышалась. Правда, это объясняется въ значительной степени прекрасными качествами нашихъ войскъ, но вѣдь у Суворова и австрійскія войска преображались и дѣйствовали не такъ, какъ подъ начальствомъ другихъ полководцевъ. Очевидно, что это было слѣдствіемъ и особыхъ данныхъ, присущихъ генію, Суворову. Положимъ, нѣкоторые ученые не признаютъ существованія какого бы то ни было генія, но масса людей чувствуетъ, что онъ существуетъ и идетъ за нимъ, когда онъ появляется, куда угодно. Таковы и были чувства массы по отношенію къ Суворову. Поэтому она и шла за нимъ, куда ему было угодно ее вести. Современники и признали Суворова геніемъ, а послѣдующія поколѣнія должны возможно тщательнѣе его изучать, дабы возможно лучше уразумѣть, почему онъ являлся геніемъ.

Какъ человѣкъ, Суворовъ имѣлъ недостатки, но они существеннаго значенія не имѣли, особенно сравнительно съ его достоинствами, которыя настолько велики, что трудно поддаются опредѣленію.

Прежде всего это былъ настоящій православный русскій человѣкъ, кость отъ кости и плоть отъ плоти своего народа, любившій его и имъ любимый. Будучи такимъ, онъ не могъ не быть вѣрноподданнымъ и вѣрнымъ слугою Государя и Россіи. То, что онъ иногда

будировалъ, нисколько не уменьшаетъ справедливости этого заключенія. Поэтому онъ никогда не забывалъ Ихъ блага, никогда не ставилъ выше этого блага своего собственнаго „я“, какъ это дѣлали нѣкоторые его современники.

Естественно, такой человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ сыновъ тогдашней Россіи, настоящій воинъ и полководецъ, не могъ не сыграть выдающейся роли въ борьбѣ Россіи съ Польшею.

Подобно тому, какъ въ 1-ую польскую войну онъ главнымъ образомъ и расшаталъ зданіе конфедераціи, нанесъ ей рѣшительные удары и не давалъ ей возможности собраться съ силами и такимъ образомъ способствовалъ первому возвращенію отъ Польши части русскихъ земель, такъ и въ 3-ю польскую войну онъ нанесъ полякамъ хотя и не всѣ, но большую часть ударовъ, а что всего важнѣе, нанесъ имъ окончательный ударъ и способствовалъ послѣднему возвращенію отъ Польши западно-русскихъ земель.

Результатомъ 3-й польской войны, доведенной до конца Суворовымъ, явился *3-й раздѣлъ Польши* 1795 г., по которому Россія получила не взятыя ею еще части юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, кромѣ Бѣлостокскаго округа, Пруссія—этотъ округъ и вообще земли къ З. и С.-З. отъ рр. Нѣмана, З. Буга и Пилицы, а Австрія—остальныя земли упраздненной Польши къ югу отъ Пилицы и Западнаго Буга.

Рѣчь Посполитая исчезла съ политической карты Европы.

VIII. Заключительные выводы.

Мѣсто Суворова въ ряду дѣятелей по объединенію Россіи.

Вышеизложенное приводитъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ:

А) Такъ называемая „Польша“ могла быть уподоблена больному человѣку, излеченіе коего было невозможно.

Б) Сосѣди смотрѣли на нее, какъ на поприще, удобное для утвержденія своего вліянія, и какъ на готовый источникъ для полученія на ея счетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и т. п.

В) Превратившись въ авангардъ романо-германскаго міра, Польша, въ теченіе 4½ вѣковъ, систематически занималась братоубійственнымъ умерщвленіемъ русской народности и сама вызвала переходъ русскихъ въ наступленіе, который являлся тѣмъ болѣе законнымъ, что Польша преграждала Россіи общеніе съ Западомъ, т. е. лишала ее возможности двинуться впередъ.

Г) Программа Іоанна III, сводившаяся къ объединенію всей Руси, вполнѣ отвѣчала историческимъ задачамъ и интересамъ Россіи. Уклоненіе отъ нея въ XVII и XVIII столѣтіяхъ можетъ быть объяснено въ значительной степени неблагопріятными для Россіи условіями политической обстановки. Послѣ кончины Петра I обстановка эта начала быстро улучшаться въ пользу Россіи, что не вызвало однако своевременнаго усовершенствованія программы, въ смыслѣ приближенія ея къ идеямъ Іоанна III. Это объясняется главнымъ образомъ отчужденностью отъ русской національной почвы культурнаго слоя русскаго общества, воспитаннаго на за-

падно-европейскій ладъ, а потому лишеннаго способности понимать дѣйствительные интересы Россіи.

Д) Совѣтники Императрицы Екатерины II, за малыми исключеніями, способствовали выработкѣ программы дѣйствій, по отношенію къ Польшѣ, не соотвѣтствовавшей ни дѣйствительному положенію дѣлъ въ этой странѣ, ни дѣйствительнымъ интересамъ Россіи. Подъ давленіемъ обстоятельствъ пришлось измѣнить эту программу и выйти на путь, указанный Іоанномъ III. Честь введенія этой поправки принадлежитъ главнымъ образомъ Суворову, нанесшему Польшѣ рѣшительные удары въ два наиболѣе критическихъ историческихъ момента и, что особенно важно, окончательный ударъ въ 1794 году.

Ж) Суворовъ, такимъ образомъ, явился наиболѣе крупнымъ дѣятелемъ въ ряду русскихъ людей, работавшихъ надъ объединеніемъ Россіи, въ духѣ получаемыхъ свыше указаній. Поэтому и русскіе люди, преклоняясь съ благоговѣніемъ передъ памятью въ Бозѣ почивающихъ Державныхъ Вождей и Объединителей Россіи, неминуемо сочтутъ долгомъ преклониться передъ памятью величайшаго изъ Ихъ сподвижниковъ, Суворова.

Гдѣ бы ни былъ поставленъ ему видимый памятникъ, да будетъ онъ воздвигнутъ! Но еще важнѣе, чтобы въ сердцахъ нашихъ былъ воздвигнутъ памятникъ нерукотворный великому русскому человѣку, воину и полководцу, благодаря которому вновь соединилось то, что было разъединено и растерзано врагами Россіи!

Приложенія: № 1—Карта владѣній Польской „Рѣчи Посполитой“ въ предѣлахъ до 1772 года, съ обозначеніемъ земель, отошедшихъ по тремъ раздѣламъ къ

Россіи, Пруссіи и Австріи, и распредѣленія народностей на территоріи государства. № 2—Ростъ вооруженныхъ силъ и населенія Россіи и Польши въ XVIII столѣтіи.

П. А. Гейсманъ.

Суворовъ и два «Совѣта»: Петербургскій 1794 года и Вѣнскій 1799 года.

Сообщеніе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба экстраординарнаго профессора полковника *М. Алексѣева.*

Туртукай, Козлуджа, Кинбурнъ, Фокшаны, Рымникъ, легендарный штурмъ Измаила.... длинный рядъ побѣдъ, съ которыми нераздѣльно связывалось имя Суворова, которыя уже создали ему прочную военную славу, далеко выдвинули изъ среды другихъ боевыхъ екатерининскихъ генераловъ, какъ самаго талантливаго, какъ достойнѣйшаго стать во главѣ армій.

Но находились люди сильнѣе его... не талантами, а положеніемъ, и Суворовъ оказывался на постахъ второстепенныхъ, подчиненныхъ. Только на склонѣ уже лѣтъ, какъ бы для завершенія продолжительной и славной боевой дѣятельности судьба даетъ ему власть, призываетъ его къ роли отвѣтственной, самостоятельной: въ 1799 г.—волею двухъ Императоровъ онъ поставленъ главнокомандующимъ надъ союзною русско-австрійскою арміею въ Сѣверной Италіи, а въ 1794 г., появившись на театрѣ войны въ качествѣ начальника отряда, онъ, благодаря собственной настойчивости и уступчивости другихъ, оказался во главѣ небольшой арміи, съ которою и рѣшилъ участь кампаніи.

Въ обоихъ случаяхъ полководцу пришлось стать лицомъ къ лицу съ „Совѣтами.“ Различны были составъ, характеръ, устойчивость взглядовъ обоихъ этихъ „Совѣтовъ,“ но цѣли и стремленія ихъ были однѣ и тѣ же:

господствовать надъ волею и мыслью главнокомандующаго, руководить его дѣйствіями.

Не могъ, конечно, безъ борьбы уступить энергичный Суворовъ свои права, свою самостоятельность. Выясненіе характера этой борьбы, съ попутнымъ изложеніемъ въ самыхъ общихъ чертахъ фактической стороны событій, составляетъ цѣль доклада.

I.

Тревожны были послѣдніе годы прошлаго столѣтія. События великой французской революціи уже вовлекли въ войну важнѣйшія государства западной Европы, и только ясный взглядъ и дипломатическое искусство Екатерины II удерживали пока Россію отъ вмѣшательства въ эту чуждую для ея жизни и интересовъ борьбу. Миръ съ Турціею 1791 года былъ, видимо, непроченъ. Въ началѣ 1794 года съ минуты на минуту ожидали возобновленія непріязненныхъ дѣйствій. На южной границѣ была сосредоточена большая часть нашихъ войскъ; дѣятельно пополнялись магазины; туда были отвлечены лучшія командныя силы; тамъ же—въ Херсонѣ—находился и Суворовъ.

Но громъ грянулъ въ той сторонѣ, въ которой его, повидимому, менѣе всего ожидали. Съ потерею земель, отошедшихъ послѣ раздѣла 1792 года къ Россіи и Пруссіи, Польша сохранила только тѣнь самостоятельности; она и тогда уже составляла скорѣе часть Россійской Имперіи, чѣмъ независимое государство. Русскія войска занимали важнѣйшіе города: Варшаву, Вильну, Ковно, Гродно, Брестъ, Слонимъ. Въ Варшавѣ находился полномочный министръ и главнокомандующій войсками бар. Игельстромъ, котораго съ большимъ пра-

вомъ, чѣмъ польскаго короля, можно было признать правителемъ и распорядителемъ судебъ и внутренней жизни государства.

Лучшіе люди Польши не могли не тяготиться такимъ положеніемъ. Борьба была неизбѣжна; она должна была закончить давній споръ славянъ между собою. И подготовка къ этой борьбѣ велась въ Варшавѣ довольно дѣятельно, оставаясь мало извѣстною лишь для русскаго министра, который по отсутствію характера, энергіи, выдержки, осторожности мало соотвѣтствовалъ своему трудному и отвѣтственному посту.

Даже въ ту минуту, когда борьба фактически началась, когда во главѣ наскоро сформированныхъ въ Краковѣ войскъ сталъ горячій патріотъ Костюшка, съ именемъ и властью главнокомандующаго, когда войска эти 24 марта разбили подъ Рацлавицами небольшой отрядъ ген. Тормасова—даже тогда находили возможнымъ говорить лишь о „нѣкоторомъ безпокойствѣ въ Польшѣ.“

Вмѣсто немедленныхъ энергичныхъ дѣйствій противъ только еще зарождавшейся революціи Игельстромъ предпочелъ вліять декларацією, бумажной угрозою, не принявъ даже мѣръ оборонительныхъ для поддержанія спокойствія въ Варшавѣ.

Онъ пробудился только тогда, когда въ ночь на 6 апрѣля подъ звонъ костельныхъ колоколовъ въ Варшавѣ началась рѣзня разбросанныхъ мелкими частями по городу русскихъ войскъ (9 батал. и 6 эск.) Непроницательность и довѣрчивость начальника искупили войска: изъ 5 тысячъ погибло и потеряно 4; Варшава оказалась въ рукахъ возставшихъ.

Примѣру столицы послѣдовали: Вильна, Гродно и другіе города, и къ 15 апрѣля всѣ важнѣйшіе пункты

очищены русскими войсками. Безпечность и непредусмотрительность и здѣсь имѣли большее значеніе, чѣмъ недостатокъ силъ.

Первыя свѣдѣнія о событіяхъ въ Варшавѣ достигли Петербурга 18 апрѣля. Тотчасъ же собранный Государственный—онъ же и Военный—Совѣтъ принялъ рѣшенія:

1) Всѣ вообще войска, какъ вновь назначенныя, такъ и нынѣ находящіяся въ Польшѣ и Литвѣ, сосредоточить на собственной западной границѣ, поставивъ имъ первою цѣлью сборъ и прикрытіе этой границы.

2) Принять мѣры, дабы во что бы то ни стало оттянуть уцѣлѣвшія войска изъ Литвы и Польши, для чего особымъ отрядомъ изъ войскъ, занимавшихъ Изяславскую губ. (южнѣе Полѣсья), произвести диверсію движеніемъ на Холмъ, Люблинъ, Брестъ, Слонимъ и далѣе къ тѣмъ же своимъ западнымъ границамъ.

3) Обратиться, въ силу союзнаго договора, къ Пруссіи о поддержаніи нашихъ войскъ въ Польшѣ и пограничныхъ пунктахъ Литвы, а Вѣнскій дворъ просить не допускать формированія польскихъ отрядовъ въ Галиціи.

4) Общимъ главнокомандующимъ на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій назначенъ кн. Репнинъ. Когда-то энергичный и рѣзкій дипломатъ, осторожный генералъ, всегда вѣрный и точный исполнитель указаній, даваемыхъ свыше, Репнинъ къ той эпохѣ, о которой идетъ рѣчь, сохранилъ въ неприкосновенности только послѣднія свои качества, въ значительной мѣрѣ утративъ энергію и способность къ самостоятельной дѣятельности въ области вопросовъ строго военныхъ.

Первыя и основныя рѣшенія были приняты, слѣдовательно, Совѣтомъ. Прежде во главѣ его становилась сама

Императрица Екатерина II, не номинально, а сердцемъ, умомъ, непосредственнымъ трудомъ рукъ своихъ, ведя переписку съ главнокомандующими. Возрастъ, утомленіе продолжительною государственною дѣятельностью, къ 1794 г. существенно измѣнили ея роль въ Совѣтѣ. Она выражала свои желанія, высказывала мнѣнія, но далека уже была отъ непосредственнаго вліянія на главнокомандующаго.

Вдохновителемъ Совѣта и, пожалуй, полновластнымъ вершителемъ его дѣлъ былъ президентъ Военной Коллегіи Н. И. Салтыковъ. Изъ плеяды славныхъ дѣятелей екатерининской эпохи, Н. И. былъ мало извѣстнымъ и менѣе другихъ боевымъ генераломъ. Но онъ былъ придворнымъ, умѣвшимъ искусно лавировать... по тому узкому, но богатому подводными камнями проливу, который раздѣлялъ въ то время Петербургъ и „большой дворъ“ отъ Гатчины и „малаго двора“. Салтыковъ сдѣлался необходимымъ обоимъ берегамъ и этимъ главнымъ образомъ объясняется то значеніе, которымъ пользовался онъ въ эту эпоху. И въ постановленіи Совѣта, и въ указахъ и повелѣніяхъ Императрицы мы находимъ выраженіе тѣхъ же самыхъ идей, которыя предварительно высказываетъ Салтыковъ въ своихъ письмахъ къ Репнину и другимъ лицамъ. Можно сказать, что Совѣтъ думалъ головою Салтыкова, глаголалъ его устами.

На общее положеніе дѣлъ Салтыковъ смотрѣлъ очень мрачно; мало надѣялся на то, что изъ нашихъ войскъ, занимавшихъ Литву и Польшу, успѣло что либо спастись.

„Теперь не время думать о побѣдахъ, а нужно собрать и узнать гдѣ, кто, сколько, чтобъ думать и разсуждать было можно. Первымъ предметомъ имѣть при-

крытіе нашихъ границъ и отдалить отъ оныхъ скопище тѣхъ мятежниковъ. А потому ничего я такъ теперь не желаю, какъ узнать, что всѣ разсѣянныя части войскъ нашихъ уже собрали; тогда считаю быть надежну и спокойну".

Вопросъ, какъ видно, рѣшенъ по всѣмъ правиламъ: открытіе кампаніи силами сосредоточенными и превосходными; сборъ ихъ внѣ раіона дѣйствій противника. И это, пожалуй, было бы основательно, если бы оправдались опасенія Салтыкова относительно участи нашихъ отрядовъ. Но уже въ очень скоромъ времени, примѣрно черезъ недѣлю, Салтыковъ узнаетъ, что „потеря наша въ Польшѣ не столь велика выходитъ, какъ сначала быть казалось", да и вообще нужно прибавить, что и общее положеніе дѣлъ не было не только критическимъ, но и дурнымъ, какъ впослѣдствіи сознавался и самъ Салтыковъ. При такихъ условіяхъ, принятыя Совѣтомъ рѣшенія не были согласованы съ данною обстановкою, свойствами противника и краснорѣчивымъ опытомъ сравнительно недавняго прошлаго. Въ 1768—72 г. нашимъ войскамъ приходилось имѣть дѣло съ тѣмъ же противникомъ.

13—17 тыс.—никогда не больше,—занимая важнѣйшіе пункты страны, располагая участковыми и общимъ резервомъ, развивая энергію и быстроту дѣйствій, ставили цѣлью не допускать формированія конфедератскихъ отрядовъ или бить ихъ въ самомъ зародышѣ.

Превосходствомъ силъ противника тогда не смущались: по боевымъ своимъ качествамъ полумилиціонныя войска конфедератовъ не могли мечтать объ успѣхахъ въ открытомъ бою съ опытными русскими батальонами. Но тогда у командира корпуса была широкая

свобода дѣйствій, и самъ онъ находился въ центрѣ театра борьбы—въ Варшавѣ. Теперь же противнику безнаказанно отданы всѣ важнѣйшіе пункты страны, дарованы личныя и матеріальныя средства и главное—время на сборъ ополченія, организацію, обученіе...

Но, быть можетъ, ничтожность средствъ, которыми могли располагать мы, оправдывала такое добровольное отреченіе на продолжительное время отъ всякихъ предпріятій, кромѣ защиты собственныхъ границъ?

Нѣтъ.

1) У Игельстрома собралось въ Польшѣ послѣ Варшавскаго погрома болѣе 14 тысячъ, на подкрѣпленіе которыхъ вступило около 10 т. пруссаковъ.

2) Къ Владиміръ-Волынску шелъ корпусъ Дерфельдена около 19 т.; до 18-22 т. собиралось у Репнина на границѣ, считая въ томъ числѣ и отряды, отступавшіе изъ Литвы. 60-65 т. чел., хотя и не соединенныхъ, совершенно однако были достаточны для немедленныхъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля, находившагося въ періодѣ формированія своихъ силъ. Но общая растерянность царила не только въ Петербургѣ, а и ближе къ театру войны—въ Ригѣ.

„Вы все еще считаете на наши въ Литвѣ войски, пишетъ Репнинъ Салтыкову 22 апрѣля, и мнѣ пишете, что я назначенъ ими командовать, но ихъ уже нѣтъ или клочки, можетъ быть, куда ни есть укроются.“

И Салтыковъ рѣшаетъ не только выждать, но и все управленіе взять въ свои руки, указать даже мѣсто, гдѣ быть главнокомандующему... въ Ригѣ. Съ этою послѣднею мѣрою даже уступчивый Репнинъ помирился не безъ боя. Онъ доказывалъ, что его мѣсто у важнѣйшаго изъ своихъ отрядовъ, т. е. у Дерфельдена. Но коротокъ и

авторитетенъ былъ отвѣтъ: „чтобы къ Дерфельдену вамъ ѣхать, Государыни на то отнюдь воли нѣтъ.“ И только 8 іюля Репнинъ переѣхалъ изъ Риги въ Несвижъ.

Свои идеи Салтыковъ проводитъ въ жизнь съ настойчивостью, достойной лучшей участи. Первымъ въ общей безурядицѣ опамятовался Игельстромъ; собравъ свои войска и убѣдившись, что потери не такъ ужъ чувствительны, что положеніе не такъ отчаянно, что средства для борьбы на мѣстѣ есть, что центръ возстанія близокъ, уязвимъ, что у Костюшки пока не свыше 15 т., онъ рѣшилъ— и основательно—при помощи пруссаковъ дѣйствовать противъ головы и сердца революціи—противъ Костюшки и Варшавы. Не смотря на полное и дружеское расположеніе Салтыкова, Игельстромъ былъ за это отозванъ и замѣненъ Ферзеномъ, которому и поставлено важнѣйшею и единственною задачей „соединеніе всѣхъ войскъ нашихъ въ Литвѣ,“ т. е. выводъ русскаго отряда изъ предѣловъ Польши.

Между тѣмъ русско-прусскія войска нанесли въ Польшѣ, хотя и нерѣшительный, но весьма чувствительный ударъ Костюшкѣ, а Дерфельденъ въ то же время на голову разбилъ у Холма отрядъ Заіончека и подвигался къ Варшавѣ, къ которой поспѣшно отходилъ и Костюшка, уклоняясь отъ новой встрѣчи съ союзными войсками.

Такимъ образомъ надъ молодыми, еще не окрѣпшими силами возстанія былъ занесенъ, казалось, неотразимый и грозный ударъ: съ запада надвигались соединенныя силы русскихъ и пруссаковъ, а съ востока Дерфельденъ. Уступая въ численности, имѣя за собой волновавшуюся Варшаву, недовольную событіями послѣднихъ дней, Костюшка находился въ положеніи близкомъ къ критиче-

скому. Смѣлое движеніе впередъ, штурмъ едва укрѣпленной Варшавы.... и еще въ іюнѣ польскому главнокомандующему пришлось бы произнести тѣ легендарныя слова, которыя молва вложила ему въ уста на Мацеовицкомъ полѣ сраженія: finis Poloniae.

Но въ эту минуту Дерфельденъ получаетъ запоздавшія петербургскія приказанія спѣшить въ Литву, прикрывать свои собственныя границы, собираться для будущихъ наступательныхъ предпріятій и побѣдъ. Повелѣнія были такъ опредѣленны, такъ рѣшительны, духъ управленія успѣлъ уже настолько выясниться, что разумный, но осторожный генералъ не посмѣлъ уклониться отъ исполненія велѣній и повернулъ къ своимъ границамъ, чтобы защитою и прикрытіемъ ихъ искать рѣшенія борьбы. А между тѣмъ въ это-то именно время Салтыковъ выражалъ Репнину свое тревожное желаніе, чтобы Дерфельденъ промедлилъ еще нѣсколько дней въ тѣхъ мѣстахъ. „Жаль будетъ, если упустятъ Костюшку; истребленіе его доставило бы конецъ всему.“

Полное горечи письмо пишетъ Репнинъ Салтыкову по поводу рѣшенія Дерфельдена, но „устроитель военныхъ дѣйствій“ находитъ утѣшеніе въ томъ, что „какъ много вещей на свѣтѣ дѣлаются сами собой, то и сію перемѣну я думаю отнести нечаянному случаю. И со всѣхъ сторонъ старались оное перемѣнить, но не сдѣлалось.“

Коренная и основная причина внутренняго разлада въ дѣйствіяхъ оставалась все еще непонятною, скрытою.

Красною нитью черезъ всѣ распоряженія Салтыкова проходитъ его опасеніе за судьбу отдѣльныхъ отрядовъ, за собственныя границы. Ему все хочется одного:

собрать скорѣе армію, и тогда выработать планъ наступательныхъ операцій.

Онъ пишетъ „самоподробнѣйшія“ инструкціи, такъ что наконецъ даже многотерпѣливый дипломатъ Репнинъ, доведенный до крайности пространными предписаніями, связывающими ему руки, проситъ освободить его отъ командованія. Но не менѣе ловкій дипломатъ Салтыковъ сумѣлъ обѣлить себя: „о перемѣнѣ васъ другимъ отнюдь не дозволяйте себѣ думать. А чтожъ вы говорите, что подробныя наставленія васъ затрудняютъ, я въ томъ весьма согласенъ, но невозможнаго никогда возможнымъ сдѣлать нельзя.“

Не смотря на всѣ желанія и Салтыкова, и Репнина арміи къ границамъ не удалось собрать. Ферзенъ, вопреки повелѣніямъ, нашелъ болѣе соотвѣтственнымъ остаться въ Польшѣ и дѣйствовать совмѣстно съ пруссаками противъ Варшавы. Дерфельденъ еще не подошелъ. Забота о своихъ границахъ, высказанная сверху, подхвачена усердно внизу и на войска, пока находившіяся у Репнина, пала невидная, трудная и неблагодарная дѣятельность, суть и безплодность которой охарактеризовалъ самъ же Салтыковъ такъ: „повсюду мы бьемъ и гоняемъ, а изъ того ничего не выходитъ. Какъ то уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случилось, что по разбитіи называемыхъ скопищъ вмѣсто, чтобы таковыя происшествія насъ подвигали впередъ, мы должны назадъ оборачиваться къ защитѣ собственно себя.“

Наконецъ въ дѣло вмѣшалась политика. Въ наступательныхъ дѣйствіяхъ встрѣтилась неотложная надобность.

Австрійцы рѣшили, что наступило время для раз-

дѣла Польши. Чтобы не упустить случая къ округленію границъ, они заняли своими войсками Краковское, Сандомирское, Люблинское и Холмское воеводства.

Изъ Петербурга немедленно потребовали, чтобы Румянцовъ назначилъ часть силъ изъ южной арміи для занятія пространства по Бугу до Бреста, а Репнину указано занять войсками его арміи отъ Бреста къ Гроднѣ и далѣе по Нѣману до Полангена.

„Изъ сего вы разсудите къ чему идетъ, пишетъ Салтыковъ Репнину, и сими днями, считаю, начнутся негоціаціи, а потому и нужно, чтобы сказанныя мѣста къ занятію нашими войсками въ рукахъ нашихъ были".

Все, что было на границѣ, въ срединѣ іюля двинулось, наконецъ, на Вильну и Слонимъ. Партіи противника проскользнули мимо нашихъ отрядовъ, захватили Полангенъ, Динабургъ, угрожали Полоцку, шли къ Рогачеву. Снова остановка, снова нервная, поспѣшная отправка войскъ въ тылъ отъ Репнина и высылка ихъ изъ внутри къ границамъ.

Только 1-го августа взята Вильна и занятъ Слонимъ.

Не лучше шли дѣла и у пруссаковъ, съ Ферзеномъ. Союзники осадили слабо укрѣпленную Варшаву, но вели дѣло вяло, медленно и спорили до тѣхъ поръ, пока поляки не разгромили тыла пруссаковъ и не прервали ихъ сообщеній съ Торномъ.

Пруссаки на сей годъ признали кампанію оконченной и 30-го августа отошли къ Торну. Ферзену осталось идти на соединеніе къ своимъ войскамъ въ Литву. Около этого времени и въ перепискѣ Салтыкова и Репнина все чаще обсуждается вопросъ о зимнихъ квартирахъ.

Вотъ въ какомъ неопредѣленномъ положеніи застаетъ дѣла 5-ый мѣсяцъ войны.

Внимательно слѣдилъ за ходомъ ея маститый фельдмаршалъ Румянцовъ, главнокомандующій войсками южной Россіи, но почти забытый и утративший свое вліяніе.

Тягучесть событій заставляетъ однако и его высказать свое мнѣніе, что „война сія ничего не значущая становится прехитрая и предерзкая".

Еще зорче слѣдилъ за событіями подчиненный Румянцова—Суворовъ, переведенный изъ Херсона въ Немировъ; слѣдилъ тревожно, какъ истинно русскій человѣкъ, ревнивый къ славѣ Россіи; нервно, какъ человѣкъ противъ воли и желаній поставленный въ сторонѣ отъ дѣла и событій; завистливо, какъ генералъ, жаждавшій дѣятельности и недопускаемый къ ней.

Наконецъ и сама петербургская стратегія, хотя понимающая свои конечныя задачи и цѣли, но не находящая средствъ и способовъ для выполненія, довольно откровенно сознается въ своемъ безсиліи.

Въ половинѣ августа Салтыковъ намекаетъ Румянцову, что „отряженіемъ сильнаго отъ васъ отряда къ облегченію дѣйствій подъ Варшавою, какъ и вообще почитаю въ Польшѣ, даже и въ Литвѣ, Ваше Сіятельство сдѣлали бы то, чего и здѣсь хотѣлось".

Но Румянцовъ уже предупредилъ это желаніе и изъ войскъ, ему подчиненныхъ, пользуясь спокойствіемъ турокъ, назначилъ отрядъ, силу котораго предоставилъ опредѣлить самому начальнику отряда, Суворову, въ зависимости отъ числа войскъ и положенія дѣлъ въ Брацлавской губ. Суворову же подчинены и тѣ небольшіе отряды Буксгевдена и Маркова, которые еще въ іюлѣ были отправлены, вслѣдствіе петербургскаго указа, къ Бугу.

15—16 т. польскій корпусъ Сѣраковскаго, занимавшій Кобринъ, заставилъ ихъ однако остановиться въ Ковелѣ.

На бумагѣ Суворову было сказано, что цѣль его отряда: „сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю со стороны Бреста, подлясскаго и троцкаго воеводствъ", но имѣются данныя, указывающія, что Румянцовъ смотрѣлъ на задачу отряда шире, желалъ захвата Люблина, приближенія къ Вислѣ. Такъ, повидимому, былъ оріентированъ и Суворовъ. Взятыя послѣднимъ изъ Немирова войска съ Ковельскими отрядами должны были составить 10—11 т. человѣкъ.

14 августа Суворовъ выступилъ изъ Немирова и черезъ 9 дней непрерывнаго марша, пройдя почти 300 верстъ, прибылъ въ Варковичи, гдѣ его догналъ и петербургскій указъ. Указъ этотъ и самъ по себѣ былъ непріятенъ Суворову; онъ подчинялъ его непосредственно петербургскому Совѣту, а главнымъ образомъ потому, что значительно ограничивалъ цѣли, задачи и предѣлы возможнаго распространенія дѣйствій отряда. По указу — его задача: занять правый берегъ Буга и Брестъ, укрѣпиться въ этомъ городѣ, устраивать магазины для себя и другихъ и оборонять линію Буга отъ непріятельскихъ покушеній. Подъ горькимъ впечатлѣніемъ обманутыхъ ожиданій Суворовъ въ Варковичахъ набрасываетъ записку такого содержанія: „Невѣжды петербургскіе не могутъ давать правилъ россійскому Нестору; одни его повелѣнія для меня святы. Союзники ѣздятъ на россійской шеѣ. Король прусскій даже и варшавскихъ мятежниковъ обращаетъ на россіянъ, если то не изъ газетъ взято. Мнѣ погодить о себѣ публиковать, чтобы осталось въ запасѣ нѣчто нечаянности до перваго побіенія, если благословитъ Богъ. Время драгоцѣннѣе

всего. Юлій Цезарь побѣждалъ поспѣшностью. Я терплю до двухъ сутокъ, для провіанта, запасаясь имъ знатно на всякій случай. Поспѣшать мнѣ надлежитъ къ сторонѣ Бреста, ежели между тѣмъ мятежники уже не разбиты, но не для магазейнъ-вахтерства; есть младшіе... или оставить все. Тамъ мнѣ прибавить войска, идти къ Прагѣ, гдѣ отрѣзать субсистенцію изъ Литвы въ Варшаву".

Эта записка — драгоцѣнный документъ, полностью обрисовывающій взглядъ и виды Суворова: бить непріятеля быстротою, развязки искать въ Варшавѣ и такъ или иначе сбросить съ себя бремя Совѣта. Намѣченъ и путь: одни повелѣнія Румянцова для него святы; обращаться только къ нему, забывая о Петербургѣ.

Труденъ и скользокъ былъ этотъ путь.

Выступалъ-ли Суворовъ на театръ войны полномочнымъ полководцемъ, опирающимся на высокое довѣріе Императрицы, на сочувствіе лицъ, стоящихъ близко къ власти; получилъ-ли инструкціи съ широкими правами; имѣлъ-ли средства, съ которыми могъ бы довести войну до желаннаго всею Россіею конца безъ содѣйствія войскъ, ему неподчиненныхъ, но находившихся уже на театрѣ войны?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Ничтожны были полномочія, не широки задачи, малъ отрядъ.

Но Суворовъ несъ съ собою на театръ войны то, чего не было въ дѣйствіяхъ другихъ начальниковъ: знаніе характера своего противника, излюбленнаго имъ способа дѣйствій; стремленіе искать непріятеля, а найдя — смѣло и быстро атаковать полумилиціонныя, слишкомъ впечатлительныя и мало устойчивыя войска, бить ихъ

и послѣ того неотступно преслѣдовать до полнаго ихъ разложенія и уничтоженія.

Быстрота въ движеніи, неожиданность нападенія, смѣлость и рѣшительность атаки подавляюще дѣйствовали и на войска противника, и на населеніе; среди послѣдняго съ каждымъ днемъ все меньше находилось желающихъ вступать въ ряды войскъ и средства для борьбы быстро уменьшались.

Выступивъ 24-го августа изъ Варковичей, Суворовъ съ тою же быстротою велъ свой отрядъ, который въ промежутокъ времени съ 1-го по 8-е сентября нанесъ рядъ ударовъ польскому корпусу Сѣраковскаго: подъ Дивиномъ, Кобриномъ, Крупчицами, Брестомъ. Отъ 15—20 т. спаслись лишь жалкіе остатки этого корпуса.

Цѣль, назначенная свыше Суворову, достигнута. Дальнѣйшая самостоятельность его, казалось, была немыслима.

Дѣйствительно, представимъ себѣ появленіе какого-то отряда на театрѣ войны, подчиненномъ всецѣло и нераздѣльно одному главнокомандующему. Можетъ-ли этотъ отрядъ не подчиниться авторитету главнаго начальника? Вѣдь это будетъ то вредное двоевластіе, противъ котораго еще 25 лѣтъ назадъ возсталъ самъ Суворовъ, говоря, что „въ одномъ дому двухъ хозяевъ быть не можетъ“.

Но подчиниться Репнину значитъ подчиниться той системѣ, которая царила доселѣ. Слишкомъ много руководительства сверху, стремленія все предвидѣть, указать... Но событія опережали курьеровъ, везшихъ обстоятельныя приказанія. Приходили приказанія поздно и вносили еще большую безурядицу, служили источникомъ еще большей нерѣшительности исполнителей.

Изъ Петербурга — излишекъ руководительства; на мѣстѣ—недостатокъ энергіи, рѣшимости, стремленія къ той конечной цѣли, въ которой, по выраженію участника, и была „эссенція бунту“, т. е. къ Варшавѣ. Отмахивали непріятеля, какъ мухъ, отъ своихъ границъ, били его, но ни на шагъ не приближались къ окончанію войны..., говорили и готовились къ зимнимъ квартирамъ, съ тѣмъ, чтобы съ весны начать новую кампанію, но при условіяхъ, быть можетъ, несравненно труднѣйшихъ, осложнившихся вмѣшательствомъ недруговъ Россіи...

Вести такимъ образомъ дѣло дальше Суворовъ не могъ по силѣ своего характера, по свойствамъ своего таланта. Но, чтобы измѣнить теченіе дѣлъ, нужно было не только сохранить независимость, но еще и вырвать власть у другого, хотя надъ частью подчиненныхъ ему войскъ: съ 10—11 т. брать Варшаву, охранять тылъ и фланги было, конечно, немыслимо.

Полученіе предписанія отъ Румянцова, командированіе отряда отъ войскъ, подчиненныхъ фельдмаршалу, давало лазейку для достиженія перваго. Признавъ единственную зависимость отъ Румянцова, Суворовъ отправляетъ въ Петербургъ лишь реляціи о побѣдахъ, Репнину—требованія о содѣйствіи отъ сосѣднихъ къ Бресту войскъ, но съ малымъ пока въ томъ успѣхомъ.

Вырвать власть у другого было трудно. Нужна была благопріятная минута, и выжиданіе ея длилось ровно мѣсяцъ вынужденнаго сидѣнья въ Брестѣ.

2-го октября до Суворова достигаетъ первый слухъ, 4-го вполнѣ подтвердившійся, что отступавшій отъ Варшавы Ферзенъ 29 сентября подъ Мацеовицами на голову разбилъ Костюшку и самого его взялъ въ плѣнъ.

4-го числа Суворовъ доноситъ Румянцову, что „по

происшедшимъ обстоятельствамъ, дабы не дать опомниться непріятелю и достигнуть цѣли Ея Императорскаго Величества, должны мы все наше вниманіе обратить для полной поверхности надъ мятежниками и взятія самой Варшавы". А потому онъ, Суворовъ, далъ предписаніе Ферзену идти къ Минску-Станиславову для соединенія съ войсками, выступающими туда 7-го изъ Бреста.

„Но какъ силы сіи для рѣшительнаго и скораго стѣсненія Варшавы весьма недостаточны..., то необходимымъ почитаю и корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена придвинуть... къ Прагѣ, *а потому и для вящшей пользы службы Ея Императорскаго Величества* далъ я ему, генералъ-поручику и кавалеру, повелѣніе..." о движеніи къ той же Прагѣ. „О чемъ я сообщилъ г. генералъ-аншефу Н. В. Репнину и просилъ, дабы въ назначенныхъ ему, Дерфельдену, отъ меня предметахъ не препятствовалъ".

А Дерфельденъ съ 8 т. только что достигъ Бѣлостока. И Ферзенъ, и Дерфельденъ—подчиненные Репнина. Дней 5 тому назадъ Репнинъ на отрѣзъ отказалъ Суворову отдѣлить часть своихъ войскъ къ Бресту, на томъ основаніи, что ему и самому мало „къ закрытію занятой имъ черты".

На рѣшительность Дерфельдена Суворовъ, видимо, не особенно разсчитывалъ и тревожно смотрѣлъ и на свое движеніе къ Варшавѣ, имѣя справа корпусъ польскій Макрановскаго, и на предпріятіе противъ Варшавы съ 21—22 т. чел.

Но въ это время, нежданно для Суворова, подулъ изъ Петербурга благопріятный для него вѣтеръ. „Сообщество ваше съ Суворовымъ, я весьма понимаю,

сколь оно непріятно для васъ быть можетъ, пишетъ Салтыковъ Репнину, и особливо по весьма авантажному объ немъ здѣсь заключенію. Предписаніе его Дерфельдену указываетъ, что онъ ни въ чемъ общему порядку не слѣдуетъ, и онъ пріучилъ всѣхъ о себѣ такъ думать, ему то и терпятъ".

Но писалъ онъ такъ потому, что въ то же время къ Репнину летѣлъ указъ отдать Суворову и Дерфельдена. Въ Петербургѣ рядъ побѣдъ Суворова оживилъ надежды на окончаніе войны еще въ этомъ году. И, скрѣпя сердце, Суворову уступали то, что онъ требовалъ. Но самому Суворову совершенно не были извѣстны эти взгляды, надежды, уступчивость Петербурга и всѣ распоряженія дѣлалъ онъ на свой страхъ. Не знакомы мы и съ внутреннимъ міромъ его при рѣшеніи во что бы то ни стало вырвать власть изъ рукъ президента и главнокомандующаго. Руководствовался - ли Суворовъ побужденіями высокаго патріотизма или крайняго честолюбія? Но могло ли только одно послѣднее побудить Суворова поставить на карту всю свою такимъ упорнымъ трудомъ созданную карьеру, имя. При глубокой увѣренности въ удачѣ предстоящихъ дѣйствій — пожалуй да; но кто же можетъ ручаться за постоянство фортуны на поляхъ сраженій? А при неудачѣ естественно Суворовъ не могъ ждать пощады отъ своихъ недоброжелателей. И одно честолюбіе, полагаю, не могло стать источникомъ гражданскаго мужества, которое приносило въ жертву 35 лѣтъ боевой дѣятельности и заслуженную доселѣ боевую славу. Самъ Суворовъ въ рапортѣ опредѣляетъ свои побужденія вящшею пользою службѣ Ея Императорскому Величеству и отечеству. И, конечно, слова эти искренни.

7 октября Суворовъ выступилъ изъ Бреста; побѣда подъ Кобылкою обезпечила соединеніе корпусовъ. Кровавый штурмъ Праги въ ночь съ 23 на 24 октября рѣшилъ судьбы Варшавы, а съ нею судьбы войны и Польши, исчезнувшей съ карты Европы, какъ политически независимое государство.

Коротка и краснорѣчива была оцѣнка свыше дѣятельности генералъ-аншефа Суворова: „ура, фельдмаршалъ Суворовъ“; увеличилось число недруговъ и недоброжелателей полководца, рѣзко отнеслась западная критика къ образу веденія имъ войны. „Генералъ безъ диспозиціи“—названіе, присвоенное Суворову за этотъ именно періодъ дѣятельности. Критика хотѣла видѣть въ конфедератахъ регулярныя войска, сплоченныя духомъ единства, руководимыя единой волей. Для нея были совершенно неясны обстановка, характеръ противника, его боевыя свойства, качества; непонятны тѣ пріемы, которые наиболѣе обезпечивали достиженіе успѣха скораго и рѣшительнаго. Критика видѣла лишь одно, что Суворовскіе пріемы были не тѣ, которые въ свое время можно было назвать общепринятыми, основанными на правилахъ, рекомендуемыхъ учеными трактатами.

Но Суворовъ подчиняетъ свою тактику и стратегію хорошо ему извѣстнымъ свойствамъ своего противника. Человѣкъ у него является главнѣйшею данною, обусловливающею способы борьбы [1]).

[1]) Во многомъ же онъ обвиняется голословно, вслѣдствіе нежеланія вникнуть въ суть дѣла. Говорятъ, что это партизанъ, непонимавшій важности обезпеченія своей операціонной линіи. Вотъ напр. по занятіи Кобрина... вѣдь путь отступленія Суворова отходилъ отъ его лѣваго фланга въ направленіи фронта и пролегалъ по лѣсисто-болотистой странѣ. Между тѣмъ передъ нимъ въ разстояніи полуперехода

II.

Миновало два года. 6 ноября 1796 года скончалась Императрица Екатерина, а про 7-ое число одинъ изъ современниковъ уже сказалъ: „въ одно мгновеніе все перемѣнилось и черезъ сутки по воцареніи насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе“.

Слишкомъ прямолинеенъ, твердъ и независимъ былъ характеръ Суворова, слишкомъ убѣдительны были для него босвые опыты, подтверждавшіе правильность основъ его системы воспитанія и обученія войскъ. Суворовъ не могъ сохранить своего значенія при новыхъ требованіяхъ и долженъ былъ уступить свое мѣсто новымъ людямъ, а самъ въ качествѣ отставнаго безъ мундира, поднадзорнаго фельдмаршала проживалъ въ своей вотчинѣ Кончанскомъ, не безъ основанія считая свою военную и боевую дѣятельность завершенною.

Но въ войнѣ была цѣль его жизни и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Суворовъ за успѣхами Бонапарта и „безбожныхъ французишекъ“. Идеи Императора Павла о необходимости предоставить Россіи миръ и спокойствіе послѣ продолжительной боевой жизни предшествовавшаго царствованія очень скоро

находился корпусъ непріятеля, силы котораго оцѣнивались до 15 т. т. е. въ $1^1/_2$ раза болѣе тѣхъ, коими располагалъ Суворовъ. — Вѣрно. Но въ день занятія Кобрина Суворовъ перешелъ на Слонимскую дорогу, а въ Слонимѣ тогда былъ Дерфельденъ, былъ магазинъ.

Суворовъ измѣнилъ свою операціонную линію, но своеобразность его языка, лаконизмъ донесеній, доведенный до крайности, отсутствіе стремленій поучать своими донесеніями потомство побудили Суворова скрыть эту перемѣну подъ слѣдующими словами реляціи: „стали на выгоднѣйшемъ мѣстѣ“.

„Весьма гремитъ оный, говоритъ по адресу Суворова Салтыковъ, но его донесенія по его обыкновенію весьма коротки, а больше знаемъ по словамъ Горчакова, въ чемъ та побѣда состоитъ“.

уступили мѣсто признанію обязанности Россіи утвердить спокойствіе Европы, бороться за возстановленіе ниспровергнутыхъ престоловъ.

Съ апрѣля 1798 года принимаются и подготовительныя мѣры: снаряжаютъ двѣ эскадры, къ границамъ сосредоточиваютъ войска, дѣятельно работаетъ дипломатія надъ созданіемъ новой коалиціи.

Цѣль достигнута. Существенные интересы строго реальнаго характера поставили въ ряды коалиціи Англію, Австрію, Неаполь, Турцію.

„Положить предѣлъ успѣхамъ французскаго оружія и распространенію правилъ анархическихъ; принудить Францію войти въ прежнія границы и тѣмъ возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе“ — такъ формулировала Россія необходимость войны—первенца за чуждыя для нея блага и интересы Европы.

6 февраля 1799 года флигель-адъютантъ Толбухинъ вручилъ Суворову въ Кончанскомъ собственноручный Высочайшій рескриптъ, объявлявшій, что австрійскій императоръ просилъ назначить фельдмаршала предводителемъ арміи въ С. Италіи, куда идутъ и русскія войска Розенберга и Германа. 7 февраля Суворовъ уже выѣхалъ въ Петербургъ.

Пока Императоръ, видимо, уступалъ только необходимости, не питая полнаго довѣрія къ фельдмаршалу. Печальной памяти въ русской военной исторіи генералъ Германъ былъ снабженъ отъ Павла повелѣніемъ наблюдать за предпріятіями Суворова, которыя „могли бы служить ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда онъ будетъ слишкомъ увлеченъ своимъ воображеніемъ, могущимъ заставить забыть его все на свѣтѣ. Итакъ,

хотя онъ старъ, чтобы быть Телемакомъ, но не менѣе того вы будете Ментором, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ лаврами".

Пребываніе Суворова въ Петербургѣ измѣнило мысли Императора. Дядька получилъ другое назначеніе. При отправленіи Государь сказалъ Суворову: „веди войну по своему, какъ умѣешь", и со своей стороны свято сдержалъ разъ данную свободу дѣйствій своему полководцу.

Въ серединѣ марта Суворовъ прибылъ въ Вѣну. Тотчасъ по прибытіи назначеніе австрійскимъ фельдмаршаломъ и главнокомандующимъ и обѣщаніе власти неограниченной. Но уже черезъ нѣсколько дней Суворовъ убѣдился, что обѣщаніе не шло дальше любезности, необходимой для первой встрѣчи престарѣлаго полководца. Сначала отъ него потребовали планъ, потомъ командировали членовъ Гофкригсрата для совмѣстной выработки плана дѣйствій до рѣки Адды. Суворовъ нашелъ способъ уклониться.

Явился довѣренный самого императора Франца, генералъ Лауеръ, съ тою же цѣлью; Суворовъ остался непреклоненъ и плана не изложилъ. Но неужели не было у него плана? неужели Суворовъ не поспѣшилъ изучить значенія, характера, условій веденія войны на томъ частномъ театрѣ, на который волею императора Франца онъ былъ теперь назначенъ? На предъявленный ему членами совѣта подробный планъ наступательныхъ операцій до р. Адды, Суворовъ возразилъ, „я начну дѣйствія переходомъ черезъ Адду, а кончу кампанію, гдѣ Богу будетъ угодно". Планъ у Суворова, какъ видно, былъ, но не въ такой формѣ, какъ того требо-

валъ совѣтъ. Общая цѣль; предположенія до вѣроятнаго перваго столкновенія съ противникомъ; дальше уже начинается область фантазіи. Въ эту то область и желали втянуть Суворова, но отъ этого онъ настойчиво отказывался.

Пришлось прибѣгнуть по отношенію несговорчиваго старика къ нѣкоторой мѣрѣ. 23 марта на прощальной аудіенціи императоръ Францъ вручилъ Суворову „начертаніе“ главныхъ основаній похода, приказавъ доносить прямо ему о своихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ, но до исполненія таковыхъ. Цѣлью первыхъ наступательныхъ дѣйствій „начертаніе“ ставило прикрытіе австрійскихъ владѣній и удаленіе отъ границъ непосредственной опасности вторженія. Цѣль — узкая, скромная, но для главнокомандующаго, конечно, обязательная. Начертаніе этимъ, однако, не ограничилось; въ немъ шагъ за шагомъ разобрано, какъ Суворову лучше исполнить задачу. Чтобы не отвлекать главнокомандующаго отъ важнѣйшихъ военныхъ соображеній, „начертаніе“ предусмотрительно возложило всю хозяйственную часть на австрійскаго генерала Меласа.

4 апрѣля Суворовъ прибылъ къ арміи въ Валеджіо, выждалъ прибытія русскихъ войскъ, и 7 перешелъ въ наступленіе. Черезъ 10 дней французская армія Моро разбита на Аддѣ, Миланъ—столица Цизальпинской республики—занятъ; самая республика ниспровергнута.

Отсюда, изъ Милана, Суворовъ 20 апрѣля, исполняя волю императора, представилъ предположеніе о своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, приступивъ впрочемъ къ началу ихъ исполненія безъ утвержденія изъ Вѣны. Мантуя обложена осадной арміей Края, главныя силы двинулись къ По на встрѣчу французской арміи Мак-

дональда, по ложнымъ слухамъ, будто уже перешедшей Аппенины на пути изъ Средней Италіи. Разбивъ его до соединенія съ Моро, говоритъ Суворовъ, я лѣвымъ берегомъ По направлюсь къ Турину. Пусть въ это время эрцгерцогъ Карлъ, Готце, Бельгардтъ вытѣснятъ французовъ изъ Швейцаріи, и мы потомъ предпримемъ совмѣстное наступленіе къ французскимъ предѣламъ.

Это предположеніе было первою причиною того, что Вѣнскій совѣтъ сталъ смотрѣть на главнокомандующаго недовѣрчиво, подозрительно. Онъ вторгается въ область, ему чуждую; касается армій, ему неподчиненныхъ; создаетъ обширные и смѣлые планы, а забываетъ мѣры предосторожности и предусмотрительности по отношенію своей арміи. Онъ забываетъ, что *долженъ* прикрывать осады Мантуи и Миланской цитадели; развѣ можно думать въ это время о какихъ либо дальнихъ предпріятіяхъ. Рескрипты отъ 1 и 2 мая преподаютъ первые уроки и наставленія: „о совмѣстномъ наступленіи и предполагать не слѣдовало... Ограничить дѣйствія лѣвымъ берегомъ р. По; обратить особое вниманіе къ обезпеченію себя въ завоеванныхъ областяхъ покореніемъ находящихся въ нихъ крѣпостей. Допускается впрочемъ овладѣть какою либо крѣпостью и на правомъ берегу рѣки въ недалекомъ отъ нея разстояніи.“

Не угодилъ Суворовъ и первыми своими мѣрами по устройству занятыхъ областей. Извѣщаютъ, что для этого назначенъ австрійскій комиссаръ.

За этими первыми наставленіями непрерывною чредою послѣдовали другія; мягкій, любезный тонъ уступаетъ мѣсто повелительному. „Я долженъ снова поручить вамъ, пишутъ 10 мая, чтобы вы, оставивъ всѣ

другія предположенія, обратили *исключительно* попеченія свои на покореніе Мантуи и Милана“..... а съ остальными войсками..... „заняли бы позицію, удобную для охраненія завоеваній нашихъ“.

Что же оставалось главнокомандующему? Хозяйство и довольствіе—у Меласа; дѣла политическія—у комиссара; сторона оперативная—у Совѣта... развѣ только выборъ требуемой позиціи.

„Въ Вѣнѣ любятъ только посредственность, а талантъ не охотникъ до узды“, пишетъ по этому поводу Суворовъ, все еще льстя себя надеждою отвоевать необходимую самостоятельность. Но онъ упускалъ изъ виду, что имѣлъ дѣло съ Вѣною, настойчивою въ стремленіяхъ, неутомимою въ сочинительствѣ инструкцій. Забывалъ и то, что въ рукахъ Совѣта было могучее средство борьбы со своимъ главнокомандующимъ—вопросъ продовольственный.

Чрезъ 5 недѣль по открытіи кампаніи занята столица Пьемонта, Туринъ. Союзныя войска стояли всего въ 100 верстахъ отъ французской границы. Расшатанная армія Моро укрылась въ Генуэзской Ривьерѣ; Макдональдъ, вопреки прежнимъ свѣдѣніямъ, все еще не могъ выбраться изъ средней Италіи.

Но операціонная линія Суворова достигла 250 верстъ. По волѣ и требованію Гофкригсрата всѣ многочисленные, оставленные въ тылу укрѣпленные пункты блокированы; $^2/_3$ арміи израсходовано на это. У Турина подъ руками только 30 тысячъ.

Суворовъ, впрочемъ, считалъ ихъ достаточными для наступленія въ Ривьеру. Но въ эту минуту на флангѣ его операціонной линіи, въ разрѣзъ между главными силами и арміею Края подъ Мантуей, появляются 35

тысячъ Макдональда, 31 мая перевалившія черезъ Апенины.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть Края; всѣ передовые отряды его стягиваются; осадный паркъ отправляется въ Верону и тревожныя донесенія летятъ въ Вѣну, повергая въ трепетъ вѣнское правительство, купно съ Гофкригсратомъ. Отъ 31 мая; „наступаетъ Макдональдъ“; отъ 1 іюня: „онъ разбилъ Гогенцоллерна“.... далѣе, что французы продолжаютъ наступать, вѣроятно, на Мантую, что Краю помощи ждать не отъ кого: Суворовъ далеко.

Итакъ Мантуя—этотъ, по мнѣнію Вѣны, ключъ Сѣверной Италіи, этотъ предметъ мечтаній, можетъ снова попасть въ руки непріятеля; армія Края можетъ потерпѣть отдѣльное пораженіе и тогда.... кампанія потеряна. Для чего тогда всѣ завоеванія Суворова, сдѣланныя имъ въ нарушеніе осторожныхъ, настойчивыхъ и опредѣленныхъ требованій Гофкригсрата?

Въ Вѣнѣ трепетали. Спокойно и увѣренно распоряжался на мѣстѣ Суворовъ. Съ быстротою изумительною ведетъ онъ главныя силы на встрѣчу Макдональду и въ трехдневномъ сраженіи на Треббіи бьетъ его армію, преслѣдуетъ сутки и бросается назадъ противъ Моро, появившагося со стороны Генуи. Макдональдъ укрывается въ Тосканѣ; Моро отступаетъ въ Ривьеру. Создается благопріятная обстановка для нанесенія послѣдняго рѣшительнаго удара противнику. Суворовъ отдаетъ распоряженія для наступленія въ Ривьеру.

Но въ это время къ нему уже спѣшило грозное посланіе: „я желалъ бы, чтобы неоднократныя повелѣнія мои объ ускореніи осады Мантуи и объ избѣжаніи излишняго раздробленія силъ, были бы исполняемы

своевременно.... Надлежитъ совершенно отказаться отъ отъ всякихъ предпріятій дальнихъ и невѣрныхъ, не соотвѣтствующихъ ни теперешнему положенію дѣлъ, ни намѣреніямъ моимъ".

Шестинедѣльнымъ бездѣйствіемъ, въ ожиданіи паденія Мантуи, заплатили союзники за этотъ рескриптъ, но отвѣтственность за бездѣйствіе австрійцы считаютъ нужнымъ возложить всецѣло на Суворова.

Но, быть можетъ, виноватъ дѣйствительно Суворовъ, безпрекословно подчинившійся этому рѣзкому рескрипту, написанному въ минуты тревоги, подъ давленіемъ угрожающихъ вѣстей? Обстановка измѣнилась, стала благопріятною; нельзя было ею не пользоваться. Не сыгралъ ли Суворовъ роли Дерфельдена въ 1794 году?

Объясненіе найдемъ въ рескриптѣ отъ 10 іюля, данномъ въ отвѣтъ на донесеніе Суворова о побѣдѣ при Треббіи: „о наступательномъ движеніи арміи моей черезъ Валисъ или Савойю во Францію теперь рѣшительно помышлять не должно.... Въ настоящее время вы должны все свое вниманіе употребить на покореніе Мантуи и за симъ стараться овладѣть еще мало по малу другими крѣпостями." Вся цѣль кампаніи, всѣ помышленія и желанія Гофкригсрата—все сосредоточилось на взятіи крѣпостей, на закрѣпленіи за собой завоеваннаго. Каждый рескриптъ приноситъ косвенное порицаніе предпріятіямъ и распоряженіямъ фельдмаршала; каждое повелѣніе проникнуто идеей устранить на будущее время возможность самовольныхъ и опасныхъ предпріятій не въ мѣру энергичнаго полководца.

Уже въ это время совѣтъ не воздерживался отъ непосредственной отъ себя отдачи приказаній австрійскимъ генераламъ, подчиненнымъ Суворову; всѣ эти

приказанія шли въ разрѣзъ или прямо въ отмѣну распоряженій главнокомандующаго.

Вотъ какова была атмосфера, въ которой приходилось жить и работать полководцу. Просмотрите его переписку за это время: это сплошной вопль изстрадавшейся души, это сплошное негодованіе на ту жалкую роль, которую заставляютъ его играть.

„Его Римско-Императорское Величество желаетъ, чтобы, ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются...; фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные висячіе власы. Летъ ея молніинъ, не схвати за власы, она уже не возвратится".

„Все мнѣ не мило. Присылаемыя ежеминутно изъ Гофкригсрата повелѣнія ослабляютъ мое здоровье. Хотятъ операціями править за тысячи верстъ. Не знаютъ, что всякая минута на мѣстѣ заставляетъ оныя перемѣнять. Меня дѣлаютъ экзекуторомъ Дидрихштейна" (фамилія одного изъ членовъ Совѣта).

Но тщетно плакался Суворовъ. Главный посредникъ между нимъ и вѣнскимъ правительствомъ, нашъ посланникъ гр. Разумовскій, смотрѣлъ на все черезъ австрійскія очки, которыя успѣшно надѣвалъ на него первый министръ баронъ Тугутъ. Считая жалобы Суворова плодомъ старческаго брюзжанья, Разумовскій пишетъ ему безсодержательные отвѣты, даетъ трудно исполнимые совѣты „продолжать великія дѣла съ быстротой вамъ свойственной"... за что послѣ здѣсь „васъ будутъ благодарить, славить и обожать".

Условія дѣятельности, созданныя Гофкригсратомъ, стали, очевидно, невыносимыми, и Суворовъ, цѣлью жизни котораго можно считать войну и достиженіе

боевой воинской славы, просить Императора Павла убрать его съ поприща, ведущаго къ этой цѣли ближайшимъ путемъ. „Робость Вѣнскаго Кабинета, зависть ко мнѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ Гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ“...

Довольно. Думаю, приведенными данными достаточно обрисованы отношенія Совѣта къ главнокомандующему. Они не измѣнились и послѣ этого письма; развѣ больше еще обострились. Гофкригсратъ шире прибѣгаетъ къ вмѣшательству въ распоряженія Суворова, не стѣсняясь своею волей отмѣнять ихъ. Жившій идеей службы и служенія своему Государю и отечеству, Суворовъ остался на своемъ посту до отозванія русскихъ войскъ съ театра войны. Ему пришлось еще пережить ужасные, критическіе дни Швейцарскаго похода. Тамъ онъ освободился отъ Совѣта, но самый походъ является лишь дорогою искупительною жертвой за осуществленіе идеи, зародившейся въ головѣ того же Гофкригсрата.

III.

Стремленіе руководить военными операціями издалека, направлять мысль и волю отвѣтственнаго главнокомандующаго по руслу, желанному правящимъ сферамъ, существовало часто; установилось это съ давнихъ временъ, не исчезло и теперь; достаточно ука-

зать на Баратіери и тѣ незримыя для посторонняго глаза причины, которыя привели этого генерала на поле сраженія при Адуѣ. Въ наиболѣе полную и, можно сказать, въ уродливую форму вылилось это стремленіе въ Австріи, гдѣ съ 1556 года учрежденъ постоянный военный Совѣтъ, въ теченіе почти 300 лѣтъ тяготѣвшій надъ волею и правами главнокомандующаго, дававшій послѣднему не только общія, отправныя соображенія, но подробно разработанные планы, грѣшившіе забвеніемъ о волѣ и дѣйствіяхъ противника. Изъ подражательности и царившаго у насъ въ XVIII стол. сознанія, что все принятое на западѣ благо, такой же Совѣтъ народился и у насъ со времени семилѣтней войны, когда онъ существовалъ подъ именемъ Конференціи.

Но между русскимъ и австрійскимъ Совѣтами лежала глубокая пропасть. Наша Конференція выросла на почвѣ недовѣрія къ военнымъ способностямъ своихъ главнокомандующихъ, а потому она являлась учрежденіемъ временнымъ. Но даже она—всесильная Конференція—умѣла уступать, когда ей приходилось сталкиваться съ талантомъ, знаніемъ, настойчивостью, какъ это было въ 1761 г. по отношенію Румянцова. Какъ наслѣдіе прошлаго, Совѣтъ перешелъ и въ екатерининское царствованіе. Но ясный и глубокій умъ Императрицы подсказывалъ ей отрицательную сторону этого учрежденія и въ первую же при ней веденную войну она вступаетъ въ дѣятельную личную переписку съ главнокомандующимъ, постепенно расширяетъ его самостоятельность и наконецъ въ 1773 году признаетъ за нимъ „полную мочь“.

Приходилось уже отмѣтить причины, значительно

умалившія личное вліяніе Императрицы и снова выдвинувшія въ 1794 году значеніе Совѣта.

Характеръ и взгляды Салтыкова сдѣлали особенно осязательнымъ возрожденіе почти забытаго учрежденія. Главнокомандующій снова оказался на петербургскихъ помочахъ.

Однако, когда на театрѣ военныхъ дѣйствій явился генералъ, хотя и не облеченный опредѣленными полномочіями свыше, хотя и самовольно захватившій въ свои руки власть, хотя лично и не особенно угодный всесильному президенту, но умѣвшій измѣнить ходъ войны, Совѣтъ молчаніемъ подписалъ свое согласіе съ фактомъ совершившимся.

Въ Петербургѣ не понимали войны, свойствъ противника, но поняли своего полководца и предоставили ему необходимую свободу. И предоставили, надо думать, не только по необходимости, по невозможности совладать съ энергичнымъ генераломъ. Неужели у всесильнаго президента Военной Коллегіи не нашлось бы случая вставить палку въ колеса Суворовской колесницы? Нѣтъ, не признаніемъ собственной слабости и безсилія были слова Салтыкова: „ему (Суворову) то и терпятъ“.

Цѣли, желанія и стремленія Совѣта и Суворова по существу были одинаковы: честь, слава, достоинство Россіи, возвеличеніе ея въ средѣ европейскихъ государствъ. Предъ этими высокими вопросами смолкали личныя честолюбія дѣятелей эпохи, ихъ частные интересы.

„Отъ горести по ночамъ спать не могу“, плачется Репнинъ, при началѣ неудачно шедшей кампаніи, „погубили мы славу цѣлаго столь знаменитаго царствованія“.

А если пути направлены къ одной цѣли, то на лицо тѣ побужденія, которыя способны заставить людей поступиться расчетами личнаго самолюбія; конечно— прибавимъ—при наличности честности и запаса здраваго смысла, въ чемъ природа не отказала русскому человѣку.

И у вдохновителя петербургскаго Совѣта, Салтыкова, хотя и не даровитаго, но вѣрнаго и безусловно русскаго человѣка, нашлась сила воли признать свое безсиліе, какъ руководителя Совѣта, и превосходство того, въ чьи руки перешло управленіе ходомъ военныхъ дѣйствій. На время смолкли всѣ голоса, исчезли поползновенія во что бы то ни стало вернуть неожиданно ускользнувшую изъ рукъ власть.

И въ критическія минуты нашего историческаго прошлаго сознаніе необходимости полной мочи начальнику беретъ верхъ надъ противоположными стремленіями. Не смотря на личное нерасположеніе за печальные дни Аустерлица, Императоръ Александръ I въ 1812 году ввѣряетъ власть Кутузову, не навязывая ему никакого Вейротеро-Пфулевскаго измышленія; и жизненный для Россіи вопросъ объ оставленіи Москвы безъ боя рѣшенъ авторитетнымъ голосомъ главнокомандующаго на достопамятномъ совѣтѣ въ Филяхъ.

Иной характеръ австрійскаго Гофкригсрата, выросшаго на почвѣ не только военнаго, но и политическаго недовѣрія. Были періоды, когда во главѣ Совѣта стояли люди съ громкими военными именами, съ крупными дарованіями: Монтекукули, пр. Евгеній Савойскій, гр. Ласси, но въ данное время за безвѣстными, ничего не говорящими именами: Дидрихштейна, Тюрпина, Колоредо, и Ламберта скрывалась рука перваго

министра бар. Тугута, человѣка властолюбиваго, съ большимъ самомнѣніемъ, съ безконечнымъ недовѣріемъ, маленькимъ дарованіемъ и для котораго къ достиженію австрійскихъ интересовъ всѣ пути были честны и хороши. Но почти всѣ эти лица, безспорно, считали себя представителями теоретическихъ знаній.

И Суворову это было извѣстно. О! онъ не дерзалъ называть вѣнскій Совѣтъ „невѣждами“, для послѣдняго у него были наименованія: проекторовъ, бештимтзагеровъ, унтеркунфтъ, бѣдныхъ академиковъ.

И дѣйствительно здѣсь въ Совѣтѣ все умѣли размѣрить, оцѣнить, всякому замку съ сотней человѣкъ гарнизона и 5 пушками удѣлить соотвѣтствующее вниманіе, всесторонне выяснить его стратегическое значеніе, внести это въ планъ кампаніи, опредѣливъ когда и какимъ числомъ надлежало приступить къ его блокадѣ или осадѣ.

Въ лицѣ Суворова и Гофкригсрата столкнулись крайнія противуположности системъ, взглядовъ, направленій. Совѣтъ—представитель чистой теоріи, отвлеченной отъ жизни, опыта, обстановки; здѣсь все основывалось на подсчетѣ матеріальныхъ средствъ: числа войскъ, крѣпкихъ пунктовъ, оборонительныхъ линій. Суворовъ—практикъ; но практика его покоилась на обширномъ теоретическомъ знаніи военнаго дѣла, а вся его военная система была построена на великомъ знаніи живаго орудія войны—человѣка съ его достоинствами и недостатками, съ его физическими и моральными свойствами. Въ то время, когда западно-европейскія арміи знали только еще одну муштру и признавали лишь необходимость обращенія солдата въ возможно идеальную машину, Суворовъ стремился пробу-

дить въ солдатѣ „душу живу“, воспитать въ немъ чувство національной и военной гордости, развить лучшія стороны человѣческой природы. И пріемы достиженія этихъ цѣлей были построены на близкомъ знаніи духовныхъ качествъ, наклонностей и характера русскаго народа. Эти пріемы онъ черпалъ изъ глубины своего русскаго ума, изъ тайниковъ своей русской души.

Основывая свои дѣйствія на вѣчно истинныхъ началахъ, извлеченныхъ изъ общей сокровищницы военной науки и знаній, Суворовъ съ великимъ умѣньемъ примѣнялъ ихъ не только къ обстановкѣ, но и къ свойствамъ русскихъ войскъ, внося такимъ образомъ особыя національныя черты въ свое военное искусство.

И достигнутые имъ результаты извѣстны: обычное мужество и стойкость русскихъ войскъ онъ умѣлъ возвышать до степени героизма, умѣлъ придать войскамъ широко развитой духъ порыва и почина.

Всему этому новые подчиненные Суворова—австрійцы противоставляли, быть можетъ, и болѣе солидное обученіе, но крайнюю пассивность; не отвергая въ теоріи и штыковаго удара, австрійская армія не видѣла въ немъ самаго могучаго средства для рѣшенія тогдашняго боя.

Видоизмѣнить, насколько было возможно въ короткій срокъ, духъ и направленіе австрійской арміи Суворовъ предполагалъ данными арміи инструкціями, установленными ученьями, назначеніемъ русскихъ офицеровъ въ качествѣ инструкторовъ. Внутренній смыслъ и значеніе этой мѣры, обидѣвшей австрійцевъ, остались для нихъ непонятными, ибо и въ арміи признавали число, муштру, но забывали о человѣкѣ.

Тѣмъ менѣе могъ быть понятенъ Суворовъ, какъ полководецъ, представителямъ вѣнскаго Совѣта. Его

отрицаніе необходимости чуть не по днямъ размѣреннаго плана кампаніи, его широкіе и смѣлые замыслы, его скептическое отношеніе къ „крѣпкимъ пунктамъ“ въ странѣ, его стремленіе „непріятеля искать и бить въ полѣ“.... все это возбуждало невольное въ ихъ умахъ подозрѣніе относительно правоспособности Суворова, какъ полководца; а если прибавить къ этому рѣзкую разницу и въ цѣляхъ политическихъ — Суворовъ по приказу своего Императора шелъ спасать царей и царства, а по мнѣнію и желанію вѣнскаго правительства округлять австрійскія владѣнія,—то поводовъ къ недовѣрію оказывалось не мало.

Естественны поэтому и стремленія Совѣта съ одной стороны оградить австрійскіе интересы, а съ другой преподать этому самородку указанія истинной науки и разумной, съ вѣнской точки зрѣнія, осторожности. Широки были на словахъ полномочія Суворову, при назначеніи его главнокомандующимъ, но ничтожна была дѣйствительная власть его, связанная наставленіями, инструкціями и тѣми мѣрами, которыя не стѣснялся принимать Совѣтъ по отношенію непослушнаго главнокомандующаго.

Въ Вѣнѣ мало понимали дѣйствительныя явленія войны, неправильно оцѣнивали своего противника, не смотря на продолжительный опытъ борьбы съ нимъ, не вѣрили въ своего полководца и не довѣряли ему.

Роли перемѣнились; невѣждою постепенно стали считать Суворова, лишь испытанное и безконечное счастье котораго неизмѣнно пока влекло за нимъ побѣду. Связать это испытанное счастье съ свѣтомъ истинной науки, долженствовавшей полнѣе обезпечить успѣхъ, а съ нимъ и достиженіе австрійскихъ вожде-

лѣній, пытался Совѣтъ наставленіями, инструкціями, отдачею продовольственнаго вопроса въ руки Меласа. Но Суворовъ оказался плохимъ ученикомъ: онъ предпочиталъ бить по своему, чѣмъ быть битымъ по всѣмъ правиламъ вѣнской науки и искусства.

Отношенія должны были обостриться. Совѣтъ долженъ былъ отстаивать правоту своихъ дѣйствій и требованій. И опытною рукою прокурора въ Вѣнѣ собирали матеріалъ для составленія обвинительнаго акта, излагавшаго нарушенія полководцемъ такихъ-то пунктовъ и статей свода правилъ дѣйствій противъ непріятеля.

И матеріалъ получился обильный, достаточный не только для нуждъ Совѣта, но и для потребностей потомства и позднѣйшей критики. Поставленъ рядъ обвиненій.

Зачѣмъ Суворовъ 5 дней ожидалъ въ Валеджіо подхода русскихъ войскъ, когда *число* австрійцевъ у него было достаточное. Суворовъ слишкомъ дорожилъ *впечатлѣніемъ* своихъ первыхъ дѣйствій, своихъ первыхъ успѣховъ, желалъ обезпечить ихъ всѣми мѣрами и средствами. Играло, конечно, роль и число, но главное — *присутствіе и участіе* войскъ, качества и свойства которыхъ ему въ совершенствѣ были извѣстны; а таковыми были *только* русскія войска.

Мы видѣли, что за счетъ Суворова записано: бездѣйствіе передъ Треббіей, отсутствіе преслѣдованія послѣ нея, новый періодъ бездѣйствія, безнаказанное отступленіе разбитыхъ при Нови французовъ. Посильно были указаны основныя причины этого, но австрійцы нашли возможнымъ не замѣтить документовъ, обойти ихъ молчаніемъ.

Обвиняютъ, что у Суворова не было диспозиціи для

сраженія при Нови, что атаки его были разрозненны, безсвязны. Есть доля правды. Но, несмотря на сильныя позиціи, искусство и упорство обороны, противникъ былъ совершенно разбитъ. Но, говорятъ, разбитъ не по правиламъ; пусть побьютъ, но да живутъ правила и рецепты.

Какъ видно, у Суворова и Совѣта не было ни одной точки, на которой сходились бы ихъ взгляды. Одна сторона должна была уступить или сойти со сцены. Стойкой организаціи Совѣта не удалось сломить такому гиганту воли и энергіи, каковымъ былъ Суворовъ. Для австрійской политики лучшимъ средствомъ оказалось удаленіе Суворова съ поля, на которомъ трудами его почва была расчищена, успѣхи достигнуты, результаты ихъ почти обезпечены.

Суворова отправили въ Швейцарію. Онъ ушелъ, унося съ собою прочно установленный австрійскимъ Совѣтомъ аттестатъ полководца, можетъ быть и счастливаго, но чуждаго знаній и истинныхъ принциповъ военнаго дѣла.

Мих. Алексѣевъ.

Суворовъ подъ Измаиломъ.

(Характеристика Суворова по опыту штурма Измаила. 11 декабря 1790 г.)

Сообщеніе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба ординарнаго профессора полковника *Б. М. Колюбакина.*

Обыкновенно, въ частномъ ли обществѣ, среди людей невоенныхъ, и даже въ военномъ обществѣ, слышишь такія сужденія о Суворовѣ: „ну, что ваша наука, теорія, ваше такъ называемое военное искусство, вотъ Суворовъ, онъ теоріею не занимался, ни надъ чѣмъ особенно не задумывался, онъ дѣйствовалъ просто, онъ безъ особаго разсчета, безъ хитрости и искусства, дѣйствовалъ напроломъ, напрямки, и бралъ однимъ натискомъ. Напримѣръ, что проще взятія Измаила,—одушевилъ, остервѣнилъ солдатъ, да не долго думая, прямо и просто ударилъ съ ними на крѣпость и взялъ".

Подобная, довольно обычная въ нашемъ русскомъ обществѣ характеристика Суворова представляется болѣе чѣмъ невѣрной, и уже во всякомъ случаѣ—односторонней; полагаемъ, что великій фельдмаршалъ арміи Россійской горько посмѣялся бы надъ подобнымъ сужденіемъ.

Въ этомъ сужденіи справедливо лишь то, что самыя дѣйствія были просты, и не то, чтобы Суворовъ дѣй-

ствовалъ спроста, а что войска получали простыя указанія и самое исполненіе, самыя дѣйствія войскъ не были ни сложны, ни хитры, ни мудры—а дѣйствительно просты.

Простота эта заключалась лишь во внѣшней формѣ дѣйствій, но этой простотѣ исполненія войскъ предшествовала непрерывная, тщательная, упорная, мудрая, всесторонняя и сложная внутренняя работа, работа ума, тонкій всеобъемлющій разсчетъ, иначе—искусная подготовка въ обширномъ и тѣсномъ значеніи слова.

Всякая простота слова и дѣйствія обезпечивается сложной работой ума. Значеніе подобной всеобъемлющей внутренней работы, подобной искусной подготовки, особенно ярко и выразительно усматривается при штурмѣ Измаила Суворовымъ въ зиму 1790 года, въ исходѣ 2-ой турецкой войны.

Съ 1787 года уже четвертый годъ тянулась 2-ая турецкая, такъ называемая „Потемкинская“ кампанія, въ теченіе которой мы взяли Очаковъ, отбили всѣ попытки турокъ вернуть себѣ обратно Крымъ и побережье Новороссіи, нанесли пораженія арміи визиря у Фокшанъ и Рымника, нанесли туркамъ пораженіе на морѣ, взяли Хаджи-бей (будущую Одессу) и овладѣли всѣмъ теченіемъ Днѣстра со всѣми лежащими на немъ крѣпостями.

Такимъ образомъ, мы приблизились къ Дунаю, армія расположилась на Днѣстрѣ, австрійцы Кобурга расположились въ Валахіи и отрядъ Суворова сталъ на р. Серетѣ.

Къ началу 1790 г. дальнѣйшіе наши успѣхи были остановлены крайне невыгодно сложившейся для насъ

политической обстановкой: союзникъ, личный другъ и восторженный поклонникъ великой монархини императоръ Іосифъ II-й—сошелъ въ могилу, Австрія тяготилась войной, Англія и Пруссія употребляли всѣ мѣры оторвать ее отъ союза съ Россіею, и это отторженіе было только вопросомъ времени; Пруссія заключила союзъ съ Турціею и принудила Польшу 29 марта 1790 г. заключить съ ней союзъ, угрожая намъ одновременно вторженіемъ 40000 въ Лифляндію, 40000 въ Галицію и имѣя за этими отрядами еще 100,000 армію; наконецъ все еще тянулась война съ Швеціею.

Въ подобныхъ условіяхъ надо было торопиться съ рѣшительными дѣйствіями противъ Турціи.

Между тѣмъ за лѣто 1790 года великолѣпный князь Тавриды впалъ въ нѣкоторое усыпленіе, нарушавшееся развѣ только сказочными празднествами.

Ждали успѣха переговоровъ съ Турціею, ограничиваясь очень скромными требованіями, но ожиданія были напрасны; поощряемая нашими врагами, Турція упорствовала, а между тѣмъ приближалась осень, время наиболѣе удобное для веденія операціи въ низовьяхъ Дуная.

9 сент. 1790 г. Австрія заключила договоръ съ Турціею и происки враждебнаго намъ запада, Англіи и Пруссіи, не ограничившихся отторженіемъ Австріи, добились статьи договора, по которой Австрія обязалась запретить доступъ Россіи въ занимаемую ею Валахію, и такъ какъ р. Серетъ считалась границей союзныхъ державъ, то наши дальнѣйшія дѣйствія должны были ограничиться узкой полосой между Галацемъ и моремъ, чѣмъ враги наши поставили насъ въ стратегическомъ отношеніи болѣе чѣмъ въ затрудни-

тельное положеніе, съузивъ сферу дѣйствія и сковавъ наши операціи.

Турція, поощряемая западомъ, и болѣе чѣмъ когда либо упорствовавшая въ заключеніи мира, приняла цѣлесообразный планъ дѣйствій, заключавшійся въ наступленіи правымъ крыломъ (40000 Баталъ-паши на Кубани, сильный дессантъ въ Крымъ) и строго пассивной оборонѣ на лѣвомъ,—въ низовьяхъ Дуная.

Сила этой обороны заключалась въ свойствахъ Дуная, какъ преграды, въ рядѣ здѣсь крѣпостей, снабженныхъ продовольственными и боевыми запасами и въ сосредоточеніи здѣсь значительной, въ нѣсколько сотъ судовъ рѣчной флотиліи.

Рѣка Дунай, обогнувъ Валахію, течетъ отъ Галаца къ востоку и въ 17 вер. ниже крѣп. Исакчи, дѣлится на два рукава: лѣвый, мимо Измаила и Киліи бѣжитъ въ море, правый Сулинскій,—ниже крѣп. Исакчи дѣлится на два рукава, на лѣвый (собств. Сулинскій) судоходный и правый—несудоходный (Георгіевскій).

Оборонительная сила Дуная усиливалась крѣпостями: Киліею, Измаиломъ, Тульчей, Исакчей и укрѣпленнымъ Браиловымъ.

Особенное значеніе принадлежало Измаилу: по мѣсту расположенія, по силѣ укрѣпленій, по сосредоточенію здѣсь значительныхъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, по сосредоточенію здѣсь наибольшей живой силы,—цѣлой арміи, усиленной гурнизонами Рущука и Силистріи и пребыванію здѣсь рѣчной флотиліи.

Предположенія Потемкина на осень 1790 г. заключались въ завладѣніи этимъ нижнимъ теченіемъ Дуная и лежащими на немъ крѣпостями при помощи сухопутныхъ войскъ и флотиліи.

Къ осени 1790 г. войска Потемкина были расположены: выше Бендеръ, какъ бы въ наблюденіи за Польшею,—сильный корпусъ Репнина, остальныя войска на Днѣстрѣ, отъ Бендеръ до Паланки, имѣя отрядъ Суворова между р.р. Прутомъ и Серетомъ, съ гл. кварт. въ Бырладѣ.

11-го сентября войска выступили съ Днѣстра и къ 18-му сосредоточились: *у с. Татаръ-Бунаръ*—отрядъ ген. анш. Меллера-Закомельскаго, *у с. Табаки*—ген. пор. Потемкина; первому указано—взять Килію, второму удержать демонстраціями Измаильскій гарнизонъ на мѣстѣ; одновременно Суворовъ направленъ къ Галацу и Браилову.

Г. М. Де-Рибасу приказано выступить съ флотиліею изъ Очаковскаго лимана, соединиться съ 48 дубами Черноморскихъ казаковъ войск. старшины Головатаго и вступить въ Дунай, эскадрѣ Пустошкина ограждать дѣйствія флотиліи.

18 октября ген. пор. Гудовичъ овладѣваетъ Киліею, 5000-ый гарнизонъ которой свободно отступаетъ въ Измаилъ.

13 окт. выступаетъ флотилія Де-Рибаса, 18 соединяется съ Головатымъ, который въ тотъ же день занимаетъ Килійское гирло, а Де-Рибасъ входитъ въ Сулину. 20-го Де-Рибасъ овладѣваетъ батареями у входа въ Сулину, 7-го ноября занимаетъ Тульчу, входитъ въ Сулинское гирло и, совмѣстно съ Головатымъ, совершенно изолируетъ турецкую флотилію у Измаила, послѣ чего 13 ноября занимаетъ Исакчу.

По полученіи извѣстія о занятіи Исакчи, Потемкинъ приказываетъ Де-Рибасу занять островъ Сулину и уничтожить турецкую флотилію подъ Измаиломъ, что

Де-Рибасъ съ полнымъ успѣхомъ и выполнилъ въ періодъ съ 18 по 20-е ноября и, ставъ съ флотиліею подъ Измаиломъ, ожидаетъ содѣйствія сухопутныхъ войскъ, для овладѣнія Измаиломъ.

Съ 24 ноября сухопутныя войска, подъ начальствомъ ген. пор. Самойлова и Потемкина, ставъ полукружіемъ вокругъ Измаила, довершаютъ блокаду его съ сухаго пути.

Подъ Измаиломъ явилось такимъ образомъ три равноправныхъ и самостоятельныхъ начальника, власть не была объединена, каждый дѣйствовалъ по своему, въ результатѣ—отсутствіе единства и рѣшительности дѣйствій; драгоцѣнные дни осени проходили, подходила зима; войска начали терпѣть лишенія и въ продовольствіи и особенно въ топливѣ; страдали они и отъ сырости и холода; Де-Рибасу слѣдовало еще торопиться подъ Браиловъ, къ Суворову.

Нерѣшительность дѣйствій подъ Измаиломъ, кромѣ разноначалія, заключалась еще въ силѣ и недоступности Измаильской крѣпости.

Измаилъ лежитъ на лѣвомъ берегу Дуная, тамъ гдѣ кончается дельта и начинается твердый берегъ, отсюда значеніе двойнаго порта, внѣшняго и внутренняго рѣчнаго.

У Измаила же сходятся пути изъ Галаца, Хотина, Бендеръ, Аккермана, Паланки и Киліи; отсюда его естественное торговое и промышленное значеніе, и значеніе какъ бы воротъ для вторженія, какъ въ Добруджу, такъ и обратно въ Бессарабію.

Ограниченіе операціи низовьями Дуная усилило значеніе Измаила.

Понимая значеніе Измаила, турки съ 1774 года

сильно его укрѣпили и расширили для вмѣщенія значительнаго гарнизона, цѣлой небольшой арміи, назвавъ крѣпость—„орду-каллесси“, т. е. армейская.

Самый городъ широкой низиной съ сѣвера на югъ дѣлится на двѣ части: на западную, старый городъ, и восточную—новый. Съ окрестной страной городъ сообщается Бросскими, Хотинскими, Бендерскими и Килійскими воротами.

Главный валъ, общимъ протяженіемъ въ 6 верстъ, представляетъ прямоугольный треугольникъ, обращенный гипотенузой, въ $2^1/_2$ версты протяженія, къ востоку; стороной въ $1^1/_2$ вер.—къ западу и стороной въ 2 вер. протяженія примыкаетъ къ Дунаю.

Главный валъ представлялъ ломанную линію, сочетаніе семи бастіоновъ со многими исходящими и входящими углами, безъ всякихъ внѣшнихъ построекъ; высота вала отъ 3—4 саж. вышины; ширина рва 6 саж. и глубина 3—5 саж.; ровъ мѣстами водяной, высота воды, мѣстами, до плечъ.

Важнѣйшими пунктами оборонительной линіи крѣпости служили:

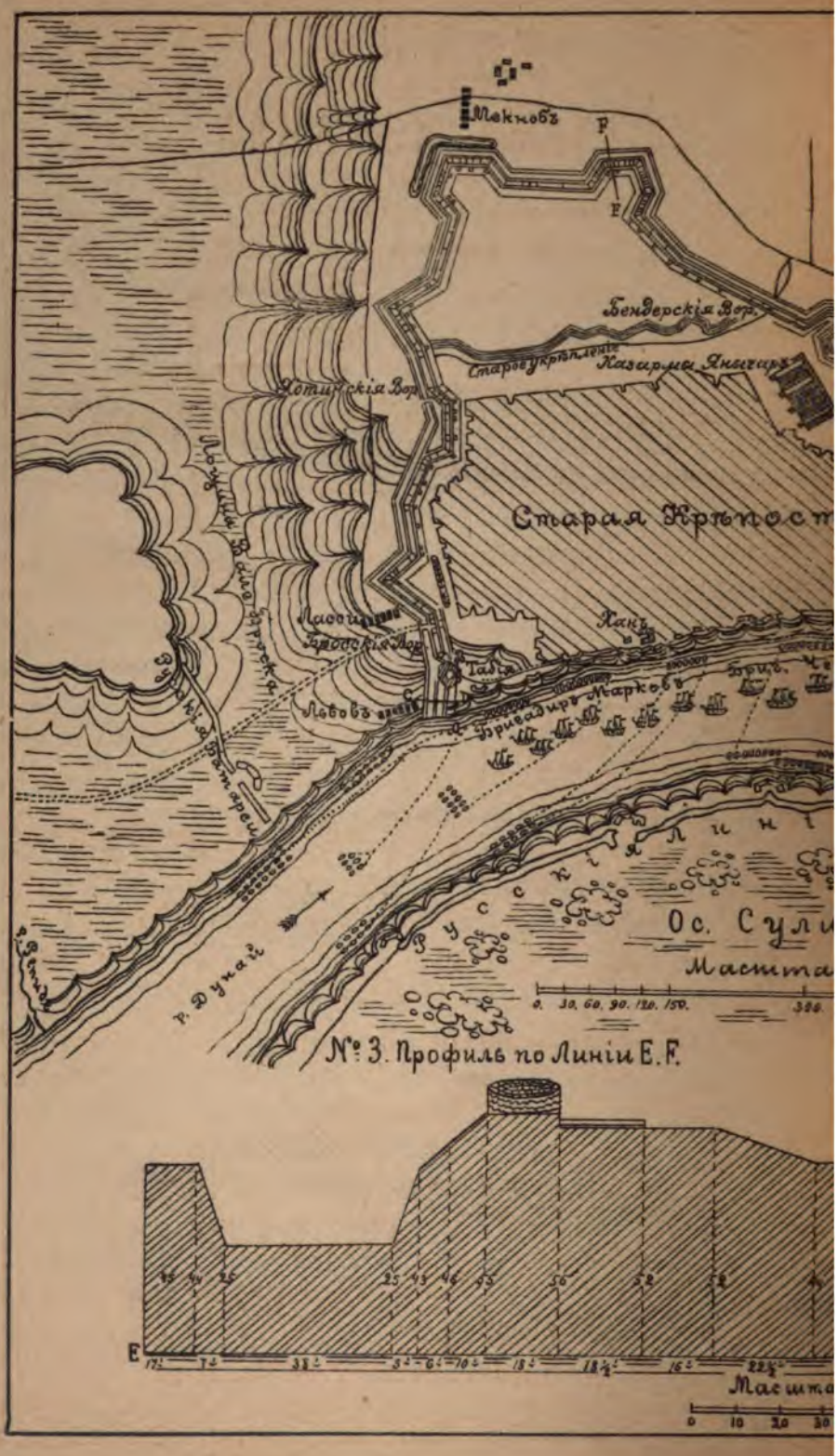
а) каменная башня, „табія“, съ двойной пушечной обороной и узкой горжей, находившаяся въ западномъ углу;

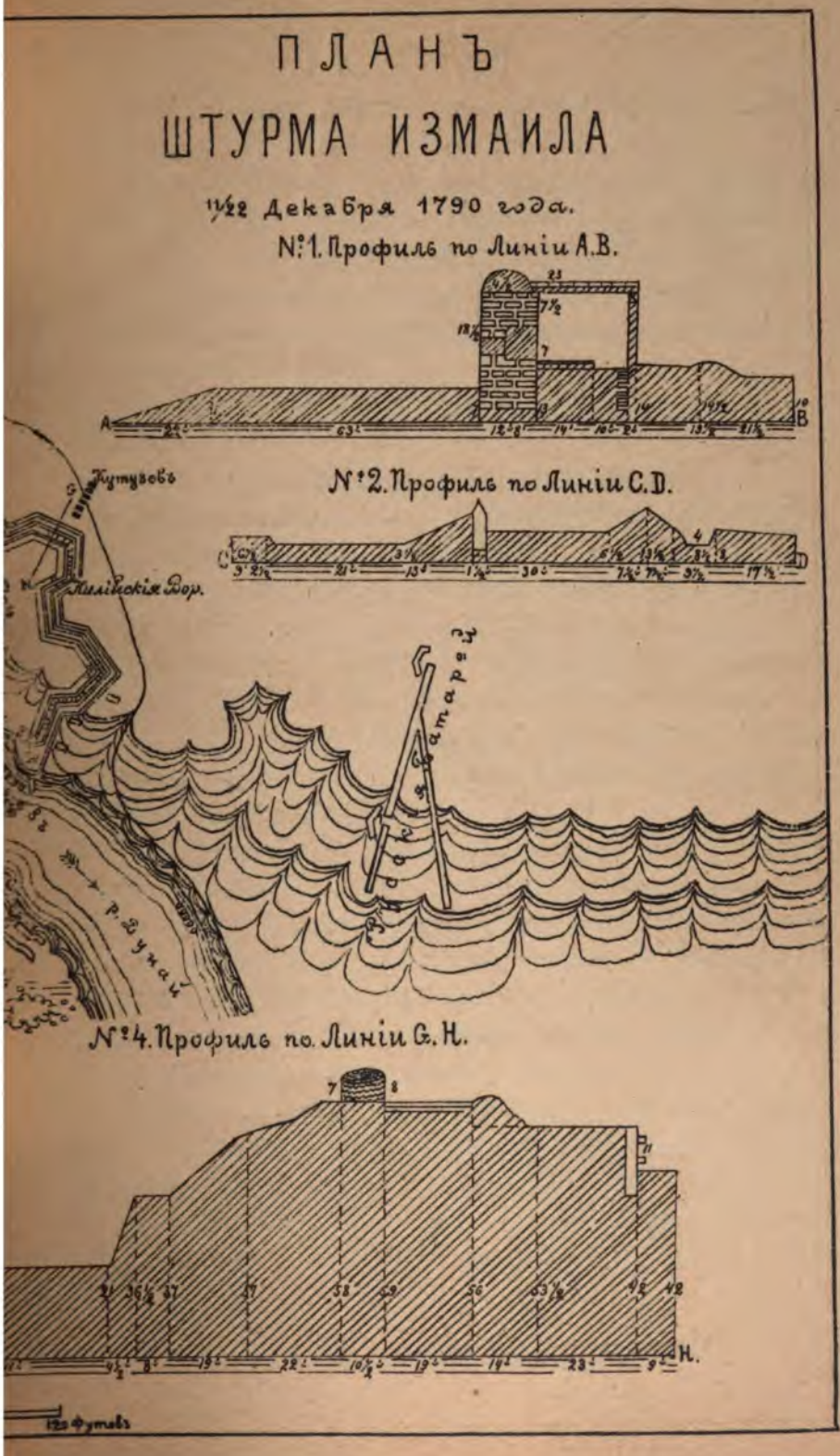
б) земляной кавальеръ на 22 оруд. въ восточномъ углу;

в) сѣверный бастіонъ съ каменной одеждой, усиленный башнями по угламъ;

г) Многія отдѣльныя каменныя зданія внутри крѣпости, какъ бы—ретраншаменты и редюиты;

Обширные каменные погреба (подъ склады)—укрывали гарнизонъ отъ бомбардированія.


Мекнобъ
F
F
Бендерскія Вор.
Старое Укрѣпленіе
Казармы Янычаръ
Ясинскія Вор.
Старая Крѣпост
Ласси
Бродскія Вор.
Ханъ
Табія
Львовъ
Бригадиръ Марковъ
Русскія Батареи
Русскія Линіи
Ос. Сули
Масшта
р. Дунай
0. 30. 60. 90. 120. 150. 300.
№ 3. Профиль по Линіи E.F.
E
Масшта
0 10 20 30


ПЛАНЪ
ШТУРМА ИЗМАИЛА
11/22 Декабря 1790 года.
№1. Профиль по Линіи А.В.
№2. Профиль по Линіи С.D.
№4. Профиль по Линіи G.H.
Кутузовъ
Килійскія Вор.
р. Дунай
120 футовъ

На вооруженіи крѣпости находилось болѣе 200 орудій.

Но главная сила крѣпости заключалась въ живой силѣ, въ многочисленномъ гарнизонѣ, въ составѣ котораго было 17,000 отборныхъ янычаръ, и въ опытномъ, мужественномъ и рѣшительномъ комендантѣ.

Такимъ образомъ, значеніе Измаила заключалось:

а) въ матеріальной силѣ крѣпости,

б) въ обезпеченіи ея боевыми и продовольственными запасами,

в) въ мужествѣ коменданта и гарнизона,

г) въ сознаніи ихъ въ неодолимости и неприступности крѣпости,

д) въ рѣшимости коменданта, гарнизона и жителей побѣдить или лечь костьми на развалинахъ города.

Таковъ былъ грозный Измаилъ, представившій серьезную помѣху къ заключенію столь желаемаго Императрицей міра, и 1-го Ноября императрица писала Потемкину: „обратить всѣ силы и вниманіе и стараться достать миръ съ турками“.

Императрица требуетъ мира, а турки его не даютъ, твердо вѣруя въ неприступность Измаила, а безъ его овладѣнія никакихъ операцій, которыя бы заставили турокъ искать мира, исполнить нельзя, что сознавали и турки, и представители Англіи, Пруссіи и Польши, засѣдавшіе въ Систовѣ и зорко отсюда слѣдившіе за затруднительнымъ положеніемъ Россіи.

Такимъ образомъ и политика, и стратегія равномѣрно требовали взятія Измаила, въ Измаилѣ какъ бы завязался „гордіевъ узелъ“, который развязать путемъ осады или блокады не было времени, съ временемъ надо было возможно торопиться, а разрубить

его путемъ штурма — представлялось предпріятіемъ непосильнымъ и сомнительнымъ.

Здѣсь требовался подвигъ и особо вдохновенный мастеръ, и Потемкинъ остановился на Суворовѣ, бывшемъ въ 100 вер. отъ Измаила, подъ Галацемъ.

Пока Потемкинъ рѣшилъ обратиться къ Суворову, какъ къ вѣрному, рѣшительному и послѣднему средству, положеніе дѣлъ подъ Измаиломъ представлялось болѣе чѣмъ безотраднымъ: наступленіе холоднаго времени, недостатокъ топлива и продовольствія, труды и лишенія блокадной службы, въ связи съ необходимостью постоянной бдительности и готовности въ виду многочисленнаго гарнизона, все это повліяло на здоровье войскъ,—начались болѣзни.

Неудачныя же попытки склонить гарнизонъ къ сдачѣ и нерѣшительность дѣйствій повліяли и морально,—войска блокаднаго корпуса начали падать духомъ.

Надо было на что нибудь рѣшиться, и подъ Измаиломъ собрался военный совѣтъ, постановившій сомнительность успѣха штурма, который „купится дорогой цѣной“, а потому „представить все сіе на высокое разсмотрѣніе Его Свѣтлости главнокомандующаго“, а пока рѣшено ограничиться дальней блокадой, короче,—остановились на одномъ лишь наблюденіи.

Затѣмъ, не ожидая отвѣтнаго рѣшенія Потемкина, начали отводить войска частями отъ крѣпости, а де-Рибасъ началъ собираться плыть подъ Галацъ, къ Суворову.

Ко времени принятія подобнаго рѣшенія, 25 ноября Потемкинъ пишетъ собственноручно Суворову: „Флотилія подъ Измаиломъ истребила суда непріятельскія, и сторона города къ водѣ открыта, остается предпри-

нять съ помощью Божьею на овладѣніе города. Для сего Ваше Сіят-ство изволите поспѣшить туда для принятія всѣхъ частей въ Вашу команду... прибывъ на мѣсто осмотрите съ инженерами слабыя мѣста. Сторону города къ Дунаю я почитаю слабѣйшую, если означать, тѣмъ чтобы взойдя тутъ гдѣ ни есть ложироваться. И уже отоль вести штурмованіе, дабы и въ случаѣ чего Боже сохрани отраженія, было куда обратиться".

Въ тотъ же день посылаетъ другой ордеръ: „Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость, поспѣши мой милостивый другъ. По моему ордеру къ тебѣ присутствіе личное твое соединитъ всѣ части. Много тамъ разночинныхъ генераловъ, а изъ того выходитъ всегда нѣкоторый родъ сейма нерѣшительнаго... огляди все и распоряди, и помоляся Богу предпринимайте; есть слабыя мѣста, лишь бы дружно шли". Вѣрнѣйшій другъ и покорный слуга Кн. Потемкинъ Таврическій.

Между тѣмъ войска блокаднаго корпуса въ мрачномъ, убитомъ настроеніи, въ сознаніи даромъ потраченныхъ трудовъ, усилій и лишеній,—оставляли Измаилъ; турки торжествовали снятіе осады пальбой и криками.

Но вотъ 27-го ноября, какъ электрическая искра обѣжало войска извѣстіе о назначеніи Суворова и мгновенно все ожило, все возликовало, и въ душѣ каждаго солдата явилась твердая увѣренность въ паденіи Измаила; „прибудетъ Суворовъ, возьметъ его штурмомъ".

Де-Рибасъ тотчасъ писалъ Суворову: „съ такимъ героемъ, какъ Вы, всѣ затрудненія исчезнутъ".

А Суворовъ, получивъ повелѣніе Потемкина, 30 ноября доноситъ ему: „получа повелѣніе Вашей Свѣт-

лости, отправился я къ сторонѣ Измаила, Боже даруй Вамъ свою помощь".

Приказавъ войскамъ своего Галацкаго отряда немедленно заняться изготовкой 30-ти большихъ лѣстницъ и 1000 фашинъ и направить ихъ подъ Измаилъ и указавъ слѣдовать туда же маркитантамъ съ разными видами довольствія, Суворовъ отправляетъ одновременно изъ подъ Галаца небольшой, но отборный отрядъ въ составѣ 4-хъ бат-въ своего любимаго Фанагорійскаго полка, 1000 чел. отборныхъ арнаутовъ и 150 чел. стрѣлковъ Апшеронскаго полка.

Затѣмъ немедленно ѣдетъ и самъ къ Измаилу, менѣе чѣмъ въ полутора сутокъ пробѣгаетъ 100 верстъ и 2-го декабря, въ сопровожденіи лишь одного казака, прибываетъ къ Измаилу, немедленно приступивъ къ подготовкѣ штурма, и проявивъ въ теченіе этихъ девяти до штурма дней изумительную энергію и дѣятельность.

Здѣсь, на мѣстѣ, Суворовъ получаетъ третій ордеръ Потемкина: „предоставляю Вашему Сіятельству поступить тутъ по лучшему Вашему усмотрѣнію, продолженіемъ ли предпріятій на Измаилъ или оставленіи онаго, будучи на мѣстѣ, и имѣя руки развязанныя, не упустите ничего для пользы и славы оружія".

Назначивъ Суворова, лучшаго въ своемъ распоряженіи боеваго генерала, назначивъ его въ періодъ прекрасныхъ между ними отношеній, объединивъ всю власть въ рукахъ Суворова, давъ ему полную мочь, полную свободу дѣйствій, и наконецъ не пріѣхавъ лично, Потемкинъ сохранилъ Суворову всю необходимую для труднаго дѣла нравственную энергію.

Конечно Потемкинъ могъ и самъ пріѣхать, и ему было бы больше и личныхъ выгодъ и славы донести Императрицѣ о взятіи крѣпости изъ подъ самаго Измаила. Потемкина можно упрекнуть развѣ только въ томъ, что онъ не усилилъ Суворова войсками съ Днѣстра, хотя бы кавалеріею, такъ какъ у Суворова съ приведенными изъ подъ Галаца войсками едва набралось 30.000 чел.

Ознакомившись на мѣстѣ съ обстоятельствами и осмотрѣвъ Измаилъ, Суворовъ нашелъ предпріятіе болѣе серьезнымъ и труднымъ, чѣмъ полагалъ его въ Галацѣ и, не говоря уже о силѣ измаильскихъ укрѣпленій, глубинѣ профили (высота эскалады отъ 4 до 9 саж.), турецкій гарнизонъ, превышавшій на 10000 человѣкъ осадный корпусъ, имѣлъ 17000 отборной турецкой пѣхоты янычаръ—противъ 14000 пѣхоты Суворова и 8000 кавалеріи противъ 2500 русской, причемъ остальныя силы Суворова представляли войска милиціоннаго характера (донскіе казаки безъ лошадей, арнауты).

Но всѣ эти обстоятельства не остановили Суворова въ твердомъ и безповоротномъ рѣшеніи взятія Измаила штурмомъ, и онъ только съ удвоенной и безпримѣрной энергіей принялся за исполненіе возложенной на него задачи, донеся Потемкину „о сближеніи войскъ на прежнія мѣста“, о заготовленіи осадныхъ средствъ, „коихъ не было“ и о „пылкой ревности къ службѣ генералитета и войскъ“.

Суворовъ лично прибылъ 2-го, 5-го войска вернулись обратно, 6-го подошелъ отрядъ изъ Галаца и такимъ образомъ войска имѣли на подготовку 6—7 сутокъ и лично Суворовъ 9.

Подготовка штурма обнимала вообще:

А) *Сосредоточеніе*, и въ этомъ отношеніи Суворовъ исполнилъ все, что было ему въ силахъ, заботливо притянувъ сюда возможныя силы изъ подъ Галаца.

Б) *Приближеніе войскъ къ крѣпости*, что исполнено Суворовымъ на 2 вер. ближе прежняго расположенія, поставивъ войска полукружіемъ.

В) *Показъ штурма начальникамъ*, заключавшій въ себѣ рядъ развѣдокъ подступовъ къ крѣпости въ различныхъ направленіяхъ, исполненныхъ Суворовымъ со всѣми старшими и младшими колонными начальниками, штабъ-офицерами и офицерами штаба, на разстояніи ружейнаго выстрѣла; на этихъ развѣдкахъ всѣмъ частнымъ начальникамъ указаны: *цѣль и направленіе* той или другой штурмовой колонны, *средства и способы достиженія цѣли, связи и взаимной поддержки* и преодолѣнія мѣстныхъ и другихъ препятствій, короче—это и былъ полный показъ штурма начальникамъ.

Г) *Показъ штурма войскамъ* (слѣдуя своему правилу—полнаго пониманія маневра послѣднимъ солдатомъ) простой, ясный, точный, всѣмъ понятный, наглядный показъ штурма вала, подобнаго Измаильскому, и на особо для того насыпанныхъ валахъ точной Измаильской профили, что заключало:

а) *Показъ молодымъ солдатамъ и не прошедшимъ его школы,—какъ колоть*, наглядный, осязательный, конкретный, на соломенныхъ чучелахъ, одѣтыхъ въ турецкіе костюмы; показъ и упражненіе въ одиночку и малыми колоннами.

б) *Показъ эскалады Измаильскаго вала во всей подробности, въ соотвѣтствующей постепенности и*

въ условіяхъ снаровки и быстроты ея производства; здѣсь детально показано, гдѣ въ колоннахъ быть рабочимъ, гдѣ стрѣлкамъ, какъ имъ подходить къ валу, какъ занимать, какъ забрасывать валъ фашинами, какъ ихъ класть, какъ переходить, какъ ставить и связывать лѣстницы, какъ взбираться по нимъ, и по валу, пособлять другъ другу, какъ ломать палисады, и т. д.; здѣсь Суворовъ, говоритъ поэтъ Байронъ, „училъ молодыхъ солдатъ, какъ, подобно саламандрамъ, выходить цѣлыми изъ огня и опасностей".

Д) *Отдача подробнаго „приказа-наставленія" для штурма,* изложеннаго ясно, просто и, одновременно, замѣчательно обстоятельно, согласно которому войскамъ указано вести атаку со всѣхъ сторонъ, тремя главными отрядами, или девятью колоннами, съ раздѣленіемъ каждой колонны на двѣ части, на передовую или боевую и резервную; въ каждой колоннѣ—мѣсто и порядокъ охотниковъ, егерей, рабочихъ и штурмовыхъ баталіоновъ, снабженіе войскъ средствами эскалады, гдѣ и какъ нести, точно переименованы эти средства эскалады для каждой колонны и т. п.

Тамъ же указано время выступленія изъ лагеря, время штурма, особо порядокъ занятія вала, и особо порядокъ атаки города, мѣры для предупрежденія взрыва пороховыхъ погребовъ.

Тѣмъ же „наставленіемъ" Суворовъ весьма любопытно и характерно распорядился прикомандированными къ осадному корпусу представителями нашей и иностранной знатной молодежи; всѣ эти люди жаждали подвиговъ и славы, а многіе просто сильныхъ ощущеній, и вотъ Суворовъ, противно обычаю, не держалъ ихъ при своемъ большомъ и малыхъ штабахъ, а на-

значилъ ихъ въ войска, въ боевую часть, и даже прямо—въ первую голову, оставивъ ихъ во главѣ охотничьихъ, и рабочихъ командъ и передовыхъ баталіоновъ, и, такимъ образомъ, и здѣсь Суворовъ, правильно опредѣливъ ихъ свойства (жажда подвиговъ, славы, отличій и сильныхъ ощущеній), использовалъ ихъ вполнѣ.

Не менѣе любопытенъ составъ Суворовскаго штаба въ 40 человѣкъ, въ числѣ коихъ 1 оберъ-офицеръ квартирм. части, 5 штабъ и оберъ-офицеровъ, 3 ординарцъ-офицера, 6 конныхъ унтеръ-офицеровъ, 1 войсковой старшина и 24 казака (расторопныхъ) для посылокъ; въ числѣ этихъ лицъ не встрѣчаемъ громкихъ фамилій и титуловъ, это очевидно были простые люди, люди опыта, труда, на лучшихъ лошадяхъ, это была ординарческая команда, легкая, подвижная, летучая,—вотъ средство для управленія боемъ въ рукахъ Суворова. Здѣсь встрѣчаемъ мы одно исключеніе, камергеръ графъ Чернышевъ, но и это назначеніе Суворовъ какъ бы оговариваетъ въ наставленіи, прибавивъ: „по особливому искусству".

На невысокомъ, совершенно отдѣльномъ курганчикѣ, расположеннымъ по срединѣ сухопутнаго наступленія, назначаетъ Суворовъ свое мѣстопребываніе, отвѣчавшее условіямъ—центральнаго расположенія, обозрѣнія, оріентированія и управленія.

Къ отдѣлу подготовки отнесемъ такъ же:

Е) *Постройку осадныхъ* (съ демонстративной цѣлью) *батарей*, въ 160—200 саж. отъ крѣпости.

Ж) *Подготовку осадныхъ средствъ* и въ этомъ отношеніи замѣчательна предусмотрительность Суворова, изготовившаго часть ихъ въ Галацѣ, приказавъ войскамъ осады подъ Измаиломъ, работая день и ночь,

изготовить другую часть, въ количествѣ 40 лѣстницъ и 2000 фашинъ.

3) Подготовку продовольствія,—высылка маркитантовъ изъ Галаца.

I) Подготовку и содѣйствіе де-Рибасу въ заготовкѣ средствъ для осадныхъ батарей на островѣ и для десантовъ.

Схвативъ своимъ глазомѣромъ свойство крѣпости, какъ предмета дѣйствія, и свойство, природу явленія штурма, Суворовъ, сообразно усмотрѣннымъ имъ здѣсь двумъ предметамъ и двумъ явленіямъ, крѣпостному валу и азіатскому, со множествомъ каменныхъ зданій, городу и различію ихъ свойствъ, соотвѣтственно и организуетъ нападеніе какъ бы въ два пріема, штурмъ вала особо и, особо штурмъ города.

Штурмъ вала. Успѣхъ штурма вала Суворовъ строитъ на внезапности, т. е. на совокупности скрытности и быстроты; для скрытности Суворовъ назначаетъ—ночь, быстроту—обезпечиваетъ рядомъ распоряженій; для штурма вала не требуется много войскъ, успѣхъ вѣдь не въ силѣ, а въ внезапности, и вотъ для атаки вала Суворовъ назначаетъ лишь половину всѣхъ штурмовыхъ колоннъ, передовыя (боевыя) части колоннъ и только пѣхоту.

Но на случай (частный), когда бы понадобились резервы (вторая половина колонны), Суворовъ предусмотрительно оговариваетъ: „у колоннаго начальника воля не отнимается употреблять свой резервъ по лѣстницамъ или въ ворота или отсылать въ другія колонны".

Штурмъ города. Успѣхъ штурма города, обороняе-

маго и войсками и обрекшимъ себя на гибель фанатическимъ населеніемъ, не можетъ уже быть построенъ на внезапности, здѣсь нужны всѣ силы, войска—въ рукахъ, управленіе ими, связь, взаимная поддержка, подготовка артиллеріею и вообще содѣйствіе и артиллеріи и кавалеріи, и наконецъ нуженъ—свѣтъ (для полнаго обозрѣнія, оріентированія), т. е. необходимо вести атаку города днемъ. Суворовъ и ведетъ дѣло съ разсчетомъ, взявъ валъ ночью, съ разсвѣтомъ, имѣя все въ боевой части, вести атаку города и указываетъ: „всѣмъ войскамъ наистрожайше воспрещается взойтедъ на валъ, никому отнюдь внутрь города не бросаться, но быть въ порядкѣ, стоя на крѣпости до повелѣнія; резервы входятъ не прежде, какъ ворота будутъ открыты, и войдутъ въ городъ, построясь фронтомъ къ эспланадѣ, т. е. между валомъ и строеніями, передъ своей колонной".

Внезапность захвата вала, т. е. скрытность и быстрота достигались Суворовымъ:

Скрытность:—демонстративной осадой (батареи и траншеи), выборомъ ночнаго времени, демонстраціею ракетами („ракеты для пріученія босурманъ—пускать каждый день, въ каждой колоннѣ, передъ разсвѣтомъ), и сокрытіемъ истиннаго значенія ракетъ передъ штурмомъ, безшумнымъ движеніемъ, подходомъ къ пункту атаки и расположеніемъ передъ нимъ („и лягутъ всѣ колонны тихо").

Быстрота (—сокращеніемъ разстояній и показомъ): прямолинейнымъ, прямо передъ собою, движеніемъ колоннъ, заблаговременнымъ приближеніемъ лагерей на 2 версты, подведеніемъ колоннъ по 2-й ракетѣ на 300 шаговъ, движенію бѣгомъ по 3-й ракетѣ, и нако-

нецъ—быстрому исполненію самой эскалады, благодаря предварительной подготовкѣ,—показу и выучкѣ.

Результатъ подготовки скрытности и быстроты—обезпеченіе полученія необходимой и возможной въ данныхъ условіяхъ внезапности.

Измаильская крѣпость представляла собою—обширный, закрытый мѣстный предметъ и успѣхъ атаки его требовалъ сильной, продолжительной огневой (въ данномъ случаѣ—артиллерійской) подготовки атаки со всѣхъ сторонъ и одновременности атаки.

Суворовъ и прибѣгаетъ, столь же полно и всесторонне къ подготовкѣ атаки этого обширнаго мѣстнаго предмета—*къ сильному, возможно дѣйствительному обстрѣливанію его огнемъ болѣе 500 орудій* (съ острова и флотиліи де-Рибаса) цѣлый день наканунѣ, всю ночь, а къ разсвѣту пустыми выстрѣлами,—*къ атакѣ его со всѣхъ сторонъ* и *къ одновременности атаки*, чѣмъ и достигаетъ полнаго и равномѣрнаго разсосредоточенія обороны на всемъ 6-ти верстномъ протяженіи ограды крѣпости.

Одновременность удара достигается: движеніями и дѣйствіями по тремъ ракетамъ, уравненіемъ расположенія всѣхъ колоннъ, передъ ударомъ, въ 300-ахъ шагахъ отъ вала, и наконецъ временемъ, вывѣркой часовъ,—„учредя на то карманные часы равнообразно, дабы единовременно напасть по данному сигналу, который послѣдуетъ въ 5 часовъ“.

Парированіе случайностей прежде всего лежало вообще въ Суворовской воспитательной подготовкѣ,—въ достиженіи въ войскахъ находчивости и рѣшительности, и въ данномъ случаѣ и въ частности Суворовымъ предусмотрѣно: выдѣленіемъ въ каждой колоннѣ

своего резерва и расположеніемъ кавалеріи четырьмя малыми (по 2 эск.) отрядами передъ каждыми изъ воротъ на разстояніи кортечнаго выстрѣла и большой группой (въ 10 эск. и сотенъ) за срединой сухопутныхъ колоннъ, и наконецъ соотвѣтственной подготовкой при штабѣ—отборной, летучей, ординарческой команды.

Къ этимъ средствамъ необходимо еще прибавить—отсутствіе тайны, полное оріентированіе начальниковъ и войскъ, ясное представленіе ими предпріятія.

Равномѣрность атаки по всему фронту была только кажущейся и существовала только для равномѣрно разсосредоточиваемаго противника, по существу же Суворовъ сосредоточилъ превосходныя силы въ прирѣчной части города, какъ по численности (9000 Де-Рибаса, колонны Львова, Ласси и даже, можно признать, и колонну Кутузова), всего до $^2/_3$ силъ, такъ и по качеству (фанагорійскій полкъ любимца Суворова полковника Золотухина, апшеронскіе стрѣлки, значительное число регулярной вообще пѣхоты и лучшая въ боевомъ отношеніи часть казаковъ, Черноморскихъ), а потому въ наиболѣе доступную часть крѣпости Суворовъ и наносилъ главный. рѣшительный ударъ. Дѣйствія же остальной, менѣе численной части силъ (малая часть регулярной пѣхоты, пѣшіе казаки и арнауты), частей и меньшей боевой годности (въ большинствѣ молодые, безлошадные казаки и молдаванская милиція—арнауты) естественно сводились болѣе къ демонстраціи, но глубоко скрытой въ душѣ полководца, конечно неуловимой для участниковъ боя, да и нынѣ едва уловимой лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія.

Наконецъ полная, тщательная, высоко-заботливая подготовка штурмовыхъ средствъ для эскалады вала,

всѣхъ необходимыхъ инструментовъ до топоровъ и ломовъ включительно, полное, сообразное цѣли, снабженіе ими колоннъ,—завершаетъ эту всестороннюю, длинную серію видовъ матеріальной подготовки.

Одновременно, и столь же всесторонне, и съ тѣмъ же тщаніемъ и систематичностью, ведетъ Суворовъ и духовную подготовку чиновъ отряда, и пламенной рѣчью къ начальникамъ на военномъ совѣтѣ, вдохновеннымъ приказомъ, и таковыми же бесѣдами и обращеніями къ войскамъ, Суворовъ придаетъ и внушаетъ имъ свою страшную, безповоротную, восторженную рѣшимость—„или побѣдить, или умереть со славой“.

Въ заботѣ о подъемѣ духа людей, Суворовъ отдаетъ приказаніе начальникамъ передъ штурмомъ „всю ночь употребить на внушеніе мужества и твердыхъ мѣръ къ успѣхамъ“.

Забота о должной высотѣ духа доходитъ даже до бережливаго экономнаго расхода порыва и „на сказанную линію не иначе приступить и тихо, какъ до опредѣленнаго времени, примѣрно прежде 1/4 часа, соразмѣряя излишнее положеніе равнообразно въ разстояніи частей войскъ, и чтобъ людей не удручать медленіями къ пріобрѣтенію славы“.

Результатомъ такой безпримѣрной по тщательности и систематичности подготовки штурма въ области матеріи и духа, штурма, на который, по сознанію самого Суворова, можно рѣшиться лишь разъ въ жизни, была полная, неслыханная побѣда, и натискъ 30000 русскихъ

войскъ въ рукахъ Суворова, сломилъ здѣсь отчаянное упорство 40000 гарнизона и обрекшаго себя на гибель фанатическаго населенія грознаго Измаила, „падшаго передъ Высочайшимъ тономъ Ея Императорскаго Величества“.

Изъ всего гарнизона—спасся лишь одинъ турокъ, 26000 убитыми и остальные—плѣнными,—такова была участь обороняющагося.

Измаильскій штурмъ представляетъ высоко-любопытный образецъ всесторонней, все исчерпавшей подготовки, искуснаго пользованія всѣми элементами войны и боя, человѣкомъ физическимъ и духовнымъ, пѣшимъ, коннымъ, спѣшеннымъ казакомъ и морякомъ, оружіемъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ, мѣстностью, временемъ и случайностями, короче, здѣсь видимъ полное приложеніе высокаго военнаго искусства.

Итакъ простота заключалась лишь въ исполненіи дѣла войсками, будучи обезпечена искусной подготовкой.

Военный геній Суворова, говоря языкомъ теоріи, заключался въ дарѣ обнимать и схватывать сущность, свойства, природу элементовъ и явленій войны и боя и въ умѣніи пользоваться этими элементами, соотвѣтственно ихъ свойстамъ, причемъ главнымъ орудіемъ войны и боя Суворовъ ставилъ человѣка, а въ человѣкѣ его духовную сторону, волевую силу.

Суворовскія части и войска его выучки отличались особымъ, исключительнымъ, *внутреннимъ устройствомъ* и представляли изъ себя не стройные только по внѣшности механизмы, а живые организмы, полные самодѣятельности, внутренняго единства и нравственной самостоятельности, что было обусловлено:

1) *Нравственнымъ, духовнымъ тяготѣніемъ массы къ личности Суворова,* выражавшимся въ безграничномъ довѣріи къ его знаніямъ, умѣнью, искусству и счастью и въ столь же безграничномъ обожаніи своего, роднаго, „солдата-генерала“, простаго, безъ всякой спѣси, важности, надутости, начальника въ высшей степени незлобиваго, всегда ласковаго, веселаго, неподдѣльно искренняго и добродушнаго „шутника-балагура“, одновременно заботливаго, толковаго учителя, а не мучителя, дѣлившаго съ солдатами лишенія, невзгоды, тягости безъ всякаго усилія и брезгливости.

2) *Сознаніемъ массой общности дѣла,* ибо слава, труды и опасности—все общее, „наше“, „намъ честь и слава“, „мы товарищи“, „непріятель отъ насъ дрожитъ“, „наша матушка“, „мы порадовали“, и подымая массу сознаніемъ общности дѣла, Суворовъ находилъ въ ней сознававшихъ свое значеніе и силу—истыхъ сподвижниковъ, сотрудниковъ.

3) *Яснымъ пониманіемъ массой дѣла, предпріятія, маневра,* изъ которыхъ Суворовъ—во первыхъ, никогда *не дѣлалъ для нея тайны* („всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ“), во вторыхъ,—*излагалъ свои боевыя требованія и велѣнія—просто, ясно, точно и удобопонятно* и наконецъ *обращался къ показу, показу* зачастую *личному.*

Войска знали трудность, опасность, были готовы на все, ничто не могло быть неожиданнымъ, почему устранялись и случайности. Суворовъ конечно понималъ значеніе тайны, но, когда пониманіе маневра болѣе чѣмъ тайна обезпечивало успѣхъ, онъ отдавалъ предпочтеніе первому, а „болтунъ безъ того будетъ наказанъ“.

Всякаго рода непониманіе, незнаніе, сомнѣніе — сковываетъ волю и Суворовъ, сообщая массѣ ясное пониманіе дѣла, развязывалъ это главное орудіе человѣка—волю.

4) *Сознаніемъ превосходства, вѣры въ себя*, „на себя надежность—основаніе храбрости".

„А войска 4-й гренад. дивизіи, люди бодры, мужественны, да не храбры, они на себя не надежны".

Такъ высоко ставилъ и цѣнилъ Суворовъ увѣренность въ себѣ, сознаніе превосходства, но не самое превосходство.

Всѣ эти проводники, въ общемъ, преисполняли массу нравственной энергіею, а съ нею являлись: особая рѣшительность, упорство, смѣлость и способность находчивости во всѣхъ случайностяхъ.

И вотъ такую, однородную по духу, преисполненную энергіею, самодѣятельностью, импульсомъ и силой массу, массу, готовую на великія предпріятія, Суворовъ бросалъ не зря, не на авось, а напротивъ, глубоко, тщательно и всесторонне подготовляя ей успѣхъ, обезпечивая ей простоту исполненія и взявъ на себя — сложную работу ума, разсчетъ, самую технику, которая требуетъ военнаго образованія, теоретической подготовки. Суворовъ не былъ теоретикомъ въ отрицательномъ, бранномъ значеніи слова, но онъ былъ военнообразованъ и подготовленъ въ теоретическомъ отношеніи и въ головѣ у него была цѣлая теорія веденія войны и боя и его теоретическія положенія и выводы по всѣмъ областямъ военнаго дѣла разбросаны въ его обширной перепискѣ, приказахъ, наставленіяхъ и т. п. и уже одно „наставленіе" къ Измаильскому штурму—

цѣлая теорія дѣйствій противъ мѣстныхъ предметовъ, подобныхъ Измаилу.

„Методика подо мной“ „я выше правилъ“, но методика по выраженію Суворова — это непониманіе свойствъ предметовъ и явленій, или узкое, формальное (по буквѣ) ихъ пониманіе и употребленіе элементовъ войны и боя, и Суворовъ ничѣмъ не расходится съ истинной теоріею военнаго дѣла, построенной на ясномъ, глубокомъ ихъ пониманіи и соотвѣтственномъ употребленіи.

Не завѣщалъ-ли Суворовъ въ своемъ широкомъ, всестороннемъ образованіи общенія теоріи и практики, вреда уклоненія въ ту или другую сторону; уклоненіе въ сторону теоріи дастъ людей, бѣдныхъ истиннымъ познаніемъ свойствъ и природы элементовъ и явленій войны и боя, и уже во всякомъ случаѣ лишенныхъ умѣнья ихъ употребленія, ибо и то и другое дается тѣснымъ общеніемъ съ этими элементами, т. е. жизнью, иначе практикой; уклоненіе въ сторону практики — дастъ намъ генераловъ типа—князя Багратіона и Милорадовича, прекрасныхъ и безцѣнныхъ боевыхъ дѣятелей, но лишь тогда, когда имъ сказано простое для дѣйствія слово и когда имъ обезпечена простота исполненія, чего сами они создать не могутъ.

Какъ человѣкъ великой души и ума, и какъ человѣкъ долга, въ лучшемъ значеніи слова, Суворовъ искалъ успѣха самаго дѣла, а успѣхъ требуетъ работы ума и воли, почему Суворовъ и обращался къ возвышенію духа своего подчиненнаго, вотъ почему нѣтъ у Суворова ни запугиванія, ни застращиванія, ни униженія, ни уничиженія подчиненнаго, и съ самаго дѣла имъ снятъ покровъ таинственности, неизвѣстности, не-

ясности, неопредѣленности, устранено все то, что противно нравственной природѣ человѣка, при исполненіи имъ дѣла, и для преслѣдуемаго Суворовымъ успѣха самаго дѣла — развязана работа ума и воли главнаго орудія боя—человѣка.

Итакъ, по завѣщанію Суворова и по опыту одного Измаила, тайну побѣдъ надо искать въ тѣсномъ, дружномъ общеніи и взаимодѣйствіи теоріи и практики, книги и поля, разсчета ума и натиска духа и воли, причемъ, главнымъ образомъ, тайну побѣды надо искать въ душѣ подчиненнаго, въ великой и скромной душѣ и въ сердцѣ этого по истинѣ несравненнаго носителя долга, ревнителя о славѣ своего Государя и Отечества, русскаго офицера и солдата, этихъ чудо-богатырей по опредѣленію и завѣщанію этого перваго въ русской арміи солдата по чувству долга и великаго полководца по воинскому искусству,—незабвенныя памяти—Александра Васильевича Суворова.

Б. М. Колюбакинъ.

Военно-административный обликъ Суворова.

Сообщеніе въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба ординарнаго профессора, полковника *Ѳ. А. Макшеева.*

При имени Суворова въ представленіи каждаго возникаетъ образъ прославленнаго боевого дѣятеля; походы, бои—вотъ чѣмъ славенъ Суворовъ. Какой-же, въ такомъ случаѣ, интересъ можетъ имѣть его военно-административный обликъ? — Интересъ этотъ, однако, несомнѣненъ.

Вѣдь, боевая дѣятельность военачальника никогда не проявляется въ чистомъ, такъ сказать изолированномъ видѣ, а сопровождается другою, правда, второстепенною, но все же не лишенною серьезнаго значенія, дѣятельностью—административною: заботы и мѣры по устройству и обезпеченію быта войскъ, установленіе и поддержаніе правильныхъ отношеній къ подчиненнымъ и начальникамъ, общее направленіе войскового хозяйства—все это относится къ военно-административной дѣятельности военачальника. Конечно, дѣятельность эта, по сравненію съ боевою, второстепенна, но и она имѣетъ немаловажное значеніе. Невниманіе къ нуждамъ солдата, сухое и въ особенности несправедливое отношеніе къ подчиненнымъ, неумѣнье владѣть

военно-административнымъ элементомъ на войнѣ (особенно — неумѣнье справиться съ продовольственными трудностями)—все это создаетъ военачальнику неблагопріятную почву для вожденія войскъ на войнѣ. А потому въ характеристикѣ военачальника административный его обликъ (въ отличіе отъ боевого) представляетъ немалый интересъ.

Чѣмъ ярче боевая дѣятельность военачальника, тѣмъ болѣе блѣднѣетъ передъ нею его административная дѣятельность. Вотъ почему съ представленіемъ о Суворовѣ такъ мало вяжется мысль объ административной роли его. Между тѣмъ и ему пришлось имѣть не мало дѣла съ этимъ, иногда досаднымъ, но неизбѣжнымъ спутникомъ боевой дѣятельности. Его военная карьера началась даже дѣятельностью исключительно административною (должности оберъ-провіантмейстера и генералъ-аудиторъ-лейтенанта); затѣмъ, хотя въ дальнѣйшемъ онъ проходилъ чисто строевую службу, но въ нѣкоторые періоды ея онъ поставленъ былъ въ необходимость очень много вниманія удѣлять спеціально военно-хозяйственнымъ дѣламъ (постройка крѣпостей въ Финляндіи и Новороссіи). Но интересны, конечно, не эти моменты административной дѣятельности Суворова, которые были лишь случайными эпизодами его военной карьеры, а интересна та административная дѣятельность, которая была неизбѣжною спутницею его строевой службы. Поучительна всегдашняя заботливость его о солдатѣ. Интересны отношенія его къ подчиненнымъ и начальникамъ. Любопытно выяснить, какъ онъ вообще относился къ разнымъ видамъ административной дѣятельности военачальника, въ какой степени онъ владѣлъ военно-административнымъ элементомъ на войнѣ

и какъ онъ относился къ непріятелю, населенію занятаго края и его имуществу [1]).

Суворовъ—начальникъ.

Суворовъ—начальникъ прежде всего замѣчателенъ отношеніемъ своимъ къ солдату. Онъ былъ внимательнымъ и неустаннымъ радѣтелемъ о его нуждахъ. Пройдя самъ продолжительную (9-ти-лѣтнюю) солдатскую службу, Суворовъ не только позналъ солдата, но сроднился съ нимъ и полюбилъ его. Съ тѣхъ поръ все, что касается быта солдата, стало предметомъ его постояннаго вниманія и попеченія [2]).

Заботливость Суворова о солдатѣ начинается съ пер-

---

[1]) По такой именно программѣ составлено мое сообщеніе о Суворовѣ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, состоявшееся 25 января 1900 г. Оно основано на современныхъ извѣстныхъ сочиненіяхъ о Суворовѣ: Петрушевскаго, Милютина, Дубровина, Масловскаго и Орлова; всѣ факты взяты изъ нихъ; мнѣ принадлежитъ лишь соотвѣтственная группировка ихъ и освѣщеніе.

[2]) Онъ 9 лѣтъ несъ дѣйствительную солдатскую службу въ Л. Гв. Семеновскомъ полку и достигъ офицерскаго званія въ такіе годы, (къ 25-мъ годамъ отъ роду), когда многіе въ то время достигали уже штабъ-офицерскихъ и даже генеральскихъ чиновъ.

Въ тѣ времена многіе дворяне проходили солдатскую службу номинально; ихъ съ колыбели записывали рядовыми въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, гдѣ они еще въ малолѣтствѣ производились въ унтеръ-офицеры, а потомъ и въ офицеры. Современники Суворова (Румянцевъ, Н. Репнинъ, Н. И. Салтыковъ) были генералами въ 22—28 лѣтъ отъ роду. А. Суворовъ къ 25-мъ годамъ достигъ только перваго офицерскаго чина. При Екатеринѣ II-й этотъ порядокъ былъ измѣненъ: дворяне могли начинать военную службу въ нижнемъ званіи не ранѣе 15-ти лѣтъ отъ роду; но и при ней сынъ канцлера Панина, въ видѣ исключенія, при самомъ рожденіи былъ зачисленъ корнетомъ въ конную гвардію (Петрушевскій I, 17; Масловскій, „Записки по исторіи воен. искусства“, вып. II. примѣчаніе 8-е къ главѣ II).

выхъ шаговъ его военной карьеры и не покидаетъ до чина генералиссимуса включительно.

Въ бытность командиромъ Суздальскаго пѣхот. полка онъ полковыми средствами выстроилъ полковую церковь, затѣмъ зданіе для школы солдатскихъ дѣтей и самъ занимался преподаваніемъ въ этой школѣ и даже составилъ молитвенникъ и краткій катехизисъ для нея. Къ постройкѣ зданій церкви и школы приложенъ былъ трудъ солдата, которому онъ стремился постоянно задавать работу, дабы отвлечь его отъ весьма вредной въ его глазахъ праздности. Денежныя-же средства дала хозяйственная экономія, которую онъ употреблялъ на надобности полка, а не пользовался ею самъ, что не противорѣчило ни тогдашнимъ обычаямъ, ни даже закону.

Тогда-же онъ самъ училъ солдатъ, какъ чиститься, обшиваться, мыться и т. д. По этому поводу онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ такъ: „и былъ человѣкъ здоровъ и бодръ..., знаютъ офицеры, что я самъ то дѣлать не стыдился... Суворовъ былъ и маіоръ и адъютантъ, до ефрейтора; самъ вездѣ видѣлъ, каждаго выучить могъ“.

Особенное и постоянное вниманіе обращалъ Суворовъ на *здоровье солдата*. Первою его заботою по принятіи какихъ либо войскъ въ командованіе было оздоровить ихъ. Надо сказать, что въ тѣ времена въ войскахъ была вообще страшная болѣзненность и смертность, вслѣдствіе неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій солдатскаго быта и плохого устройства госпитальной части. Суворовъ, въ своей заботливости о солдатѣ, не могъ мириться съ такими порядками и тотчасъ по

прибытіи во ввѣренный ему отрядъ принимался за упорядоченіе санитарной части въ немъ.

Въ распоряженіяхъ своихъ по войскамъ, которыми Суворовъ командовалъ въ различныхъ частяхъ уже тогда обширнаго русскаго государства (на Кубани, въ Крыму, Финляндіи, Новороссіи), онъ начерталъ цѣлую военно-гигіеническую систему, въ которой обращено было вниманіе на всѣ стороны солдатскаго быта: одежду, обувь, бѣлье, пищу, жилье, трудъ, отдыхъ, опрятность. Предписанныя Суворовымъ мѣры хоть бы и теперь въ пору. Главнѣйшія изъ нихъ заключаются въ слѣдующемъ: простая, но здоровая пища, хорошая вода (при отсутствіи хорошей питьевой воды — кипятить), просторная одежда и обувь, чистота тѣла и бѣлья, постоянный трудъ, но безъ изнуренія, здоровое жилье.

На *необходимость постояннаго труда* Суворовъ неоднократно обращаетъ вниманіе въ своихъ распоряженіяхъ. Онъ не терпѣлъ праздности, считая ее вредною какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Такъ онъ говоритъ: труды здоровѣе покоя; особливо пріучать къ трудолюбію, устраняя праздность; солдату нужно достаточное, но не облѣненное отдохновеніе; для не впаденія войскъ въ облѣненіе — производить частыя воинскія обученія. Даже въ карауломъ домѣ солдаты должны были заниматься, а не оставаться праздными и не играть въ шашки.

Обставляя солдатъ возможно благопріятнѣе въ гигіеническомъ отношеніи, Суворовъ требовалъ, чтобы *заболѣвающіе лѣчились* главнымъ образомъ *въ полковыхъ лазаретахъ, но* отнюдь *не въ госпиталяхъ*. Госпитали были въ тѣ времена очень дурно устроены и въ нихъ царили страшныя злоупотребленія. Содержаніе

больныхъ было предметомъ самаго наглаго лихоимства со стороны госпитальной администраціи и поставщиковъ. Не удивительно поэтому, что Суворовъ въ свою „Науку побѣждать“ включилъ слѣдующія слова, касающіяся госпиталей: „Бойся богадѣльни. Въ ней первый день мягкая постель, второй день французская похлебка, третій день ея братецъ, домовище, къ себѣ и тащитъ“.

Смотря такъ на госпиталя, Суворовъ предписывалъ такія мѣры, которыя имѣли главною цѣлью „попеченіе о здоровьѣ здоровыхъ“ и затѣмъ лишь о лѣченіи больныхъ. Между тѣмъ по господствовавшей въ тѣ времена санитарной системѣ больше лѣчили или скорѣе морили солдатъ въ госпиталяхъ, чѣмъ заботились о предупрежденіи заболѣваемости въ войскахъ.

Суворовъ-же стремился почти не посылать солдатъ въ госпитали. Эта мѣра создала ему не мало враговъ, ибо онъ этимъ мѣшалъ наживаться на злоупотребленіяхъ (для госпитальной администраціи и поставщиковъ было прямою выгодою возможно большее число больныхъ). Не даромъ Суворову въ Крыму предлагали даже крупную взятку (7000 руб.), лишь бы онъ не сокращалъ числа госпиталей. Конечно, Суворовъ на это не склонился. Тогда его обнесли передъ Императрицею. Ей представили, что Суворовъ изнуряетъ солдатъ непосильными работами и закрываетъ всѣ госпитали. Царица отчасти повѣрила этимъ навѣтамъ и въ рескриптѣ Суворову при отправленіи его изъ Финляндіи въ Херсонъ указала ему, что хотя употребленіе солдатъ на крѣпостныя работы допускается, „но мы соизволяемъ рѣшительно, чтобы оное сопряжено было съ собственною ихъ пользою и безъ изнуренія, а также, чтобы госпиталей отнюдь не уничтожать“.

Получивъ такое предостереженіе, Суворовъ, по прибытіи въ Новороссію, обратилъ еще большее вниманіе на предупрежденіе заболѣваемости во ввѣренныхъ ему войскахъ. Хотя солдаты назначались на государственныя работы, но было строго запрещено употреблять ихъ для этого въ жаркіе часы сутокъ. Была даже составлена и объявлена особая таблица, показывающая посуточно часы наступленія и исхода жары. Въ самые жаркіе мѣсяцы люди переводились изъ палатокъ въ шатры. Для каждаго лагеря выбрано было по три лагерныхъ мѣста, которыя должны были еженедѣльно мѣняться. Предписывалось обратить особое вниманіе, чтобы люди ночью не простужались; чтобы они были хорошо укрыты и чтобы въ палаткахъ и шатрахъ не было сквозняковъ [1]).

Заботясь о здоровьѣ солдатъ, Суворовъ обращалъ, разумѣется, вниманіе на *доброкачественность провіанта,* отпускавшагося войскамъ отъ интендантства. Въ то время по этой части было много злоупотребленій, при чемъ за мелкими воришками скрывались крупные воры, имѣвшіе сильныхъ покровителей (поставщиками были даже сіятельныя и превосходительныя лица). Затрогивать интересы этихъ лицъ было опасно. Но Суворова это не останавливало. „Кого бы я на себя ни подвигъ, мнѣ солдатъ дороже себя“, говорилъ онъ [2]).

Такъ относился Суворовъ къ вопросу о сбереженіи солдата въ его повседневной жизни. Но разъ наступало настоящее солдатское дѣло, каковымъ Суворовъ счи-

---

[1]) Въ приложеніи приведены болѣе подробныя свѣдѣнія о санитарныхъ мѣрахъ, которыя Суворовъ предписывалъ ввѣреннымъ ему войскамъ на Кубани, въ Крыму, Финляндіи и Новороссіи.

[2]) Болѣе подробно о семъ—см. въ томъ-же приложеніи.

талъ войну, а изъ занятій мирнаго времени—одни воинскія упражненія, онъ въ нихъ не щадилъ ни солдатскихъ силъ, ни здоровья, ни даже жизни. При походныхъ движеніяхъ военнаго времени, когда нужно было неожиданно появиться передъ противникомъ, онъ не обращалъ вниманія на отсталыхъ (передъ Козлуджею многіе солдаты умерли на пути отъ крайняго истощенія силъ). „Голова хвоста не ждетъ“,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. Въ бою онъ не считалъ потерь и онѣ не могли остановить его рѣшимости одолѣть противника.

Такъ онъ смотрѣлъ и на воинскія упражненія мирнаго времени. Еще командуя Суздальскимъ полкомъ, онъ практиковалъ тревоги, форсированные марши, ночныя движенія. Ударятъ тревогу, полкъ соберется и выступитъ въ походъ; Суворовъ водитъ его по нѣсколько дней сряду, бивакируетъ [1]), переходитъ ручьи и рѣки въ бродъ, даже вплавь. Время года, а тѣмъ болѣе погода въ соображеніе не принимались; такія упражненія производились и лѣтомъ и зимою, какъ днемъ, такъ и ночью. Введя впослѣдствіи сквозныя атаки въ свою систему обученія, онъ сознавалъ ихъ опасность, но это не удерживало его отъ примѣненія сего важнаго пріема обученія. „Богъ съ ними (съ нѣсколькими пострадавшими), за то сколько тысячъ выучу“, говорилъ онъ [2]).

Такимъ образомъ до употребленія въ дѣло Суворовъ проявляетъ крайнюю заботливость о солдатѣ, но разъ наступило дѣло, которому солдатъ призванъ служить, Суворовъ не скупится ни солдатскими силами, ни сол-

---

[1]) Это было тогда для войскъ непривычною вещью, такъ какъ даже въ военное время при войскахъ возились палатки.

[2]) Масловскій, II, стр. 121.

датскою кровью, равно какъ и своими собственными: онъ приноситъ ихъ въ жертву на алтарь отечества ради исполненія священнаго долга. Разумная экономія силъ и средствъ.

Въ мирное время на работахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ походною и боевою дѣятельностью, онъ оберегаетъ солдата отъ палящаго зноя, заботится о доброкачественности его пищи и питья и проч. Но разъ началось настоящее военное дѣло, хотя-бы въ видѣ воинскихъ упражненій мирнаго времени, сбереженіе солдата отходитъ уже на второй планъ. Его упражненія мирнаго времени были не легки и небезопасны; по этому поводу онъ говорилъ: „тяжело въ ученьи — легко въ походѣ; легко въ ученьи — тяжело въ походѣ“.

И въ военное время, когда это не противорѣчило боевымъ требованіямъ, Суворовъ не измѣнялъ своей системѣ постоянной заботливости о солдатѣ. Заботливость эта выражалась прежде всего въ томъ, чтобы соотвѣтственными мѣрами обезпечить своевременное снабженіе солдата пищею и кровомъ въ походѣ и по окончаніи боя. Для сего на походѣ артельные котлы съ продовольствіемъ и повозки съ палатками (палаточные ящики) высылались съ кавалеріею (казаки) впередъ верстъ на 15 и потому прибывали на назначенные войскамъ ночлеги за нѣсколько часовъ до ихъ прихода; прибывающія же войска находили на ночлегахъ уже готовую горячую пищу и раскинутыя палатки. Такъ организованъ былъ маршъ Суворова отъ Немирова къ Бресту въ 1794 году (когда въ 9 дней войсками его пройдено 270 верстъ). Такъ же организованы были марши Суворова въ Италіянскую кампанію 1799 года, съ тою

разницею, что варка пищи и продолжительный отдыхъ съ разбивкою палатокъ назначались на большомъ привалѣ, который былъ продолжительнымъ и соотвѣтствовалъ самой жаркой части сутокъ.

Даже во время боя Суворовъ не упускалъ изъ вида необходимости по возможности скорѣе накормить солдата, какъ только окончится бой. Въ предвидѣніи скораго окончанія боя онъ отдавалъ распоряженіе подтянуть къ полю сраженія повозки съ артельными котлами. Такъ, между прочимъ, распорядился онъ во время дѣла у Крупчицъ (1794 годъ), благодаря чему артельные котлы подошли къ войскамъ уже черезъ часъ по окончаніи боя.

Въ Наукѣ побѣждать въ отдѣлѣ о походѣ говорится: „кашеварныя повозки впереди съ палаточными ящиками; братцы пришли, къ кашѣ поспѣли; артельный староста къ кашамъ!.... Сближаясь къ непріятелю, котлы съ припасомъ снаровлены къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ“.

Въ заключеніе обзора той попечительности, которую Суворовъ неизмѣнно проявлялъ о солдатѣ, необходимо упомянуть еще о заботливости его относительно больныхъ и раненыхъ, которыхъ ему приходилось оставлять на произволъ непріятеля. Это относится къ Швейцарскому походу Суворова. По оставленіи Муттенталя, Суворовъ не имѣлъ возможности увезти съ собою тяжело раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ (около 600 человѣкъ), а потому приказалъ оставить ихъ здѣсь съ врачемъ, нѣсколькими фельдшерами и офицеромъ, знавшимъ французскій языкъ. Офицеръ этотъ былъ снабженъ письмомъ къ начальнику первыхъ французскихъ войскъ, которыя вступятъ въ Муттенталь; въ

этомъ письмѣ Суворовъ поручалъ русскихъ раненыхъ великодушію французскихъ войскъ.

Заботясь о матеріальномъ благѣ солдата, Суворовъ еще болѣе стремился воздѣйствовать на его духовную натуру. Въ его рукахъ было для сего много средствъ, но главнымъ изъ нихъ надо признать постоянную близость его къ солдату, не напускную или искусственную, но самую естественную, ибо Суворовъ по привычкамъ своимъ и образу жизни былъ настоящимъ солдатомъ.

Петрушевскій слѣдующими яркими штрихами рисуетъ Суворова съ этой стороны [1]).

„Постоянно среди солдатъ, особенно во времена трудныя, онъ дѣлилъ съ ними и тяготу, и опасности, и горькія минуты безвременья. Безъ всякаго надъ собою насилія, которое не скрылось бы отъ солдатскаго чутья, онъ велъ жизнь одинаковую съ послѣднимъ рядовымъ, довольствовался одною съ нимъ пищею и болѣе стойко и равнодушно переносилъ всякія крайности и лишенія. Солдаты видѣли въ немъ не только своего брата-солдата, но притомъ солдата рѣдкаго, какихъ мало. Онъ всегда былъ веселъ, разговорчивъ, шутливъ; его грубоватое, а подчасъ и грязноватое балагурство не годилось для салоновъ и гостинныхъ, но было безцѣнно въ лагерѣ, на бивакѣ, на походѣ. Сверхъ того онъ обладалъ тактомъ—при простомъ, даже фамильярномъ обращеніи съ солдатами, нисколько не поощрять ихъ къ взаимному съ нимъ панибратству. Самая грубая солдатская натура это понимала, всѣ повиновались ему безусловно, всякій чувствовалъ къ нему почтеніе и даже страхъ.“

---

[1]) Томъ I, стр. 238.

Въ перенесеніи невзгодъ и лишеній военнаго времени Суворовъ былъ всегда образцомъ для солдатъ. Одинъ изъ современниковъ, попавшій къ Суворову на обѣдъ послѣ Рымника (вторая турецкая война), такъ описываетъ обстановку Суворова. Въ палаткѣ была разослана на землѣ скатерть, и на ней тарелки; вокругъ лежали Суворовъ и его штабъ; сервировка отвѣчала меблировкѣ. Надо сказать, что у Суворова не было багажа, а тарелки и ножи доставали у кого попало. Одѣвался Суворовъ обыкновенно въ куртку солдатскаго сукна, что тогда было разрѣшено, по иниціативѣ Потемкина, всѣмъ офицерамъ для уменьшенія расходовъ [1]). Въ жаркое время, на походѣ и въ бою, онъ бывалъ обыкновенно въ рубашкѣ, къ которой пришпиливалъ иногда нѣкоторые изъ своихъ орденовъ [2]); саблю возилъ за нимъ казакъ даже въ бою, а Суворовъ держалъ въ рукахъ одну нагайку. Онъ не имѣлъ ни экипажа, ни верховыхъ лошадей, а бралъ обыкновенно казачью. Только въ итальянскую кампанію, т. е. когда ему было уже подъ 70 лѣтъ, онъ завелъ себѣ старомодную карету, которая запрягалась обывательскими лошадьми и въ которую онъ иногда во время похода садился; въ войскахъ она получила названіе ковчега [3]).

Онъ всегда, даже намѣренно, дѣлилъ съ солдатомъ невзгоды военнаго времени. Такъ въ 1794 году, начавъ походъ изъ Украйны въ Польшу въ одномъ лѣтнемъ обмундированіи (суконное платье не было взято съ

---

[1]) Самъ Потемкинъ завелъ себѣ мундиръ изъ солдатскаго сукна.

[2]) На картинѣ боя на р. Требіи Суворовъ изображенъ, верхомъ на лошади, въ одномъ бѣльѣ.

[3]) Петрушевскій: I, 375 и 376; III, 87.

собою), онъ, несмотря на наступившее октябрьское холодное время, мерзъ въ одномъ китель до тѣхъ поръ, пока къ войскамъ его отряда не было подвезено суконное платье. И только тогда, когда солдаты одѣлись въ сукно, Суворовъ тоже надѣлъ суконную куртку [1]).

Такъ-же держалъ себя Суворовъ и во время тяжелаго по лишеніямъ швейцарскаго похода. Не смотря на сильную стужу и свои почти 70 лѣтъ, онъ былъ въ китель и легкомъ плащѣ, ѣхалъ на казачьей лошади или шелъ пѣшкомъ, заговаривалъ съ солдатами, шутилъ, острилъ [2]).

Суворовъ не жалѣлъ иногда собственныхъ своихъ денегъ для поощренія солдатъ. Такъ, оставшись весьма доволенъ поведеніемъ въ дѣлѣ подъ Сталовичами подчиненныхъ ему войскъ, Суворовъ выдалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по рублю изъ собственныхъ средствъ. Въ Итальянскую кампанію, когда изъ Россіи подошла дивизія Ребиндера, Суворовъ вызвалъ изъ рядовъ ея старшихъ солдатъ, лично ему извѣстныхъ; ихъ набралось съ полсотни. Суворовъ обошелъ ихъ всѣхъ, припоминалъ имя почти каждаго, разговаривалъ съ ними, нѣкоторыхъ цѣловалъ, велѣлъ выдать всѣмъ по кронталеру, а нѣкоторымъ совалъ въ руку червонцы [3]).

Отличаясь чрезвычайною простотою въ отношеніяхъ своихъ къ солдату и даже близостью, Суворовъ былъ однако въ то-же время строгъ къ нему. Особенно строго относился онъ къ нарушителямъ порядка на походѣ и тишины въ строю, а также къ замѣченнымъ въ мародерствѣ.

---

[1]) Петрушевскій II, 88.
[2]) Петрушевскій III, 279.
[3]) Петрушевскій I, 116 и III 137.

На походѣ онъ, правда, не требовалъ никакой муштры; такъ въ „Наукѣ побѣждать“ о походѣ говорится: „Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей въ барабанъ, музыка греми“. Но людей, замѣченныхъ на отлетѣ и особенно въ мародерствѣ, онъ жестоко наказывалъ.

Такъ, въ италіянскую кампанію при движеніи отъ Адды къ Милану, Суворовъ замѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ солдатъ на отлетѣ и за это велѣлъ прогнать ихъ сквозь строй. Въ томъ-же походѣ ему доложили о притѣсненіяхъ, будто-бы чинимыхъ жителямъ русскими солдатами. Въ приказѣ по этому поводу Суворовъ говоритъ:... мародера по силѣ его преступленія шпицрутенами [1]).

Во фронтѣ, какъ во время боя, такъ и на ученьяхъ, онъ подъ страхомъ наказанія требовалъ безусловнаго вниманія и отсутствія чего либо похожаго на разговоръ. Онъ смотрѣлъ на эти акты, какъ на священнодѣйствія.

То было время, когда „солдатъ долженъ былъ бояться палки капрала больше, чѣмъ пули непріятеля“. Правда, этотъ Фридриховскій завѣтъ не получилъ полнаго права гражданства въ арміи Екатерины Великой, но и у насъ палочки были тогда въ ходу. На что уже Потемкинъ относился снисходительно къ солдату [2]), но у него въ ордерѣ Суворову (18 декабря 1788 года) говорится: „унтеръ-офицерамъ и капраламъ отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать лѣнивыхъ палкою, не больше“. Суворовъ же въ „Наукѣ побѣж-

---

[1]) Петрушевскій I, 69 и III, 100.

[2]) Описывая состояніе Потемкинской арміи послѣ его смерти, Петрушевскій (I, 421) говоритъ: „Солдаты были распущены до степени своеволія; офицеры утратили въ глазахъ нижнихъ чиновъ всякое значеніе, ибо Потемкинъ обыкновенно оправдывалъ во всемъ подчиненныхъ и винилъ начальниковъ“.

дать“ говоритъ: „Кто не бережетъ людей — офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки; да и самому палочки, кто себя не бережетъ“. А въ одной изъ своихъ диспозицій онъ пишетъ: „Кто изъ рядовыхъ выстрѣлитъ сзади, того гонитъ шпицрутенъ“ [1]).

Въ отношеніяхъ своихъ *къ подчиненнымъ* ему *офицерамъ и генераламъ*, Суворовъ былъ справедливъ, цѣнилъ способности, не поддавался чувству лицепріятія, но былъ строгъ, а иногда, особенно въ старости, непріятенъ своими странными выходками.

Въ конфедератскую войну Суворовъ не ладилъ съ полковникомъ Древицемъ, которому покровительствовалъ начальникъ Суворова—генералъ Веймарнъ, и не любилъ его за его безчеловѣчное отношеніе къ конфедератамъ. Но оцѣнивъ храбрость и искусство полковника Древица въ дѣлѣ подъ Ландскороною, онъ такъ аттестуетъ его за это дѣло: „полковникъ Древицъ все дѣло сдѣлалъ; онъ атаковалъ съ искусствомъ, мужествомъ и храбростью и весьма заслуживаетъ императорской отличной милости и награжденія [2]).

Въ итальянскую кампанію онъ недолюбливалъ генерала Розенберга и не особенно довѣрялъ его способностямъ; въ то-же время онъ очень цѣнилъ и любилъ генераловъ Дерфельдена и Ребиндера. Но Розенбергъ и Дерфельденъ были полными генералами, а Ребиндеръ генералъ-лейтенантомъ. Суворовъ, не смотря на недовольство свое Розенбергомъ, съ прибытіемъ войскъ Ребиндера подчинилъ ихъ Розенбергу, оставивъ его такимъ образомъ корпуснымъ командиромъ; войска же Розенберга отдалъ подъ начальство Дерфельдену въ

[1]) Масловскій. Приложенія 3-е и 16-е ко II выпуску записокъ.
[2]) Петрушевскій I, 90 и 104.

видѣ другого корпуса. Петрушевскій указываетъ на это какъ на черту чрезвычайной лояльности Суворова [1]).

Къ проявленію трусости молодыми, не обстрѣленными офицерами, онъ относился довольно снисходительно.

Такъ при осадѣ Краковскаго замка командиръ одной изъ ротъ (капитанъ Лихаревъ) оплошалъ при одной изъ непріятельскихъ вылазокъ; онъ оробѣлъ и бросилъ свой постъ, а рота, оставшись безъ командира, обратилась въ бѣгство. Это было около полудня; Суворовъ отдыхалъ. Разбуженный перестрѣлкою и криками, онъ вскочилъ и побѣжалъ на выстрѣлы. Встрѣтивъ бѣгущихъ, онъ остановилъ ихъ, устроилъ, повелъ въ атаку и отбилъ вылазку. Лихарева онъ арестовалъ и продержалъ его подъ арестомъ около 4-хъ мѣсяцевъ, но тѣмъ и ограничился. Въ приказѣ же по этому поводу было сказано, что за такой проступокъ слѣдовало бы отдать капитана подъ судъ, но такъ какъ у него дурного умысла не было, давно находится подъ арестомъ, молодъ и въ дѣлахъ рѣдко бывалъ, то выпустить [2]).

Но вообще Суворовъ былъ строгъ къ провинившимся ему подчиненнымъ, не смотря на ихъ званіе и чинъ. Въ одномъ изъ своихъ приказовъ 1772 года (польская конфедератская война) онъ говоритъ: „Въ случаѣ оплошности взыскивать и безъ наказанія не оставлять, понеже ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда. Почему за прегрѣшенія неослабно наказывать“ [3]).

---

[1]) Петрушевскій III, 138.
[2]) Петрушевскій I, 133.
[3]) Петрушевскій I, 69.

Въ Итальянскую кампанію, недовольный Розенбергомъ за дѣло при Басеньяно, онъ послалъ ему приказаніе, которое закончилъ такъ: „Не теряя ни минуты, немедленно сіе исполнить или подъ военный судъ“. Виновникомъ нашей неудачи въ этомъ дѣлѣ былъ и великій князь Константинъ Павловичъ, который въ горячности своей подвинулъ Розенберга на несвоевременную атаку непріятеля. Суворовъ обошелся съ великимъ княземъ слѣдующимъ образомъ. Онъ принялъ его съ низкими поклонами и другими знаками почтенія, пригласилъ въ кабинетъ и заперся съ нимъ вдвоемъ. Бесѣда продолжалась съ полчаса, Великій князь вышелъ разстроенный, красный отъ слезъ. Суворовъ проводилъ его съ прежними поклонами; проходя пріемную, гдѣ стояла свита вел. князя, онъ обратился къ лицамъ ея съ угрозами и назвалъ ихъ мальчишками. Не ограничиваясь этимъ, Суворовъ хотѣлъ отдать приказъ по арміи, приписавъ случившуюся неудачу „запальчивости и неопытности юности“, но потомъ раздумалъ и этого не сдѣлалъ [1]).

Суворовъ — военно-административный дѣятель въ мирное время.

Изъ всѣхъ видовъ военно-административной дѣятельности Суворовъ особенно близко принималъ къ сердцу все, что касается быта солдата. Ко всѣмъ вопросамъ, затрогивающимъ интересы солдата, онъ относился съ крайнею заботливостью, любовью и умѣньемъ. Но административная дѣятельность, выходящая изъ сего круга,

---

[1]) Петрушевскій III, 80.

не интересовала Суворова, онъ ее не любилъ и не только не искалъ ея, какъ онъ это дѣлалъ относительно дѣятельности боевой, но напротивъ старался отъ нея устраниться, не смотря на свою чрезвычайно дѣятельную натуру.

Особенно тяготили его порученія, выходящія изъ круга полевой службы, вродѣ строительныхъ работъ въ Финляндіи и Новороссіи. Къ тому-же эти хозяйственныя операціи требовали строгаго соблюденія разныхъ счетныхъ формальностей, что было совершенно не въ натурѣ Суворова. Исполняя эти порученія, Суворовъ не могъ втиснуть себя въ узкія рамки счетныхъ правилъ, за что потомъ и поплатился большими начетами. Вообще Суворовъ не былъ строгимъ законникомъ; въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ онъ иногда расходился съ требованіями закона, руководствуясь своимъ собственнымъ взглядомъ на дѣло. Такъ поступилъ онъ, между прочимъ, въ чрезвычайно непріятномъ для него дѣлѣ Вронскаго. Во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ Суворовъ ни разу не преслѣдовалъ какихъ либо личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей, всѣ побужденія его были чисты, но все-же къ концу его карьеры на немъ накопилось до $1^1/_2$ милiоновъ рублей разныхъ начетовъ, казенныхъ и частныхъ.

Вотъ нѣсколько интересныхъ подробностей, касающихся только что перечисленныхъ фактовъ.

Въ бытность въ Херсонѣ на Суворова было возложено возведеніе укрѣпленій, въ виду политическихъ осложненій съ Турціею. Суворовъ взглянулъ на это дѣло какъ истинно военный человѣкъ, не придавая значенія не только разнымъ формальностямъ бухгалтерскаго и отчетнаго порядковъ, но и вопросу денеж-

ному вообще. Онъ считалъ, что чѣмъ скорѣе укрѣпленія будутъ возведены, тѣмъ это лучше въ военномъ отношеніи. А потому онъ, немедля, заключилъ контракты съ подрядчиками, а такъ какъ деньгами его еще не снабдили, то онъ добылъ ихъ самъ и надавалъ векселей. Это чрезвычайно смутило петербургскія канцеляріи. Но вмѣсто присылки Суворову денегъ ему стали писать, что политическое положеніе едва ли требуетъ такого спѣха, что денегъ мало, что нѣкоторыя работы придется отложить и т. д. Суворовъ отвѣчалъ: „Вы дѣлаете конецъ началомъ и предваряете тогда, когда я фундаментъ утвердилъ. Политическое положеніе извольте спросить у вице-канцлера, а я его постигаю какъ полевой офицеръ. Вы временили 2 мѣсяца вмѣсто двухъ дней. Пропалъ бы годъ, если бы я чуть медлилъ контрактами. Вы говорите—ихъ не надобно; это надлежало мнѣ сказать въ Петербургѣ. Такъ сей годъ повороту нѣтъ; будущій годъ въ вашей власти. Присылайте деньги и съ ними хоть вашего казначея“.

Вмѣсто денегъ Суворовъ получилъ предписаніе представить генеральную смѣту съ расположеніемъ расходовъ погодно; далѣе говорилось: „по мирной порѣ и ненадобности экстренныхъ мѣръ, подряды производить и контракты заключать, на основаніи законовъ, въ казенной палатѣ; въ виду того, что никакое правительственное учрежденіе, кромѣ сената, не имѣетъ власти заключать контракты болѣе, какъ на 10.000 рублей, заключенные въ вашей походной канцеляріи контракты оставить безъ дѣйствія“.

Между тѣмъ подрядчики ушли уже далеко въ заподряженыхъ заготовленіяхъ и, вслѣдствіе сего распоряженія, должны были нести большіе убытки; нѣкоторымъ

же грозило разореніе. Суворовъ написалъ тогда своему повѣренному въ Петербургъ: „Подрядчикамъ выданы деньги изъ казны, я долженъ буду взнесть и, чтобы не отвѣчать Богу въ ихъ разореніи, остальныя имъ дополнить". Посему онъ поручаетъ продать его Новгородскія имѣнія не менѣе какъ за 100.000 рублей (по его разсчету ему надлежало внести въ казну и уплатить подрядчикамъ болѣе 90.000 р.). На этотъ разъ дѣло какъ-то уладилось иначе; къ продажѣ имѣній прибѣгать не пришлось и Суворовъ не поплатился [1]).

Строительная дѣятельность въ Херсонѣ была Суворову не понутру. Онъ пишетъ въ Петербургъ: „Я захребетный инженеръ и посему какъ въ горячкѣ. Ужъ третій годъ въ Тучковыхъ (тогдашній начальникъ инженеровъ); малые мои таланты зарыты. Бога ради избавьте меня отъ крѣпостей, лучше бы я грамоты не зналъ... меня обратили въ подрядчика... Напомните, что я не инженеръ, а полевой солдатъ, не Тучковъ, а знаютъ меня Суворовымъ и зовутъ Рымникскимъ, а не Вобаномъ".

Въ бытность Суворова въ Варшавѣ, послѣ взятія Праги, туда пріѣхалъ для свиданія съ братомъ секундъ-маіоръ Вронскій, втерся къ Суворову въ довѣріе и подалъ ему доносъ на злоупотребленія по провіантской части, опредѣляя цифру хищенія въ 500.000 рублей. Суворовъ назначилъ слѣдственную комиссію, въ составъ которой вошелъ и Вронскій. Комиссія дѣйствительно обнаружила много злоупотребленій, но хищеній обнаружено было всего на 62½ тысячи рублей. Виновными оказались три провіантскихъ чиновника и два офицера Суворовскаго штаба (Мандрыкинъ и Тищенко). Сувo-

[1]) Петрушевскій II, 3—5.

ровъ не предалъ ихъ однако суду, а велѣлъ ихъ арестовать, посадивъ ихъ на хлѣбъ и воду, взыскать съ нихъ всю сумму хищенія, которою затѣмъ и распорядился по собственному усмотрѣнію на разныя надобности: на вознагражденіе обиженныхъ подрядчиковъ, на прогоны, въ пособіе бѣднымъ польскимъ офицерамъ, разореннымъ революціей, и наконецъ болѣе 15.000 рублей Вронскому, яко доносителю, по закону. Виновные были затѣмъ освобождены имъ отъ дальнѣйшей отвѣтственности и оставлены на службѣ; даже виновные офицеры его штаба не были отчислены отъ него.

Суворовъ поступилъ въ данномъ случаѣ совершенно не по закону: онъ не отдалъ подъ судъ виновныхъ, распорядился по собственному усмотрѣнію взысканными деньгами, хотя и донесъ обо всемъ въ Петербургъ, представивъ однако дѣло маловажнымъ. Это создало ему впослѣдствіи массу непріятностей. Вронскій, пользуясь пріобрѣтенною у Суворова довѣренностью, сталъ присваивать себѣ неподобающую роль: началъ мѣшаться въ производство торговъ, объявленныхъ тогда на большую поставку хлѣба, входилъ въ сношенія съ подрядчиками и проч. Суворовъ все это попускалъ вначалѣ, но обнаруживъ, что Вронскій самъ мошенничаетъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, беретъ взятки и проч., выслалъ его наконецъ изъ Варшавы, приказавъ ему ѣхать въ свой полкъ [1]).

Дѣла этого Вронскій однако не оставилъ; оно лишь заглохло, пока Суворовъ былъ въ силѣ, а какъ только онъ попалъ въ опалу (съ воцареніемъ Императора Павла), оно, по настоянію Вронскаго, снова выплыло наружу и причинило много непріятностей Суворову.

---

[1]) Петрушевскій II, 188.

Во время опалы Суворова на него было заявлено много начетовъ, о которыхъ прежде молчали потому, что Суворовъ былъ въ силѣ. Возникновеніе этихъ начетовъ объясняется тѣмъ, что Суворовъ не былъ педантомъ въ соблюденіи разнаго рода счетныхъ и иныхъ формальностей, ограждающихъ впослѣдствіи, иногда самыхъ отчаянныхъ плутовъ, отъ денежной отвѣтственности. Приведенные два примѣра — строительныя операціи въ Новороссіи и дѣло Вронскаго — вполнѣ выясняютъ, какимъ путемъ Суворовъ создавалъ почву для начетовъ на себя. Въ первомъ случаѣ, въ интересахъ дѣла, онъ поступился правилами счетоводства, считая, что существо дѣла важнѣе мертвыхъ правилъ; но въ дѣйствительности оказалось, что эти правила важнѣе дѣла. Во второмъ случаѣ онъ отступилъ отъ закона, какъ можно думать, по мягкосердечію своему.

Нужно, однако, сказать, что административные распорядки Суворова были не безупречны не только въ формальномъ отношеніи, но и по существу. Это объясняется тѣмъ, что Суворовъ самъ не всегда вникалъ въ административные вопросы, которые вообще были ему не по сердцу, а полагался въ нихъ на свой штабъ, составъ котораго былъ, однако, неудовлетворителенъ.

Суворова окружали несвѣдущія и даже недобросовѣстныя лица. Было уже упомянуто, что два офицера Суворовскаго штаба уличены были въ хищеніяхъ и Суворовъ все-таки не удалилъ ихъ отъ себя (Мандрикинъ и Тищенко [1]). Суворовъ обращался съ ними безъ

[1]) Когда дѣло это снова возникло по второму доносу Вронскаго, то Мандрыкинъ и Тищенко были отчислены отъ Суворова Высочайшимъ приказомъ, съ переводомъ въ гарнизонные полки, а затѣмъ преданы суду (уже при Императорѣ Павлѣ).

церемоній; болѣе молодыхъ изъ нихъ подзывалъ къ себѣ, крича „мальчикъ“; Мандрыкина звалъ просто Андрыка.

Такія лица окружили Суворова стѣною и ревниво оберегали свое вліяніе, такъ какъ, несмотря на свое полное ничтожество, они, если и не вліяли на Суворова, то вліяли на тѣ дѣла, въ которыя Суворовъ самъ не вникалъ. Подполковникъ Сакенъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) въ одномъ изъ своихъ писемъ 1789 года такъ описываетъ штабъ Суворова: „Онъ окруженъ свитою молодыхъ людей; они имъ управляютъ и онъ видитъ ихъ глазами. Слова нельзя ему сказать иначе, какъ черезъ ихъ рты; нельзя приблизиться къ нему, не рискуя получить непріятности, на которыя никто не пойдетъ по доброй волѣ“ [1]).

Когда къ Суворову, въ бытность его въ Варшавѣ въ 1794 году, былъ назначенъ въ постоянные вѣстовые дворянинъ Столыпинъ, то одинъ изъ адъютантовъ Суворова, вышеупомянутый Тищенко, исполнявшій обязанности коменданта Суворовскаго штаба, не хотѣлъ его представить Суворову, потомъ старался не допускать его въ присутствіе Суворова и передъ отъѣздомъ Суворова въ Петербургъ даже скрылъ отъ Столыпина время Суворовскаго выѣзда [2]).

Въ рукахъ такихъ лицъ была вся служебная переписка Суворова. Онъ не только самъ не распечатывалъ конвертовъ, а даже большею частью самъ и не читалъ входящихъ бумагъ, а выслушивалъ ихъ; часто не чи-

---

[1]) Петрушевскій I, 374; II, 190.

[2]) Петрушевскій II, 191.

талъ и исходящихъ бумагъ, а выслушивалъ ихъ въ чтеніи докладчика и затѣмъ подписывалъ [1]).

При такомъ порядкѣ докладчики должны быть людьми вполнѣ надежными. Этого же про Суворовскій штабъ сказать нельзя. Такъ разсказываютъ, что одинъ изъ офицеровъ Суворовскаго штаба получилъ прусскій орденъ обманомъ: далъ подписать Суворову бумагу, въ которую включилъ и себя, а при чтеніи пропустилъ. А вотъ что между прочимъ продѣлалъ упомянутый уже Мандрыкинъ [2]).

Однажды назначена была повѣрка экстраординарной суммы, находившейся въ распоряженіи Суворова. Отчетность по ней велъ Мандрыкинъ. Представивъ комиссіи документы, онъ заявилъ ей, что въ 9 часовъ вечера поѣдетъ отъ Суворова курьеръ съ отчетомъ, а потому повѣрка должна быть окончена къ этому времени. Комиссія заявила, что такъ скоро повѣрить расходъ 50,000 червонцевъ, произведенный по мелочамъ, она едва-ли успѣетъ; Мандрыкинъ отвѣчалъ, что таково приказаніе Суворова и не совѣтовалъ прибѣгать къ отговоркамъ. Комиссія окончила повѣрку къ означенному сроку; въ числѣ документовъ оказались два ордера на 150 червонцевъ, не подписанныхъ Суворовымъ. Мандрыкинъ взялъ ордера, пошелъ къ Суворову и вынесъ ихъ подписанными. Довольный такою развязкою повѣрки, Мандрыкинъ предложилъ свои услуги предсѣдателю комиссіи, Энгельгардту. Тотъ поблагодарилъ, сказавъ, что этотъ разъ ни въ чемъ не нуждается.

---

[1]) Суворовъ иногда самъ отказывался отъ своихъ бумагъ: можетъ быть, подписалъ, когда былъ нездоровъ и слабъ.

[2]) Петрушевскій II, 187.

Тогда Мандрыкинъ показалъ находившійся у него рапортъ начальства Энгельгардта о преданіи его суду и, сказавъ: „не безпокойтесь, графъ никогда этого рапорта не увидитъ“, разорвалъ его. Затѣмъ спросилъ: „Вы вѣдь просились въ отпускъ; скоро-ли хотите ѣхать?“ Энгельгардтъ отвѣчалъ, что уѣхалъ бы сейчасъ, если бы имѣлъ билетъ. Мандрыкинъ пошелъ къ Суворову въ кабинетъ, вынесъ оттуда подписанный отпускной билетъ и отдалъ Энгельгардту.

Неудивительно, что при такихъ порядкахъ Суворовъ навлекъ на себя впослѣдствіи нареканія и начеты. Претензіи на Суворова стали заявляться вскорѣ послѣ того, какъ онъ попалъ въ опалу у Императора Павла Петровича.

Первымъ заявилъ претензію маіоръ Донскаго войска Чернозубовъ [1]); она заключалась въ томъ, что имъ въ бытность въ 1795 году въ Польшѣ не получено 8.000 р. за фуражъ, заготовленный по словесному приказанію Суворова. Такъ какъ всѣ суммы на фуражное довольствіе войскъ въ царствѣ Польскомъ были отпущены въ распоряженіе Суворова, то повелѣно было: на удовлетвореніе претензіи Чернозубова взыскать деньги съ Суворова. За этой претензіей послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, всего на сумму до 100.000 рублей. Это были претензіи отдѣльныхъ лицъ. Кромѣ того производилось разслѣдованіе о строительныхъ операціяхъ Суворова въ Финляндіи и Новороссіи, при чемъ оказалось неочищенныхъ оправдательными документами: въ Финляндіи на 122.000 р., въ Новороссіи почти на 1 милліонъ рублей. Мало того, по вновь возникшему дѣлу Вронскаго

---

[1]) Петрушевскій II, 374.

на виновныхъ сдѣланъ былъ начетъ почти на 100.000 руб., которые, въ случаѣ ихъ несостоятельности, подлежали взысканію съ Суворова [1]).

Многіе изъ этихъ начетовъ были впослѣдствіи сложены съ Суворова; но они причинили ему массу непріятностей и сильно разстроили его собственныя средства. Не видя возможности покрыть всѣ претензіи продажею своихъ имѣній, онъ писалъ своему повѣренному: „въ несчастномъ случаѣ—бриліанты. Я ихъ заслужилъ. Богъ далъ, Богъ и возьметъ и опять дать можетъ“ (писано въ періодѣ первой опалы, т. е. до Италіянской и Швейцарской кампаній [2]).

Во всемъ этомъ многіе станутъ винить самого Суворова. И онъ самъ отчасти такъ же смотрѣлъ на это. Такъ въ бытность въ Финляндіи онъ довольно долго не посѣщалъ одной изъ крѣпостныхъ работъ, которыя производились подъ его вѣдѣніемъ; пріѣхавъ, наконецъ, туда, онъ нашелъ большія неисправности. Изъ приставленныхъ для присмотра офицеровъ одинъ сваливалъ вину на другого. Тогда Суворовъ, бывшимъ у него въ рукахъ прутомъ, началъ бить себя по ногамъ, приговаривая: „не лѣнитесь, не лѣнитесь; если-бы вы сами ходили по работамъ, все было бы хорошо и исправно“ [3]).

Конечно, Суворовъ не правъ въ томъ, что онъ недостаточно вникалъ въ административные вопросы. Но съ другой стороны, нельзя не указать и на крупный недостатокъ той системы военнаго управленія, въ которой строевой начальникъ обременяется массою хозяйствен-

---

[1]) Петрушевскій II, 398.
[2]) Петрушевскій II, 377.
[3]) Петрушевскій I, 411.

ныхъ заботъ, сложною денежною отчетностью и отвѣтственностью по ней.

Въ какой степени Суворовъ владѣлъ административнымъ элементомъ на войнѣ.

Умѣнье справляться съ административными затрудненіями на войнѣ, особенно съ продовольственнымъ вопросомъ, составляетъ одну изъ весьма важныхъ данныхъ военнаго искусства. Благопріятное въ административномъ отношеніи положеніе войскъ на войнѣ создается, правда, прежде всего заранѣе—надлежащей организаціею войскъ и снабженій; эту данную военачальникъ получаетъ уже готовою, созданною органами военной администраціи, но за симъ пользованіе этой организаціей, примѣненіе ея къ измѣняющимся обстоятельствамъ войны, особенно въ дѣлѣ снабженія войскъ, т. е. тактика снабженій, находятся въ значительной степени въ рукахъ военачальника. Интересно поэтому выяснить, въ какой степени Суворовъ владѣлъ административнымъ элементомъ на войнѣ.

Въ 7-ми лѣтнюю войну подполковникъ Суворовъ получилъ во временное командованіе Тверской драгун. полкъ, который, по распоряженію его, дѣлалъ всю зимнюю кампанію 1761—62 гг. безъ обозовъ, ради большей подвижности, но отъ этого нисколько не пострадалъ и даже имѣлъ больныхъ очень мало [1]).

---

[1]) И это въ такую эпоху, когда русская армія обременена была огромными обозами: при 90.000 русской арміи, шедшей къ границамъ Пруссіи, было больше 60.000 повозокъ. Между прочимъ возились палатки. (Петрушевскій I, 32, 37 и 39).

Въ 1-ю турецкую войну наши арміи плохо владѣли административнымъ элементомъ: хотя турки и бывали нами биты, но извлечь пользу изъ нашихъ побѣдъ мы могли далеко не всегда, вслѣдствіе продовольственныхъ затрудненій. Турки поспѣшно отступали, все уничтожая на своемъ пути. При такихъ условіяхъ преслѣдованіе ихъ было очень трудно.

Послѣ Туртукайскихъ поисковъ Суворова (1773 г.) армія Румянцева утвердилась было впереди Дуная, но вскорѣ, вслѣдствіе затрудненій въ снабженіи фуражомъ, ее пришлось отвести назадъ за Дунай.

Въ слѣдующемъ (1774) году Румянцевъ снова перешелъ Дунай и турки были Суворовымъ на голову разбиты при Козлуджѣ. Преслѣдованіе турокъ послѣ этого дѣла обѣщало самые рѣшительные результаты, но собранный Каменскимъ военный совѣтъ, въ которомъ участвовалъ и Суворовъ [1]), высказался за невозможность этого по продовольственнымъ затрудненіямъ. Совѣтъ постановилъ—дать на 6 дней войскамъ отдыхъ, въ ожиданіи подвоза провіанта, а затѣмъ отступить. Графъ Румянцевъ былъ взбѣшенъ такимъ рѣшеніемъ и написалъ Каменскому: „Не дни да часы, а и моменты въ такомъ положеніи дороги; недостатокъ пропитанія не можетъ служить извиненіемъ, ибо отъ васъ же зависѣло отвратить оный". — Присоединеніе Суворова къ такому постановленію военнаго совѣта объясняется личными отношеніями Суворова къ Каменскому и характеромъ обоихъ этихъ лицъ: Каменскій не под-

---

[1]) Суворовъ и Каменскій командовали отдѣльными отрядами, которые должны были дѣйствовать по взаимному соглашенію. Суворовъ былъ по службѣ младше Каменскаго.

дался вліянію и духовному подчиненію Суворова; послѣдній, видя, что дальнѣйшими операціями придется руководить не ему, а Каменскому, не хотѣлъ попусту становиться въ опозицію къ нему. Такъ объясняетъ это Петрушевскій [1]).

Въ степномъ за-Волжскомъ походѣ Суворова при погонѣ за Пугачевымъ, отрядъ его состоялъ изъ 2 эск., 2 сот. казаковъ, 900 посаженныхъ на конь пѣхотинцевъ и 2 легкихъ пушекъ. Хлѣба было взято мало. Захвативъ въ одномъ селѣ, державшемъ сторону Пугачева, 50 воловъ, Суворовъ приказалъ часть ихъ обратить на мясо, посолить, засушить его на огнѣ и взять съ собою для раздачи людямъ вмѣсто хлѣба, какъ онъ дѣлалъ въ 7-ми лѣтнюю войну [2]).

Продовольственныя затрудненія разрѣшались Суворовымъ большею частью посредствомъ побѣды. Овладѣніе непріятельскимъ лагеремъ доставляло войскамъ значительную добычу, въ составѣ которой были и продовольственные магазины. Такъ побѣда при Фокшанахъ дала австро-русскимъ союзнымъ войскамъ значительные продовольственные магазины, которые были однако всецѣло предоставлены австрійцамъ, такъ какъ русскимъ войскамъ Суворова приходилось послѣ этой побѣды возвратиться назадъ [3]).

Войска, стоявшія *подъ Измаиломъ въ 1790 году* были весьма затруднены въ продовольственномъ отношеніи: достать можно было только говядину, да и то съ большимъ трудомъ; у Потемкина (брата фельдмар-

---

[1]) Петрушевскій I, 146, 163, 179 и 180.
[2]) Петрушевскій I, 190.
[3]) Петрушевскій I, 345.

шала), командовавшаго однимъ изъ осадныхъ корпусовъ, столъ накрывался на 8 приборовъ, а сыты могли быть только двое. Это затрудненіе было разрѣшено блистательнымъ штурмомъ Суворова, предоставившимъ въ руки побѣдителя огромную добычу, въ томъ числѣ большіе запасы продовольствія [1]).

Въ 1793 году Суворовъ, командуя войсками въ Херсонѣ и занимаясь возведеніемъ укрѣпленій въ предположеніи войны съ Турціей, составляетъ записку, въ которой высказывается за веденіе наступательной, а не оборонительной войны. Въ дополнительныхъ замѣткахъ Суворова къ этому плану [2]), найденныхъ въ его бумагахъ, онъ, касаясь продовольственнаго вопроса, говоритъ: „Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ. Умѣйте удержать болгаръ въ ихъ домахъ, чтобы они не бѣжали въ горы, и тогда хлѣбъ у васъ будетъ. Въ Румеліи, плодородной странѣ, не можетъ быть недостатка въ продовольствіи. Но солдатъ долженъ заранѣе привыкнуть къ пшеничному хлѣбу, для чего слѣдуетъ понемногу примѣшивать пшеничную муку къ ржаной, доводя до пропорціи двухъ частей первой на одну второй... Надо разсчитывать на 2 или 3 кампаніи, а Тамерланъ дѣлалъ обыкновенно разсчетъ на 5—6 кампаній: вѣрность разсчета принадлежитъ одному Провидѣнію“ [3]).

Образцово разрѣшенъ былъ Суворовымъ продовольственный вопросъ *въ кампанію 1794 года*, единственную почти кампанію, въ которой Суворовъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, какъ въ оперативномъ, такъ

---

[1]) Петрушевскій I, 380, 396.

[2]) Императрица узнала о составленной Суворовымъ запискѣ и велѣла ее себѣ представить.

[3]) Петрушевскій II, 10.

и въ административномъ отношеніяхъ. Кампанія Суворова 1794 года блистательна не только въ оперативномъ, но и въ административномъ отношеніи: продовольственныя трудности ни разу не задержали быстраго развитія этой образцовой операціи.

Сохранились слѣдующія подробности, касающіяся устройства Суворовымъ продовольственной части, при исполненіи имъ форсированнаго марша отъ Немирова къ Бресту въ 1794 году [1]). Находясь на другомъ совершенно театрѣ (въ Украйнѣ), Суворовъ получилъ экстренное приказаніе отъ Румянцева: „сдѣлать сильный отворотъ полякамъ со стороны Бреста". Предстоялъ маршъ въ 600 верстъ отряду въ 8—11 тысячъ человѣкъ. Суворовъ немедленно готовится и черезъ недѣлю, 14 августа, выступаетъ.

Снаряженіе отряда было слѣдующее: въ ранцахъ сухарей на 8 дней, одежда—кителя и плащи (мундировъ приказано было не брать); въ обозѣ 8-ми дневный запасъ провіанта, артельные котлы, палатки и офицерское имущество; лазаретныя линейки. Самъ Суворовъ одѣлся также по лѣтнему—въ китель и плащъ; при немъ: лакей — Прошка, поваръ и одинъ казакъ, который всюду его сопровождалъ; багажъ Суворова слѣдовалъ въ кибиткѣ, а самъ онъ ѣхалъ верхомъ до самой Варшавы.

Въ 9 сутокъ пройдено 300 верстъ безъ дневокъ; затѣмъ остановка на двое сутокъ для починки обоза, пополненія провіанта и хлѣбопеченія. Затѣмъ пройдено еще 150 верстъ до Ковеля, гдѣ остановились на двое сутокъ, такъ какъ обозы сильно отстали, вслѣдствіе

[1]) Петрушевскій II, 43, 42—60.

испортившихся дорогъ. 4 Сентября Суворовъ разбилъ поляковъ у Кобрина, пройдя въ 20 сутокъ (съ 14 августа по 3 сентября) около 600 верстъ (отъ Немирова до Кобрина). Въ Кобринѣ захваченъ непріятельскій продовольственный магазинъ, откуда Суворовъ пополнилъ свои подвижные запасы.

6-го Сентября Суворовъ нанесъ полякамъ еще болѣе серьезное пораженіе при Крупчицахъ.

На пути къ Кобрину Суворовъ получилъ дополнительное приказаніе: съ занятіемъ Бреста устроить тамъ продовольственные магазины, которые обезпечивали бы довольствіемъ не только ввѣренныя ему войска, но и другія. Вторая задача чрезвычайно не нравилась Суворову и онъ въ одномъ изъ писемъ выражался такъ: „Поспѣшать мнѣ надлежитъ къ сторонѣ Бреста, ежели мятежники уже разбиты, но не для магазеинъ-вахтерства (какъ прежде кондукторства) [1]); есть младшіе... или оставить все. Тамъ мнѣ прибавить войска, идти къ Прагѣ, гдѣ отрѣзать субсистенцію изъ Литвы въ Варшаву“.

Во время описаннаго марша артельныя повозки съ котлами высылались впередъ, прибывая на ночлеги ранѣе прихода туда войскъ. Порціонный скотъ покупался на мѣстѣ (у евреевъ). Сѣно брали изъ стоговъ на лугахъ, а иногда и овесъ съ нивы въ снопахъ.

Во время дѣла у Крупчицъ, всѣ обозы, въ томъ числѣ и повозки съ котлами, были расположены вагенбургомъ въ нѣсколькихъ верстахъ позади поля сраже-

---

[1]) Намекаетъ на исполнявшееся имъ въ Финляндіи и Новороссіи порученіе строить крѣпости.

нія. Какъ только исходъ боя сталъ ясно опредѣляться, Суворовъ послалъ въ обозъ приказаніе подходить подъ прикрытіемъ, а повозкамъ съ котлами идти какъ можно скорѣе. Благодаря сему, котлы прибыли черезъ часъ послѣ боя и тотчасъ началась варка пищи.

Послѣ боя у Крупчицъ Суворову было доложено, что при войскахъ мало хлѣба, а потому надо бы заняться хлѣбопеченіемъ и сушкою сухарей, обождавъ прибытія транспорта съ мукой. Суворовъ на это сказалъ: „У поляковъ развѣ нѣтъ хлѣба?“, т. е. онъ искалъ его не въ тылу, а передъ фронтомъ. Въ ту же ночь Суворовъ выступилъ далѣе и 8 сентября разбилъ Сѣраковскаго подъ Брестомъ.

Итальянская кампанія 1799 года, блистательная въ оперативномъ отношеніи, слаба въ административномъ. Русскія войска жили впроголодь въ Италіи и въ концѣ концовъ кампанія эта, если можно такъ выразиться, завершилась продовольственнымъ крахомъ. Разбивъ двѣ французскія арміи — одну, дѣйствовавшую въ сѣверной Италіи, и другую шедшую къ ней на выручку изъ южной Италіи — Суворовъ послѣ побѣды при Нови задумалъ наступленіе въ генуэзскую Ривьеру, чтобы окончательно изгнать французовъ изъ сѣверной Италіи и тѣмъ завершить ея завоеваніе. Но предпринять эту рѣшительную операцію оказалось невозможнымъ, такъ какъ армія оказалась неподготовленною къ ней въ продовольственномъ отношеніи: при ней не было ни достаточныхъ продовольственныхъ запасовъ, ни соотвѣтственныхъ перевозочныхъ средствъ (предстояло движеніе въ горы — нужны были мулы); разсчитывать-же на мѣстныя средства было невозможно, вслѣдствіе

того что предстояло движеніе по горной странѣ, бѣдной продовольствіемъ и, сверхъ того, разоренной уже французами.

Во всѣхъ этихъ злоключеніяхъ Суворовъ, однако, не виноватъ, такъ какъ обезпеченіе его арміи продовольствіемъ въ Италіи возложено было на австрійскаго генерала Меласа, хотя и подчиненнаго Суворову, но дѣйствовавшаго по непосредственнымъ распоряженіямъ Вѣнскаго гофкригсрата. Приказаніе о заготовленіи провіанта и муловъ для движенія въ Генуэзскую Ривьеру отдано было Меласу Суворовымъ за недѣлю до сраженія при Нови съ указаніемъ, чтобы они были заготовлены не позже 4 августа (день сраженія при Нови); но приказаніе это оказалось неисполненнымъ. Такимъ образомъ время было упущено, и движеніе союзной австро-русской арміи въ Генуэзскую Ривьеру совсѣмъ не состоялось, такъ какъ вскорѣ затѣмъ Суворовъ получилъ отъ Императора Павла приказаніе вывести русскія войска изъ Италіи и идти въ Швейцарію на соединеніе съ находившимся тамъ русскимъ корпусомъ Римскаго-Корсакова.

Между тѣмъ Суворовъ и въ италіянскую кампанію не измѣнилъ своей системы заботливости о своевременномъ удовлетвореніи солдата пищею на походѣ и въ бою. Придерживаясь установленнаго имъ порядка высылки впередъ артельныхъ котловъ и палатокъ [1]), онъ то-же предписалъ и австрійскимъ войскамъ въ приказахъ своихъ и инструкціяхъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится: „Если весь переходъ мили въ $3^1/_2$ и до 5,

[1]) Въ то время войска не имѣли при себѣ носимыхъ палатокъ, какъ нынѣ.

то подъемъ въ 2 часа утра; вьючныя лошади съ котлами и мясомъ посылаются впередъ, чтобы люди могли получить пищу, необходимую для поддержанія силъ". Въ другомъ: „Котлы и легкіе прочіе обозы чтобы были не въ дальнемъ разстояніи при сближеніи къ непріятелю; по разбитіи-же его чтобы можно было каши варить, а впрочемъ побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцахъ хлѣбомъ и въ манеркахъ водою. Кавалерія должна о фуражѣ сама пещись" [1]).

Швейцарскій походъ Суворова полонъ, какъ извѣстно, страшныхъ лишеній для войскъ. Объясняется это совокупностью нѣсколькихъ причинъ.

Первою изъ нихъ надо признать недобросовѣстность австрійскаго генерала Меласа, на обязанности котораго лежало обезпечить русскія войска продовольствіемъ и подъемными подъ оное средствами для швейцарскаго похода. По выбранному Суворовымъ операціонному направленію, черезъ С. Готардъ, обозъ при его войскахъ могъ быть только вьючнымъ. Суворовъ сначала просилъ обезпечить его запасомъ продовольствія на 14 или по крайней мѣрѣ на 10 дней, но потомъ, вѣроятно вслѣдствіе затрудненій, ограничился 7 дневнымъ; для подъема этого запаса онъ просилъ дать ему муловъ. Но ко времени вступленія русскихъ въ горы, австрійцы не доставили ни одного мула. Пришлось спѣшить казаковъ и лошадей ихъ поставить подъ вьюки. Но вьюковъ не было, надо было ихъ пріобрѣсти или изготовить. За спѣшностью выступленія (надо было торопиться, чтобы соединиться съ Корсаковымъ ранѣе рѣшительнаго боя его съ французами), вьюковъ могло быть пріобрѣтено

[1]) Петрушевскій III, 397—404.

только немногимъ болѣе половины того, что требовалось, а потому и запасъ поднятаго продовольствія былъ наполовину уменьшенъ. Но и этотъ запасъ большею частью не принесъ пользы, такъ какъ вслѣдствіе трудности перехода черезъ горы большая часть лошадей съ вьюками погибла, не дойдя по назначенію [1]).

Второю причиною надо признать невыгодность избраннаго Суворовымъ операціоннаго направленія черезъ С. Готардъ. Это направленіе было, правда, кратчайшимъ, но движеніе по немъ было сопряжено съ громадными трудностями, какъ по природной недоступности путей его, такъ и по положенію этого направленія относительно непріятеля. При выборѣ этого направленія, въ Суворовѣ, очевидно, возобладала несокрушимая воля надъ разумомъ [2]).

Третьею причиною было отсутствіе въ русскихъ войскахъ, дѣлавшихъ итальянскую и швейцарскую кампаніи подъ начальствомъ Суворова, надлежаще устроеннаго интендантства. Поэтому все попеченіе о продовольствіи русскихъ войскъ въ Италіи возложено было на австрійское интендантство; оно же должно было снабдить подвижными продовольственными запасами

---

[1]) Петрушевскій III, 221—227.

[2]) Въ нѣкоторомъ родѣ то же самое повторилъ Наполеонъ при походѣ въ Россію въ 1812 году, когда, не подчиняясь внушеніямъ разума, онъ упорно углублялся въ лишенную продовольственныхъ средствъ страну, разсчитывая побѣдою разрѣшить продовольственныя затрудненія. Наполеонъ погибъ, но Суворовъ въ концѣ концовъ подчинилъ себя указаніямъ разума и закончилъ швейцарскій походъ со славою: въ Муттенталѣ его очень тянуло продолжать наступленіе къ Швицу (Петрушевскій, III, 259) съ цѣлью выйти въ тылъ французовъ, но онъ не поддался этому порыву воли, ибо исполненіе сего сопряжено было бы съ неодолимыми трудностями, и направился въ Гларису, т. е. въ противоположную сторону.

наши войска при выступленіи ихъ изъ Италіи въ Швейцарію [1]).

Наконецъ, четвертою причиною бѣдственнаго положенія нашихъ войскъ въ Швейцаріи слѣдуетъ признать слишкомъ щепетильное отношеніе ихъ къ вопросу о реквизиціяхъ.

Правда, страна была бѣдна и истощена французами, но все же кое-что можно было бы найти на мѣстѣ. Наши войска не обращались, однако, къ реквизиціямъ и въ дѣйствіяхъ французовъ, широко примѣнявшихъ реквизиціонную систему, усматривали грабежъ и насиліе, говоря, что французы обираютъ жителей. Между тѣмъ эти жители, отдававшіе французамъ продовольствіе даромъ, съ нашихъ войскъ брали за него огромныя деньги.

Грязевъ, одинъ изъ участниковъ швейцарскаго похода, такъ описываетъ лишенія нашихъ войскъ, по достиженіи ими Муттенталя [2]).

„Наши сухари, навьюченные на казачьихъ лошадей, всѣ безъ изъятія пропали; первое потому, что большая ихъ часть состояла изъ бѣлыхъ и прѣсныхъ, которые отъ ненастной погоды размокли и сгнили, а во-вторыхъ потому, что лошади, растерявъ подковы и обломавъ по каменнымъ горамъ свои копыта, разбивались, падали и

---

[1]) Въ швейцарскомъ походѣ при Суворовѣ состояло нѣсколько австрійскихъ офицеровъ генеральнаго штаба (въ числѣ ихъ получившій послѣ Аустерлица печальную извѣстность Вейротеръ); обязанность же снабдить русскія войска продовольствіемъ возложена была Меласомъ на австрійскаго генерала Деллера, который долженъ былъ сопровождать ихъ съ однимъ провіантскимъ и комиссаріатскимъ чиновниками (Милютинъ, т. III, стр. 484).

[2]) Н. Орловъ. Походъ Суворова въ 1799 году по запискамъ Грязева, стр. 95—99.

умирали отъ безкормицы, такъ что *ни одинъ вьюкъ не могъ дойти до Муттенталя*. Начальники наши, какъ ни старались доставать намъ продовольствіе, но желанія ихъ не имѣли успѣха, ибо селенія, нами проходимыя, были бѣдны, изнурены и ограблены просвѣщенными французами, а потому и не могли дать намъ никакого содержанія. Съ нашей же стороны не было употребляемо никакихъ притязаній; самъ Великій Князь Константинъ, пришедшій съ авангардомъ въ Муттенталь, купилъ для онаго двѣ гряды картофеля, заплатя за нихъ хозяину 40 червонцевъ; всякое фуражированіе также не могло быть употребляемо, потому что всѣ окрестности и мало извѣстныя намъ мѣста были заняты прожорливыми французами, и наконецъ наши добрые союзники австрійцы перестали доставлять намъ и провіантъ, и фуражъ. Что жъ въ такомъ случаѣ оставалось дѣлать? Мы копали въ долинахъ какіе-то коренья и ѣли, да для лакомства давали намъ молодого бѣлаго или зеленаго швейцарскаго сыру по фунту въ сутки на человѣка, который нашимъ русскимъ совсѣмъ былъ не по вкусу, и многіе изъ гренадеръ его не ѣли; со всѣмъ тѣмъ, во все время нашего пребыванія въ Швейцаріи, сыръ составлялъ единственную пищу; мяса было такъ бѣдно, что необходимость заставляла употреблять въ пищу такія части, на которыя бы въ другое время и смотрѣть было отвратительно; даже и самая кожа рогатой скотины не была изъята изъ сего употребленія; ее нарѣзывали небольшими кусками, опаливали на огнѣ шерсть, обернувши на шомполъ, и такимъ образомъ обжаривая воображеніемъ, ѣли полусырую".

„Сверхъ сего, кожа нужна была и для другаго предмета: многіе чувствовали недостатокъ въ обуви и

сбереженіе своихъ ногъ предпочитали сытости желудка; почему отрѣзывая лоскутки кожи, обертывали ею свои ноги по примѣру лапландцевъ и употребляли до самой невозможности, какъ свойство ея позволяло; нѣкоторые изъ офицеровъ должны были прибѣгнуть къ сему же средству, дабы сохранить свои ноги отъ острыхъ камней и поврежденій всякаго рода [1]). Вотъ въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилась вся наша побѣдоносная армія!“

„Въ долинѣ Мутентальской есть женскій монастырь ордена Les soeurs grises—сестеръ милосердія. Но сіи милосердныя сестры также брали съ насъ за копѣечную булку по червонцу, какъ бы и самый жадный ростовщикъ“.

Остается сдѣлать еще два указанія: относительно взгляда Суворова на *расходъ патроновъ въ бою* (обусловливаетъ размѣръ пополненія огнестрѣльныхъ припасовъ) и на *отдачу распоряженій по войскамъ*.

Въ „Наукѣ побѣждать“ говорится: „Береги пулю на 3 дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко; пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится; пуля дура, штыкъ молодецъ“.

Въ одной изъ своихъ диспозицій (Масловскій. Приложенія ко II Вып. Записокъ, стр. 99), Суворовъ говоритъ: „Артиллеріи отнюдь не палить скорострѣльно, подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы не разстрѣляться.... Послѣ строгому наказанію будутъ подвержены начальники той линіи, которая разстрѣлялась“.

---

[1]) Генералъ Ребиндеръ обходилъ войска въ сапогахъ безъ подошевъ (Петрушевскій, III, 272).

Относительно отдачи распоряженій по войскамъ, Суворовъ въ одномъ изъ приказовъ своихъ австрійскимъ войскамъ, подчиненнымъ ему въ италіянскую кампанію, говоритъ слѣдующее [1]):

„Въ перепискѣ между начальниками войскъ слѣдуетъ излагать настоящее дѣло ясно и кратко, въ видѣ записокъ, безъ большихъ титуловъ, будущія же предпріятія опредѣлять впередъ на сутки или на двое".

„Не довольно, чтобъ одни главные начальники были извѣщены о планѣ дѣйствія; необходимо и младшимъ начальникамъ постоянно имѣть его въ мысляхъ, чтобы вести войска согласно съ симъ. Мало того, даже батальонные, эскадронные и ротные командиры должны знать его по той-же причинѣ; даже унтеръ-офицеры и рядовые. Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ. Тайна есть только предлогъ, больше вредный, чѣмъ полезный: болтунъ и безъ того будетъ наказанъ".

Указывая подчиненнымъ ему войскамъ излагать дѣло ясно и кратко, Суворовъ самъ въ своихъ распоряженіяхъ являлся образцомъ краткости и образности изложенія. Нѣсколько приведенныхъ уже выдержекъ изъ „Науки побѣждать" убѣждаютъ въ этомъ. Приказъ свой по арміи отъ 5 (16) іюня 1799 г. (движеніе на Требію противъ Макдопальда) Суворовъ начинаетъ такъ: „Непріятельскую армію взять въ полонъ. Вліять твердо въ армію, что ихъ 27.000, изъ коихъ только 7,000 французовъ, а прочіе всякій сбродъ реквизіонеровъ" [2]).

[1]) Петрушевскій III, 400—401.

[2]) Конечно, нельзя рекомендовать всѣмъ генераламъ начинать свои диспозиціи такъ. Изъ устъ Суворова такое начало было въ высшей степени внушительно, а изъ устъ другого оно могло бы показаться лишь смѣшнымъ. Справедливо изреченіе Наполеона: „отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ". То, что у великаго человѣка велико, — у прочихъ можетъ быть только смѣшнымъ.

Приказъ Суворова передъ штурмомъ Праги—образецъ краткости, образности и силы [1]).

Отношеніе Суворова къ непріятелю, населенію занятаго края и его имуществу.

Отношеніе Суворова *къ непріятелю*, населенію занятаго края и его имуществу проникнуто гуманностью и благородствомъ.

Въ „Наукѣ побѣждать“ дается слѣдующее на этотъ предметъ указаніе (въ словесномъ поученіи солдатамъ): „Обывателя не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ. Святая добычь: возьми лагерь,—все ваше; возьми крѣпость—все ваше. Въ Измаилѣ, кромѣ иного дѣлили золото и серебро пригоршнями; такъ и во многихъ мѣстахъ. Безъ приказа отнюдь не ходи на добычь“.

Во всѣхъ приказахъ Суворова о боѣ постоянно подтверждается: сдающагося непріятеля не бить, особенно щадить женщинъ и дѣтей. Въ одномъ изъ его приказовъ (австрійскимъ войскамъ) въ италіянскую кампанію (Петрушевскій III, 398) говорится по этому поводу такъ: „Побѣдителю прилично великодушіе; бѣгущій непріятель охотно принимаетъ пардонъ. Смерть или плѣнъ,—все одно“. Въ приказахъ о квартированіи и походѣ говорится: „Въ стояніяхъ и на походахъ мародеровъ не терпѣть и наказывать оныхъ жестоко, тотчасъ на мѣстѣ. Домовъ, заборовъ и огородовъ отнюдь не ломать; вездѣ есть дрова. Фуражировки, когда случатся, производить въ порядкѣ и правильно, войсками. Благора-

[1]) Приведенъ у Орлова въ его „Штурмѣ Праги“ (стр. 82—83).

зумно-ли самаго себя лишать впредь мѣстныхъ средствъ и кровли? Это-же соблюдать и въ непріятельской странѣ. Жалобы обывателей немедленно удовлетворять. Не меньше оружія поражать противника человѣколюбіемъ“ [1]).

Къ населенію занятаго войсками края Суворовъ относился въ высшей степени гуманно. Дѣйствовалъ онъ такъ по врожденному высокому чувству и по убѣжденію, что это есть лучшая политика умиротворенія. Такая система примѣнялась имъ съ большимъ успѣхомъ въ польскую конфедератскую войну [1]). Несмотря на то, что послѣ Сталовичъ онъ не остался въ Литвѣ, а, побывавъ лишь въ 2—3 пунктахъ самое короткое время, возвратился въ Люблинъ, онъ успѣлъ словами и поступками милосердія и миролюбія нѣсколько успокоить край и склонить многихъ къ сложенію оружія и покорности.

Въ ту-же войну Суворовъ приказываетъ содержать плѣнныхъ ласково и человѣколюбиво; кормить ихъ хорошо, „хотя-бы то было и сверхъ надлежащей порціи“, поступать такъ же съ непріятельскими дезертирами, хорошо обращаться съ отстающими отъ конфедераціи, „ибо благопріятіе раскаявшихся возмутителей пользуетъ болѣе нашимъ интересамъ, нежели разлитіе ихъ крови“. Съ населеніемъ-же вообще поддерживать добрыя отношенія, помня, что русскія войска находятся въ Польшѣ только для водворенія спокойствія въ краѣ. Даже съ непріятельскими шпіонами Суворовъ былъ мя-

---

[1]) Изъ приказа по войскамъ Крымскаго и Кубанскаго корпусовъ 16 мая 1778 г. (Петрушевскій, I, 477).

[1]) Петрушевскій I, 116.

гокъ; онъ приказывалъ, при поимкѣ ихъ—допросить, а затѣмъ отпустить домой [1]).

Далеко не всѣ начальники нашихъ войскъ въ Польшѣ относились такъ къ конфередатамъ и къ населенію. Упомянутый уже выше полковникъ Древицъ отличался крайнею жестокостью и грабительствомъ. Одинъ изъ главныхъ руководителей польской революціи 1794 г. при допросѣ показалъ, что, будучи ребенкомъ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Древицъ отрѣзывалъ кисти рукъ у нѣкоторыхъ конфедератовъ, попавшихъ въ плѣнъ [2]).

Тогдашнія понятія о *военной добычѣ* были иныя, чѣмъ теперь. То, что тогда обычаемъ и закономъ признавалось добычею, теперь сочтено было бы за грабежъ.

Законъ предоставлялъ тогда извѣстную часть добычи генераламъ, офицерамъ и солдатамъ, что почиталось заслуженною для нихъ наградою за опастности, труды и лишенія, сопряженныя съ войною. Въ извѣстныхъ-же случаяхъ войска получали право на грабежъ: по взятіи непріятельскаго лагеря или по овладѣніи крѣпостью штурмомъ.

Суворовъ такимъ же образомъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ, что между прочимъ видно изъ вышеприведеннаго текста „Науки побѣждать“. Но онъ, во первыхъ, самъ никогда не пользовался принадлежащею ему долею военной добычи и, во вторыхъ, старался поставить въ строго законныя рамки отношеніе своихъ войскъ къ этому вопросу.

Измаилъ послѣ взятія штурмомъ былъ отданъ войскамъ на 3 дня для грабежа. Но самъ Суворовъ ни до

---

[1]) Петрушевскій I, 123.
[2]) Петрушевскій I, 90.

чего изъ добытаго грабежомъ не коснулся, отказавшись отъ всѣхъ представленныхъ и поднесенныхъ ему вещей. Даже когда привели къ нему великолѣпнаго, въ богатомъ уборѣ, коня, онъ отказался и отъ него, сказавъ: „донской конь привезъ меня сюда, на немъ-же я отсюда и уѣду“. Не даромъ солдаты говорили: „нашъ Суворовъ въ побѣдахъ и во всемъ въ паю съ нами, только не въ добычѣ“ [1]).

Въ польскую конфедератскую войну онъ безпрестанно подтверждаетъ войскамъ о невзиманіи незаконныхъ поборовъ; укоряетъ подчиненныхъ ему начальниковъ въ томъ, что они отъ добровольно явившихся, отставшихъ отъ конфедераціи людей отбираютъ лошадей и ихъ платье; напоминаетъ, какая по постановленію закона часть добычи принадлежитъ казнѣ и какая войскамъ. Обвиняетъ казаковъ въ томъ, что когда легко раненый конфедератъ валится съ лошади и притворяется убитымъ, то казакъ обираетъ его и оставляетъ на мѣстѣ, а не беретъ въ плѣнъ, ибо плѣннаго онъ долженъ-бы былъ представить необобраннымъ; или-же, спихнувъ конфедерата пикой съ лошади, казакъ не обращаетъ на него вниманія, а бросается за его лошадью, тогда какъ она должна бы принадлежать казнѣ. Строже-же всего Суворовъ относится къ такимъ случаямъ, когда „при плѣненіи кого нибудь получше, другіе задніе, наѣхавши, стараются его себѣ отбить, за каковую шалость безъ изъятія немедленный шпицрутенъ“. Для добычи онъ приказываетъ пѣхотѣ на ходу не останавливаться, а кавалеріи съ коней не слѣзать.

Во время командованія кубанскимъ корпусомъ онъ

---

[1]) Петрушевскій I, 394, 396.

выражаетъ неудовольствіе одному изъ подчиненныхъ ему начальниковъ (Райзеру) за то, что тотъ въ отношеніи ногайцевъ прибѣгаетъ къ военнымъ мѣрамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда были бы вполнѣ достаточны мирныя, что поступаетъ круто, когда нужна ласка. „Благомудрое великодушіе, говоритъ онъ, иногда болѣе полезно, нежели стремглавный военный мечъ [1]).

Относясь мягко и гуманно къ населенію занятаго непріятельскаго края, Суворовъ не любилъ *излишняго сближенія войскъ* съ этимъ *населеніемъ*. Такъ въ польскую конфедератскую войну онъ неодобрительно относился къ угощенію войскъ на панскихъ усадьбахъ и предлагалъ не выдавать нижнимъ чинамъ провіантскія деньги за дни такихъ угощеній, „чтобы не богатѣли и не мотали; нужное солдату полезно, а излишнее вводитъ въ роскошь—мать своевольства“. Онъ замѣчаетъ, что офицеры и даже солдаты начинаютъ употреблять польскія шапки и платье: „ужь имъ и государева шляпа лобъ жметъ, ужь подъ мышками и кафтанъ тѣсенъ“ [2]).

Уѣзжая изъ Польши въ 1772 году, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ. „Я не очень входилъ въ сношеніе съ женщинами, но когда забавлялся въ ихъ обществѣ, соблюдалъ всегда уваженіе. Мнѣ недоставало времени заниматься ими и я боялся ихъ; онѣ то и управляютъ страною здѣсь, какъ и вездѣ; я не чувствовалъ въ себѣ довольно твердости, чтобы защищаться отъ ихъ прелестей“ [3]).

---

[1]) Петрушевскій I, 213.
[2]) Петрушевскій I, 126.
[3]) Петрушевскій I, 139.

Заключеніе.

Приведенныя черты изъ жизни Суворова даютъ право сказать, что административный его обликъ не омрачаетъ его облика боевого. Если въ боевой дѣятельности Суворовъ геніаленъ, то въ дѣятельности административной онъ во всякомъ случаѣ свѣтлая личность, а въ отношеніяхъ своихъ къ солдату онъ положительный и совершенный образецъ.

Суворовъ былъ неустаннымъ и заботливымъ попечителемъ о солдатѣ. Онъ постоянно вникалъ въ бытъ его, стремился поставить его въ возможно болѣе гигіеничныя условія, училъ его, какими мѣрами онъ самъ можетъ оберегать свое здоровье. Онъ боролся съ злоупотребленіями и хищеніями на счетъ солдата, не боясь личныхъ для себя отъ этого непріятностей.

Онъ заботился не только о матеріальномъ благѣ солдата, но стремился поднять и его духовную натуру. До самыхъ высшихъ чиновъ не порывалъ онъ непосредственной связи своей съ солдатомъ и близости къ нему: вступалъ съ солдатами въ разговоръ, шутилъ, поучалъ, давалъ отъ себя деньги. Настойчиво изгонялъ праздность изъ солдатскаго быта.

Вслѣдствіе сего вліяніе Суворова на солдата было огромно. Оно усугублялось еще личнымъ примѣромъ Суворова, который самъ велъ простой солдатскій образъ жизни, а въ перенесеніи невзгодъ военнаго времени

былъ всегда въ паю съ солдатомъ. Но все это у него выходило естественно и просто, потому что исходило отъ сердца; потому-то оно и дѣйствовало такъ на солдата.

Оберегая солдата всѣми способами до употребленія его въ дѣло, въ дѣлѣ онъ не щадилъ ни силъ его, ни крови. Это проявлялось главнымъ образомъ въ рѣшительные моменты военнаго времени; но примѣнялъ такую-же систему и на полевыхъ ученіяхъ мирнаго времени.

Въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ ему генераламъ и офицерамъ, Суворовъ былъ справедливъ и нелицепріятенъ, но иногда непріятенъ своимъ чудачествомъ. Въ отношеніи къ населенію занятыхъ войсками мѣстностей, къ имуществу его и къ сдающемуся непріятелю—благороденъ и великодушенъ.

Въ тѣхъ кампаніяхъ, гдѣ ему приходилось дѣйствовать самостоятельно, Суворовъ отлично владѣлъ военно-административнымъ элементомъ.

Изъ административной дѣятельности мирнаго времени интересовался и принималъ близко къ сердцу все, что касалось солдатскаго быта.

Извлеченіе изъ распоряженій Суворова по санитарной части въ войскахъ.

По прибытіи, въ началѣ 1778 года, на Кубань Суворовъ прежде всего [1]) скученное расквартированіе войскъ измѣнилъ на широкое и затѣмъ отдалъ приказъ (16 мая 1778 г.), которымъ предписалъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ къ упорядоченію быта солдата въ гигіеническомъ отношеніи.

Сущность этого весьма замѣчательнаго, особенно для того времени, приказа заключается въ слѣдующемъ [2]).

Полковымъ и батальоннымъ командирамъ и ихъ врачамъ имѣть надлежащее попеченіе о здоровьѣ здоровыхъ, для чего подвергать постоянному и надлежащему наблюденію пищу и питье. Гдѣ нѣтъ хорошей воды, тамъ для питья должна быть употребляема вода отварная и отстоенная; для слабыхъ — сухарная или съ уксусомъ. Хлѣбъ долженъ быть хорошо выпеченъ; сухари доброкачественные; должна быть выдаваема горячая пища, котлы должны быть крѣпко вылужены, а по употребленіи вымываемы и на сухо вытираемы.

Обувь не должна быть тѣсна, дабы въ ней можно

---

[1]) Петрушевскій, I, 200 — 205.

[2]) Здѣсь не приводятся подлинныя выраженія приказа, такъ какъ онъ изложенъ тогдашнимъ, теперь неудобочитаемымъ, языкомъ.

было употреблять постилку. Также и мундиры не должны быть тѣсны.

Соблюдать очень чистоту въ бѣльѣ, надлежащею его стиркою.

Строго остерегаться вреднаго изнуренія; но особенно пріучать къ трудолюбію, устраняя праздность.

Въ случаѣ несоблюденія сего, лекарь или подлекарь долженъ немедленно докладывать ротному или эскадронному командиру; а при невниманіи ихъ къ сему — батальонному и полковому командирамъ и даже доносить письменно бригадному командиру. Въ случаѣ-же особой надобности лекарь имѣетъ право немедленно доносить старшему въ корпусѣ лекарю, для доклада корпусному командиру; но надобность въ семъ не предвидится.

Заболѣвающихъ лечить въ войсковыхъ лазаретахъ, стараясь какъ можно скорѣе возстановлять ихъ здоровье. При значительномъ увеличеніи числа больныхъ, бригадный командиръ обязанъ произвести лично разслѣдованіе и, при винѣ начальства, неослабно взыскать съ него, подъ своею личною отвѣтственностью передъ командиромъ корпуса. [1])

Надзиратели больныхъ въ войсковыхъ лазаретахъ должны быть люди честные, попечительные, трудолюбивые и безкорыстные. Если лекарь или подлекарь сочтетъ кого либо изъ нихъ не таковымъ, то немедленно замѣняетъ его другимъ, съ доклада ближайшему начальству. Ротные фельдшера должны быть знающими; они должны быть хорошо подготовлены лекарями или подлекарями.

Должны быть устроены артели по капральствамъ,

---

[1]) Т. е. самимъ Суворовымъ.

съ надежными и попечительными артельными старостами во главѣ; начальство должно имѣть неослабное наблюденіе за артелями, подъ отвѣтственностью передъ командиромъ корпуса [1]).

Эта-же гигіеническая система вводится Суворовымъ въ Финляндіи, куда онъ назначенъ былъ въ 1791 г., а затѣмъ во время двукратнаго командованія войсками въ новороссійскомъ краѣ: въ Херсонѣ (1792 — 1794 г.) и въ Тульчинѣ (1796 года); но сообразно мѣстнымъ условіямъ она соотвѣтственно дополняется и развивается [2]).

Огромная болѣзненность и смертность войскъ Финляндской дивизіи проистекала, кромѣ дурного устройства госпитальной части, еще и отъ неблагопріятныхъ природныхъ условій Финляндіи (суровый климатъ, обиліе болотъ). Очистивъ госпиталя и оставивъ въ нихъ только тяжело больныхъ и заразныхъ (чахотка, сифилисъ и проч.), Суворовъ организовалъ въ войскахъ лазареты, околодки и слабосильныя команды и предписалъ къ

---

[1]) Установленныя этимъ приказомъ гигіеническія правила были въ зачаточномъ состояніи преподаны Суворовымъ еще раньше, а именно въ приказѣ его по подчиненному ему въ 1774 году резервному корпусу который выступалъ изъ Польши къ Дунаю (приведенъ въ 8-мъ приложеніи ко II-му выпуску Записокъ по исторіи Военнаго Искуства въ Россіи, профессора Д. Ѳ. Масловскаго). Замѣчательно, что въ этомъ приказѣ Суворовъ неоднократно указываетъ на необходимость дѣятельнаго солдатскаго режима (достаточное, но не облѣненное отдохновеніе; для невпаденія войска съ облѣненіе—производить частыя воинскія обученія).

Интересно, что въ 1788 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ послѣ вышеприведеннаго Суворовскаго приказа, Потемкинъ, въ ордерѣ своемъ Суворову, пишетъ: „наблюдать опрятность столь нужную къ сохраненію здоровья, содержанія въ чистотѣ амуниціи, платья и обуви; доставлять добрую пищу и лудить почасту котлы". (См. 3-е приложеніе къ вышеупомянутому труду Масловскаго). Давать такія указанія Суворову было, разумѣется, излишне.

[2]) Петрушевскій I, 415—417 и II, 14—17.

руководству: соблюдать крайнюю чистоту; потному за кашу не садиться, не ложиться отдыхать, а прежде прогуляться и просохнуть; на лихорадку, поносъ и горячку — голодъ; на цынгу табакъ; непрестанное движеніе на воздухѣ и т. д.

По прибытіи въ Херсонъ, кромѣ упорядоченія госпиталей, Суворовъ поручилъ двумъ комиссіямъ подробно изслѣдовать причины болѣзненности въ войскахъ, которая дѣйствительно была очень велика и сопровождалась временами большою смертностью. По мнѣнію Суворова, корень зла заключался въ полковыхъ и ротныхъ командирахъ, которые небрежно относились къ здоровью солдатъ. Комиссіи эти обнаружили много причинъ: плохія и сырыя казармы, недостатокъ топлива, непривычная для людей жара лѣтомъ, плохая вода, недостатокъ медикаментовъ и проч.

Суворовъ предписалъ войскамъ рядъ мѣръ, предоставивъ вышеупомянутымъ комиссіямъ расширять ихъ и измѣнять по обстоятельствамъ, Въ числѣ этихъ мѣръ были: осушка и провѣтриваніе казармъ, перемѣщеніе частей изъ нездоровыхъ мѣстностей; перемѣщеніе лѣтомъ людей изъ палатокъ въ шалаши и сараи; частая перемѣна подстилки, какъ подъ больными, такъ и подъ здоровыми людьми; поддержаніе въ казармахъ и лагеряхъ чистоты; постоянное наблюденіе за содержаніемъ больныхъ и здоровыхъ; первымъ движеніе и работа въ прохладные дни и часы (но отнюдь не въ жару); здоровымъ купанье въ проточной водѣ, но не въ гнилой и зацвѣтшей; такую воду не употреблять ни въ питье, ни на варку; гдѣ хорошей проточной воды нѣтъ, приказано вырыть колодцы; употребленіе рыбы изъ стоячей воды запрещено безусловно, а изъ Днѣ-

стра дозволена только мелкая и притомъ соленая; предписаны чистота бѣлья, постелей и посуды, употребленіе уксуса для больныхъ и здоровыхъ; лагерныхъ мѣстъ имѣть до трехъ по близости и понедѣльно ихъ перемѣнять.

Дѣятельнымъ помощникомъ Суворова въ его санитарныхъ мѣропріятіяхъ былъ штабъ-лекарь Бѣлопольскій, имя котораго онъ увѣковѣчилъ, включеніемъ его въ свою „Науку побѣждать“.

Въ это замѣчательное наставленіе войскамъ (Наука побѣждать) Суворовъ включилъ слѣдующія указанія о мѣрахъ къ сбереженію здоровья солдата.

„Бойся богадѣльни. Нѣмецкія лекарствицы, издалека тухлыя, сплошь безсильны и вредны; русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ; у васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ; береги здоровье; чисти желудокъ, коли засорился; голодъ — лучшее лекарство. Кто не бережетъ людей — офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережетъ. Жидокъ желудокъ, ѣсть хочется, — по закатѣ солнышка немного пустой каши съ хлѣбцемъ; а крѣпкому желудку буквица въ теплой водѣ или корень коневьяго щавеля. Помните, господа, полевой лечебникъ штабъ-лекаря Бѣлопольскаго: въ горячкѣ ничего не ѣшь, хоть до 12 дней, а пей солдатскій квасъ, то и лекарство; а въ лихорадкѣ не пей, не ѣшь, — штрафъ, за что себя не берегъ“.

„Въ богадѣльнѣ первый день мягкая постель, второй день французская похлебка, третій день ея братецъ, домовище, къ себѣ и тащитъ. Одинъ умираетъ, а десять товарищей хлебаютъ его смертный дыхъ. Въ лагерѣ больные и слабые; хворые въ шалашахъ, не

въ деревняхъ,—воздухъ чище. Хоть безъ лазарета, не надобно жалѣть денегъ на лекарства, коли есть гдѣ купить; сверхъ того и прочія выгоды. Да все это не важно, мы умѣемъ себя беречь: гдѣ умираетъ отъ 100 одинъ человѣкъ, а у насъ и отъ 500 въ мѣсяцъ меньше умретъ. Здоровому питье — воздухъ, больному — тожь воздухъ и ѣда [1])".

Заботясь о здоровьѣ солдата, Суворовъ, разумѣется, обращалъ вниманіе на доброкачественность провіанта, отпускаемаго войскамъ. Въ 1793 г. (въ бытность въ Херсонѣ) Суворовъ донесъ военной колегіи, [2]) что въ Карасубазарскомъ магазинѣ провіантъ никуда негоденъ и что отъ него солдаты болѣютъ и мрутъ. Дѣло дошло до Государыни, которая приняла его близко къ сердцу и прислала въ военную коллегію такую записку: „Бѣлевскаго и Полоцкаго полковъ полковниковъ, карасубазарскаго магазейна провіантъ кто подрядилъ, кто въ смотрѣніи имѣлъ, провіантскаго штата провіантмейстера или комиссіонера—прикажите судить и сдѣлайте примѣръ надъ бездѣльниками и убійцами, кои причиною мора, ради ихъ воровства и нерадѣнія, и прикажите сдѣлать осмотръ прочимъ магазейнамъ въ той сторонѣ, и на каторгу сошлите тѣхъ, кои у меня морятъ солдатъ, заслуженныхъ и въ столькихъ войнахъ храбро служившихъ. Нѣтъ казни, которой тѣ канальи недостойны".

Въ томъ-же году, обративъ вниманіе, что хлѣбъ въ провіантскихъ складахъ хранится подъ открытымъ не-

[1]) Эти указанія составляютъ часть словеснаго поученія, которое ежедневно читалось солдатамъ (офицеры и унтеръ-офицеры должны были знать наизустъ) и заканчивалось слѣдующими словами: Субординація, экзерція, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, побѣда, слава, слава, слава!

[2]) Петрушевскій II, 19 — 20.

бомъ и гніетъ, Суворовъ отдаетъ приказъ подчиненному ему оберъ-провіантмейстеру немедленно сдѣлать покрышки, весь хлѣбъ освидѣтельствовать и порченый запретить къ отпуску.

Преслѣдуя злоупотребленія по довольствію солдатъ и зная, что за мелкими воришками кроются крупные воры или что у нихъ могущественные покровители, которыхъ затрогивать опасно, Суворовъ въ одномъ изъ своихъ по этому вопросу писемъ говоритъ: „кого бы я на себя ни подвигъ, мнѣ солдатъ дороже себя; лучше его я имѣю способы къ самоблюденію“.

Злоупотребленій-же, въ ущербъ солдата съ которыми приходилось бороться Суворову, было очень много. О злоупотребленіяхъ въ госпиталяхъ уже говорилось. Были большія злоупотребленія и по поставкамъ предметовъ довольствія для войскъ (объ одномъ изъ нихъ было уже говорено выше). Такъ Суворовъ, по прибытіи въ Тульчинъ (1796 г.), нашелъ, [1]) что многіе генералы состояли поставщиками въ войска [2]). Рекруты прибывали въ части войскъ босые, полунагіе, изнуренные, со всѣхъ сторонъ обиженные. Строитель Одессы, генералъ де-Рибасъ, наживался страшно, злоупотребляя солдатскимъ трудомъ; онъ употреблялъ ихъ на работы во всякое время, въ жару и въ ненастье (выше было приведено, какъ Суворовъ регламентировалъ этотъ вопросъ два года тому назадъ, находясь въ Херсонѣ), а послѣ работъ они не могли ни обсушиться, ни обогрѣться, такъ какъ ка-

---

[1]) Петрушевскій. II, 238.

[2]) Описывая состояніе Потемкинской арміи послѣ его смерти (въ 1891 г. близь Яссъ), Петрушевскій (I, 421) говоритъ: „Армія была обставлена въ матеріальномъ отношеніи хорошо, но сіятельные и превосходительные подрядчики страшно наживались“.

зармы были сыры; при нихъ не было бань. Воды въ Одессѣ не хватало даже на приготовленіе пищи, такъ что иногда употреблялась вода съ грязью. Смертность въ войскахъ была страшная. Суворовъ немедленно возстановилъ тѣ мѣры, которыя были предписаны имъ два года тому назадъ въ Херсонѣ (см. выше), командировалъ въ Одессу штабъ-лекаря Бѣлопольскаго, съ виновныхъ начальниковъ строго взыскалъ, а одного изъ нихъ, котораго онъ называлъ торговой бабой, прогналъ со службы.

На сколько Суворовъ оберегалъ солдата отъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, особенно видно изъ приказа его 31 марта 1794 года въ Крыму [1]). Въ немъ онъ говоритъ о назначеніи солдатъ на работы слѣдующее. „Отъ инженеровъ уроки умѣренные, утренній и вечерній; оба вмѣстѣ соединять — каждому запретить. Наистрожайше воспрещается во время и малѣйшаго жара отнюдь ни кого ни въ какую работу не употреблять, подъ неупустительнымъ взысканіемъ, развѣ когда случится прохладный день [2]); а для успѣха, коли необходимо, лучше начинать работу прежде разсвѣта и вечерній урокъ кончить хотя къ ночи, особливо свѣтлой, токмо то ужъ въ большой нуждѣ. Какъ скоро работа окончена, то на завтракъ нужно тотчасъ къ горячимъ кашамъ“. Въ томъ-же приказѣ, говоря о сбереженіи здоровья войскъ, Суворовъ говоритъ: „Въ теплое время отдыхать подъ тѣнью, безъ облѣненія; ночью въ палаткахъ укрываться, въ холодную-же ночь отнюдь-бы въ

---

[1]) Петрушевскій II, 448.

[2]) Къ этому приказу была приложена таблица, показывающая посуточные наступленіе и исходъ жары въ Крыму.

нихъ сквозной вѣтеръ не былъ". Въ заключеніе приказа сказано: „Впрочемъ нижнимъ чинамъ соблюдать крайнюю чистоту и опрятность въ бѣльѣ, платьѣ и обуви; мыть лицо, руки и ротъ, ходить въ баню, особливо купаться".

Ѳ. А. Макшеевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА I-ая.

Высочайшее соизволеніе на передачу въ вѣдѣніе Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба дѣла сооруженія Суворовскаго памятника . . III

29 октября 1799—1899 гг. Панихида по Суворовѣ и торжественное засѣданіе конференціи Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба IV

Суворовъ и военная наука. Рѣчь профессора, полковника Мышлаевскаго IX

Суворовъ полководецъ. Рѣчь профессора, полковника Орлова XIII

Суворовъ-стратегъ. Сообщеніе профессора, генералъ-маіора Михневича 1

Двѣ катастрофы. Суворовъ въ Швейцаріи. Петръ на Прутѣ. Сообщеніе профессора, полковника Мышлаевскаго 50

Паденіе Польши и Суворовъ. Сообщеніе профессора, полковника Гейсмана 85

Суворовъ и два „Совѣта": Петербургскій 1794 и Вѣнскій 1799 года. Сообщеніе профессора, полковника Алексѣева 135

Суворовъ подъ Измаиломъ. Сообщеніе профессора, полковника Колюбакина 172

Военно-административный обликъ Суворова. Сообщеніе профессора: полковника Макшеева 197

КНИГА II-ая.

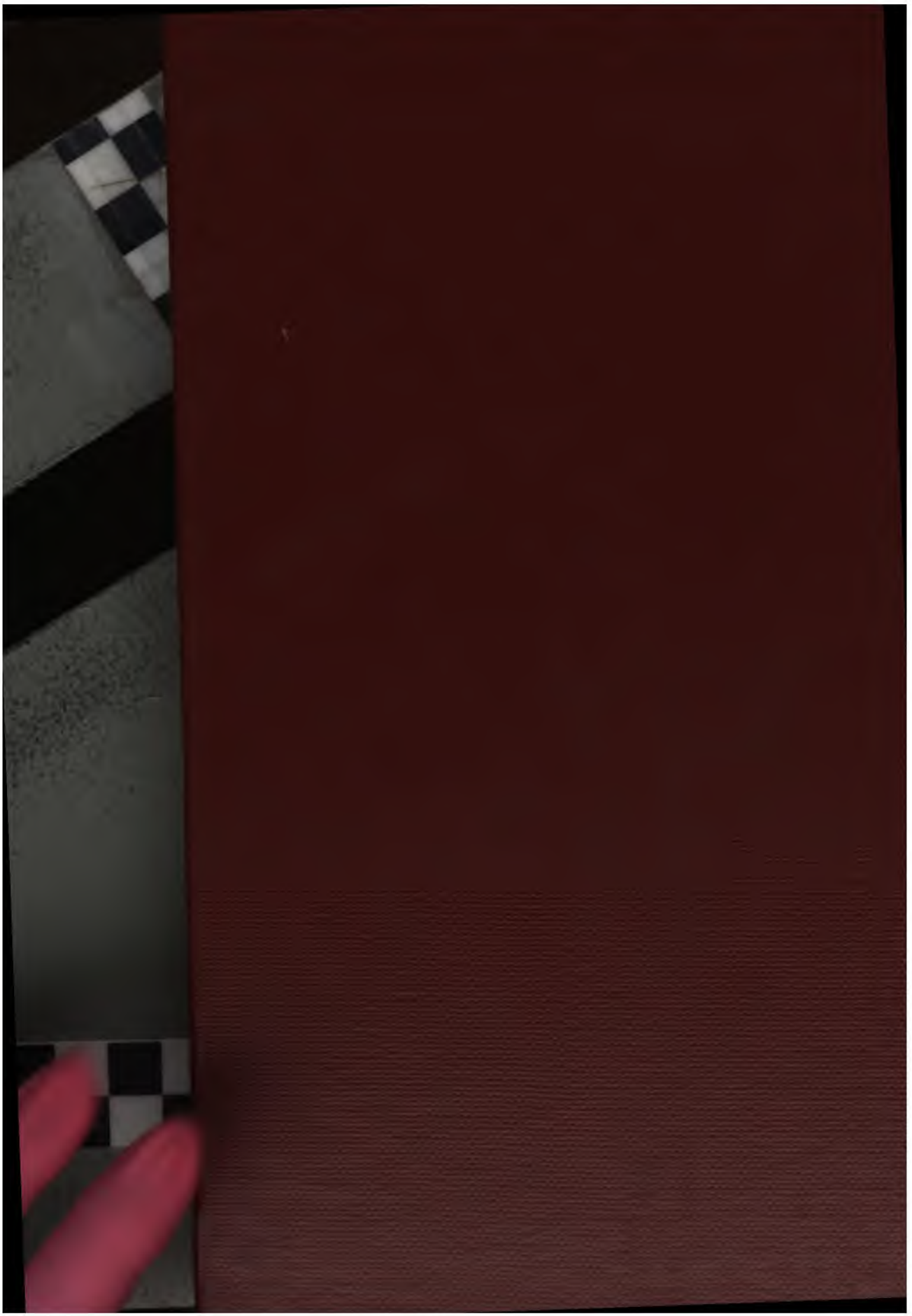
Стратегія и тактика Суворова въ Итальянской кампаніи 1799 г. для характеристики эпохи. Сообщеніе профессора, полковника Баскакова . . . .

Тактика Суворова. Сообщеніе профессора, полковника Орлова . . . . . .
Чествованіе столѣтней годовщины со дня кончины генералиссимуса князя Суворова . . . . . .
Суворовъ-человѣкъ. Рѣчь профессора, полковника Мышлаевскаго . . . . . .
Суворовъ—русскій военный дѣятель. Рѣчь профессора, генералъ-маіора Орлова . . . . . .
Суворовъ и флотъ. Статья профессора, генералъ-маіора Орлова . . . . . .

GENERAL BOOKBINDING CO.
LITY CONTROL MARK

DK767
S8L45
V.1

Stanford University Libraries
3 6105 013 548 370

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305